

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

BX

494
.T7
S4

B 472050 DUPL

Есч

Проф. А. М. Селищевъ.

ЗАБАЙКАЛЬСКІЕ СТАРООБРЯДЦЫ.

Семейскіе.

Издание Государственного Иркутскаго Университета.

Зорка

Г. Иркутскъ, 1920.

Парвая типографія об'ява потребителю «Сибирское Книжное Дѣло»

А. М. Велищевъ
Проф. А. М. Велищевъ.

213

байкальскіе *старообрядцы*
Забайкальскіе старообрядцы.

СЕМЕЙСКІЕ.

Семейскіе

Вспомни нищету мою и гонение мое.
Я вспоминаю горечь и желчь мою,—
стѣснена во мнѣ душа моя (Іеремія, Плачь III 19—21).

Иркутскіе государственнаго университета
Издание Государственнаго Иркутскаго Университета.

Иркутскіе
Г. Иркутскъ, 1920 г.

BX
414-
T7
S4

10

I

Весною 1919 г. Совѣтомъ Государственнаго Иркутскаго Университета и Средне-Сибирскимъ Отдѣленіемъ Института изслѣдованія Сибири я былъ командированъ съ научною цѣлью въ Забайкалье. Своей задачей я поставилъ ознакомиться съ языкомъ и укладомъ жизни старообрядцевъ, такъ называемыхъ «семейскихъ» Верхнеудинскаго уѣзда. Имѣя въ виду условія и обстоятельства переживаемаго времени, въ особенности въ Забайкальѣ, я долженъ былъ по возможности принять мѣры къ болѣе или менѣе безопасному странствованію по мѣстности, гдѣ еще недавно происходили полныя ужаса экзекуціи карательныхъ отрядовъ. Сочувственно къ моей командировкѣ отнеслась Верхнеудинская Земская Управа, очень облегчившая мои разъѣзды по селамъ уѣзда. Свидѣтельствую гг. членамъ Управы мою глубокую благодарность.

3 дня (27—29 мая), проведенные мною въ Верхнеудинскѣ, этомъ городѣ песку и пыли, были заняты подготовкой къ отъѣзду и предварительному ознакомленію съ настроеніемъ деревни. Свѣдѣнія, полученныя мною, были неутѣшительны: какъ въ городѣ, такъ и въ селахъ настроеніе было напряженное: столкновенія «семеновцевъ» съ американцами, привозъ бурятскаго «царя» и его министровъ, разговоры о разныхъ «конфликтахъ» сгущали городскую атмосферу. Къ тому же съ запада свѣдѣнія доходили скудныя: иркутскія газеты не допускались къ обращенію въ Верхнеудинскѣ. Только изъ-подъ полы я доставалъ у старика-газетчика «Свободный Край»; «Наше Дѣло» совсѣмъ не получалось имъ. Не рискованно ли мое путешествіе по уѣзду? —освѣдомился я у и. о. начальника милиціи.—«Относительно всѣхъ мѣстностей опредѣленнаго отвѣта я дать не могу. Во всякомъ случаѣ чины милиціи будутъ освѣдомлены о Вашей поѣздкѣ и окажутъ Вамъ свое содѣйствіе». Въ воскресенье, 1 июня, утромъ я отправился въ путь. Въ огромной колымагѣ, на подобіе той, въ какой кочуютъ цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, я потянулся на югъ. «Тракторная», или вѣрнѣе узкая песочная дорога между нависшимъ ельникомъ, о сучья котораго цѣплялась моя колымага, шла среди песчаныхъ холмовъ, поросшихъ деревьями. Недалеко въ сторонѣ разстился дымъ отъ лѣснаго пожара. Въ с. Саянтуй, Вахмистерово тожъ, находящемся въ 16 в. отъ Верхнеудинска, я смѣнилъ лошадей и направился въ старообрядческое село Тарбагатъай или, по мѣстному произношенію, Тарбатъай. Большая часть пути туда идетъ мимо голыхъ высокихъ горъ, отчасти приспособленныхъ подъ пашню. Только справа среди зеленыхъ береговъ блистаетъ на солнцѣ Селенга. Солнце пекло, а вѣтеръ поднималъ столбы пыли, застилавшіе мою убогую на этотъ разъ телѣжку. Мой возница, мужикъ лѣтъ 40, по случаю праздника немного хватившій «ханчи» и лукомъ закусившій, усѣлся со мной рядомъ и охотно подѣлился горестями жизни своего села. Тяжело жить: неурожай, дороговизна, неурядицы. Главное въ его рассказѣ было сообщеніе о карательномъ отрядѣ. Вотъ такого то и такого-то, совсѣмъ не причастныхъ ни къ какому злодѣянію, поведутъ въ баню, раздѣнутъ и хлещутъ плетью съ завязаннымъ въ нихъ свинцомъ,—хлещутъ до полусмерти. Иногда можно было откупиться деньгами. А иногда и деньги брали и сѣкли. Грабили не только деньги, но и имущество, не исключая и женскихъ нарядовъ. О

бурныхъ наѣздахъ карателей, дѣйствовавшихъ именемъ полковника Семенова, о ихъ разнузданной вольности мнѣ рассказывали въ каждомъ селѣ. Дѣло доходило до того, что дѣвушки и молодяя замужнія бабы прятались при посѣщеніи села блюстителями порядка. Кошмарны сообщенія объ этихъ «судныхъ» дняхъ—такъ кошмарны, что я сталъ стараться, наконецъ, не заводить разговора на эту тему. И безъ того много печальнаго пришлось наблюдать на своемъ пути.

Къ вечеру 1-го іюня я добрался до с. Тарбагатая, расположеннаго на рѣчкахъ Куйтунѣ и Тарбагатайкѣ, сливающихся у этого села. Глядя на длинный рядъ избъ и ихъ обитателей, вспомнилъ слова «Дѣдушки-декабриста:

Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живетъ
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ,
Подати платятъ до срока, —
Только ты имъ не мѣшай
«Гдѣ жъ та деревня?»—Далеко
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкаломъ ..— (Некрасовъ)

Да, и теперь тутъ избы тесомъ покрыты и народъ здоровый хрушкой, какъ говорятъ сибиряки. Но на-счетъ сытости и прочаго дѣло обстоитъ не такъ: есть заболѣванія *голоднымъ* тифомъ, и «рекруты» не тѣ: жалуются на побѣги мобилизованныхъ; да и трезвость шатается, на подати ропщеть народъ, судъ творить присланная милиція...

Тарбагатай (Тарбатай) было первое село, съ котораго я началъ свое ознакомленіе съ семейскими. Затѣмъ мною были посѣщены старообрядческія села: Куналей, Мужоршибирь, Новый Загань, Хонхолой, Никольское, Хараузъ. Встрѣчался и бесѣдовалъ со старообрядцами изъ Десятникова, Шаралдая (Шарандая, Шеролдая), Бичуры, съ Гацея,—гдѣ въ послѣдній годъ самовольно поселилось много семейскихъ выходцевъ изъ сосѣднихъ селъ. Проѣхать на Хилокъ и на Чикой, гдѣ въ нѣсколькихъ селахъ также живутъ семейскіе ¹⁾, оказалось затруднительно: пришлось бы ѣхать въ сопровожденіи милиціи, такъ какъ, по ея свѣдѣніямъ, въ Заганскомъ хребтѣ, черезъ который лежалъ путь забились банды разбойниковъ.

Посѣщенная мною села семейскихъ расположены въ долинахъ между отрогами горъ. Двѣ или три очень длинныя улицы, съ домами, соединенными одинъ съ другимъ заборами («заплотами») протянулись неподалеку отъ небольшой рѣчонки. Узенькіе переулочки («правулки») пересѣкаютъ ихъ. Такимъ проулкомъ мимо двора и гумна можно выйти къ рѣчкѣ или за село,—къ горѣ, въ поле, на выпасъ. Долина, гдѣ расположились семейскіе, представляетъ довольно болотистую почву: идешь по улицѣ, а дорожная насыпь зыблется, эластично углубляется («зыбунъ»). По канавкамъ стекаетъ выдавливаемая сизо-мутная жижица. Въ нѣсколькихъ селахъ находятся настоящія болота,—калтусъ. Такова низкая часть Мужоршибири, гдѣ живутъ пра-

¹⁾ См у П. А. Ровинскаго: «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв. Сиб. Отд. Р. Географич. Об-ва Т. III, № 3, стр. 123—124.

вославные или «сибиряки», по терминологии старообрядцев¹⁾ Въ послѣдніе годы тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступило въ особенности много воды, такъ что пришлось снести постройки съ насиженныхъ мѣстъ и оставить гумна и огороды. Плохо обстоитъ дѣло и въ Н. Заганѣ. Когда подъѣзжаешь къ этой деревнѣ, со стороны Мухоршибири, то видишь раскинувшееся топкое болото, а за нимъ протянувшуюся деревню. Заганцамъ селиться уже некуда стало: съ двухъ сторонъ болота, съ третьей засѣвное поле; а продолженіе долины занимаетъ Старый Заганъ, вплотную примкнувши къ Новому Загану. Въ Ст. Заганѣ населеніе православное. Использовать для построекъ поле нельзя: засѣвная площадь и безъ того невелика,—по двѣ съ небольшимъ десятины на душу²⁾. А нужда въ постройкѣ большая: за годы войны дѣло строительства прекратилось; между тѣмъ полюбовный раздѣлъ во многихъ домахъ хотѣлось бы произвести. Выбравъ то или иное мѣсто, всѣ мужики данной семьи заняты устройствомъ дома для очередного выдѣленія—старшаго сына или брата. Такъ ужъ у насъ повелось».

Не всѣ села вязнутъ въ болотахъ. Иные семейскіе задыхаются въ песчаной пыли. Таково село Тарбагатай. Ни клочка травки не видно на главной и старой улицѣ этого села. Другія двѣ улицы находятся въ болѣе низкой части, вдоль небольшой рѣчки.

Избы семейскіхъ—высокія деревянныя постройки. Если подойти снаружи, чуть рукой достанешь до окошка Рамы и карнизы во многихъ избахъ украшены рѣзьбой и раскрашены. Хорошіе дома строятъ російскіе плотники. Раньше они заняты были постройкой церкви. Теперь же спросъ не великъ по церковной части. Бѣдноватыя села, какъ напр. Хараузъ, похвалиться постройками не могутъ: по большей части избы тамъ низковаты и подслѣповаты. Внутри избы семейскаго чисто, опрятно. Полъ вымытъ и слегка посыпанъ пескомъ, а иногда застланъ самотканной матеріей. Въ переднемъ углу прибиты полки, на которыхъ разставлены иконы стараго письма и мѣдныя восьмиконечныя кресты въ кіотахъ. Тутъ же или на угловомъ столикѣ стоитъ кадилница, лежатъ свѣчи, висятъ лѣстовки (четки); на столикѣ положены «подручники», употребляемые при земныхъ поклонахъ. Въ другомъ углу большая русская печь, иногда раскрашенная какимъ-нибудь узоромъ, преимущественно синими или зелеными цвѣтами и пѣтухами. Въ сторонѣ отъ печи—палаты. Стѣны чисто вымыты. Въ нѣкоторыхъ домахъ по стѣнамъ развѣшаны лубочныя картинки. У хорошихъ хозяекъ на стѣнѣ красуются «карманы»,—длинные вышитыя полосы темной матеріи; часть такой полосы образуетъ мѣшочекъ, карманъ. Вдоль стѣнъ поставлены лавки. На окошкахъ стоятъ банки съ цвѣтами. Въ углу пріютилась «самопрядка», похожая, хотя и не вполне совпадающая съ прялкой («пряхой», какую я знаю по Орловской губ. Самопрядка у семейскихъ гораздо ниже, чѣмъ у орловскихъ крестьянъ. Конструкция же въ общемъ одинакова. Въ богатыхъ домахъ имѣется еще болѣе чистая изба—горница; стѣнами она соединяется съ общею избою. Въ каждомъ селѣ имѣется «земская квартира» («хватера») для лицъ, проѣзжающихъ по дѣламъ службъ для «начальниковъ» (синонимъ «чиновниковъ»). Въ нѣкоторыхъ селахъ земскія квартиры представляетъ собою удобныя, спокойныя, чистыя квартиры. Таковы квартиры въ Куналеѣ, въ Н. Заганѣ, въ Никольскомъ. Любопытна обстановка этихъ квартиръ. Тутъ есть стулья, деревянный диванъ, зеркало. Стѣны обязательно

¹⁾ По этой терминологии, православная церковь—сибирская церковь и т. под.

²⁾ По даннымъ Забайкальскаго Областнаго Статистическаго Комитета, душевой надѣлъ при переверсткѣ выразится еще меньшей цифрой: 1184 дес. на 1069 муж. душъ. См. въ «Памятной кнѣжкѣ Забайкальской области на 1914 годъ. Чита. 914 Стр. 446.

украшены большим количеством лубочных картин. Вот наприм. картинное собрание куналейской квартиры. Отъ иконъ непосредственно идутъ картины: избраніе Михаила Федоровича на царство; «Уродилася я, какъ въ полѣ былинка»; «Машина моему горю причина» (изображаетъ сцены разставанія и одиночества покинутой дѣвушки); подъ этимъ лубкомъ «Варвара великомученица» и «Архистратигъ Михаилъ»; далѣе идутъ картины со сценами изъ великой европейской войны, — картины страшныя, залитыя красной и желтой краской (кровью и огнемъ); среди этихъ картинъ помѣщенъ образъ великомуч. Екатерины; недалеко налѣплена «Счастливая минута» (онъ и она въ подвѣчныхъ костюмахъ наединѣ) и много другихъ. Такой же составъ картинъ и въ другихъ квартирахъ. Въ н.-заганской квартирѣ подборъ картинъ нѣсколько иной: развѣшаны виды Иркутска и Владивостока портреты офицеровъ (— хозяинъ былъ на военной службѣ въ Иркутскѣ), «Сестра Беатрисса»; неподалеку отъ нея пожилая кокотка съ полуобнаженнымъ бюстомъ и гитарой, Походженія шута Балакирева» и нѣк. др. На столикѣ стоитъ будильникъ и «гармафончикъ»; имѣется и альбомъ для открытыхъ писемъ, съ большимъ количествомъ открытокъ въ томъ числѣ и амурныхъ («Вижност rozkoszna» и др.) Въ каждомъ домѣ имѣется самоваръ. Чай пить семейскіе теперь любятъ. Уже утратила свое значеніе ихъ поговорка. «Кто чай пьетъ, тотъ отъ Бога отчаенъ». Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ семейскіе старики и старухи блюли это изреченіе. Вѣроятно, нѣкоторые строгіе старики и теперь еще воздерживаются отъ чая. Вѣдь это изреченіе находилось въ связи съ тѣмъ, чему учили ихъ справщики и книжники. «Аще кто дерзнетъ пити чай, той отчаеся симъ отъ Господа Бога, да будетъ данъ трима анаѳема». Сдѣлана ссылка на «Книгу Іоанна Назарея архіепискупа антиохійскаго, глава 20, л. 70». Такъ поучается въ старообрядческомъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь находящемся въ б.-кѣ Иркут. Дух. Семинаріи, XLV 1797, л. 86).¹⁾

Дворъ у семейскихъ съ различными надворными постройками раздѣленъ на 2 (обычно) или на 3 части. За дворомъ находится гумно, часть котораго занимаетъ «ладонь» (токъ): тутъ хлѣбъ молотятъ машинами или «молотилами». За гумномъ идетъ огородъ. На широкихъ грядахъ съ толстымъ пластомъ навоза («назьму») въ четыре ряда сдѣланы углубленія («лунки»), а въ нихъ посажены огурцы капуста, брюква («бруква»). Зеленѣетъ на грядахъ также картофель («бульба»), бутунъ, чеснокъ, морковь. Много труда кладутъ женщины у семейскихъ на свои огороды. по разу или по два раза въ день онѣ поливаютъ огородныя гряды. А воду приходится таскать во многихъ мѣстахъ изъ-подъ горы или изъ колодцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ позволили географическія условія, проведены каналы. Такъ, въ Тарбагатаѣ двѣ каналы орошаютъ огороды. Одну канаву, въ нижней части села, провести легко было. Зато не мало труда положили тарбагатайцы на проведеніе канавы въ верхней части села, позади главной улицы. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ дядѣ Ивану, настоящему провести въ прошломъ году канаву на протяженіи верстъ 6. Отъ этой канавы проведены рукава въ отдѣльные огороды. Иногда дядя Иванъ закрываетъ главную канаву у ея устья, и потокъ устремляется по самой улицѣ для освѣженія, «для воздуху». Дядя Иванъ—старикъ лѣтъ 70 съ лишнимъ, высокій, съ длинной сѣдой бородой, съ коротко стриженными волосами на головѣ Зимой и лѣтомъ онъ ходитъ въ одномъ и томъ же костюмѣ: безъ шапки, въ короткой курмушкѣ, въ ичихахъ, съ палкою въ рукѣ. Всѣ его помышленія въ прошломъ и въ этомъ году были устремлены на канаву. Спитъ и видитъ онъ ее. Иногда вскочетъ но-

¹⁾ Вслѣдствіе типографскихъ затрудненій въ передачѣ текста рукописей опущены надписные значки и раскрыты титла.

чью и спросонья кричить: «Ай, канава, канава прорвалась!».—Што ты, вѣдь ты въ избѣ,—проворчить старуха, и дядя Иванъ успокоится и заснетъ. За заботливость, которую дядя Иванъ выражаетъ и дѣломъ и еще больше словомъ, громкой руганью за непослушаніе, его прозвали въ селѣ комиссаромъ.—Въ Тарбагатаѣ проведены канавы и по «сѣнокосу»: водой ея поливаютъ траву.

Около огорода обыкновенно находится баня. Баня топится по черному; но имѣются бани и съ трубами.

Въ каждомъ селѣ, около казенныхъ (съ гласнымъ *е* послѣ *з*, а не *ѳ*) амбаровъ, находятся общественныя сушила для просушки хлѣба. Это покатыя помосты на четырехъ невысокихъ столбахъ: 2 столба по 2¹/₂ арш., другія два по 2 арш. Покаты сдѣланъ на югъ. Имѣются и частныя сушила.

Села семейскихъ по количеству домохозяевъ представляютъ собою большія русскія села съ главной улицей, протянувшейся въ нѣкоторыхъ селахъ на нѣсколько верстъ. Вотъ цифры домохозяевъ и населенія къ началу 1919 г. Въ Тарбагатаѣ 539 дворовъ; изъ нихъ 14 единовѣрческихъ, 60 православныхъ («сибирскихъ»), 465 старообрядческихъ. Число населенія 3391. Въ Пестеревѣ старообрядцевъ всего 60 человекъ (всего здѣсь жителей 1279). Въ Куналеѣ 860 домохозяевъ; изъ нихъ 3 нестарообрядческихъ. Общее число жителей 4808. Въ Десятниковой* 396 дворовъ; изъ нихъ старообрядческихъ 26. Число населенія 2096. Въ Надѣиной 290 домохозяевъ при 1606 человекъ населенія; изъ нихъ старообрядцевъ-поповцевъ 1196, безпоповцевъ 218, «сибиряковъ» 193. Въ Куйтунѣ 768 домохозяевъ при 4572 жителяхъ; старообрядческихъ 618 дворовъ при 3708 человекъ (изъ нихъ бѣлокринійцевъ 30 дворовъ и дворовъ 5 безпоповцевъ). Въ Старой и Новой Бряни 570 дворовъ при 4385 жителяхъ. Старообрядческихъ дворовъ 415 (въ Н. Бряни 378, въ Ст. Бряни 37). Въ Бурнашевкѣ 183 домохозяина при 1068 человекъ населенія; старообрядцамъ принадлежатъ 80 дворовъ. Въ Нижне-Талецкомъ жителей 654 человекъ, изъ коихъ 359 старообрядцевъ. Въ Нижней Жиримѣ 240 домохозяевъ; изъ нихъ 40 принадлежатъ безпоповцамъ-поморцамъ, столько же безпоповцамъ вообще, 115 поповцамъ. Всего здѣсь старообрядцевъ 1118 человекъ. Въ Верхней Жиримѣ 106 дворовъ, изъ коихъ 18 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 632 человекъ. Въ Мухоршибири 360 домохозяевъ; изъ нихъ старообрядческихъ 180. Общее количество населенія 2409 человекъ. Въ Н. Заганѣ 342 двора при 2350 жителяхъ; нестарообрядческихъ дворовъ здѣсь 10. Въ Шеролдаѣ 470 домохозяевъ, изъ которыхъ 70 нестарообрядческихъ. Число душъ мужск. п. 1530, женскихъ нѣсколько больше. Въ Гашевѣ 104 двора; изъ нихъ 2 нестарообр. Населеніе 577 человекъ. Въ Бичурѣ 1113 домохозяевъ и около 7000 человекъ населенія. Въ Харашибири 380 дворовъ, изъ которыхъ старообрядцамъ принадлежатъ 7; число жителей 2586. Въ Хонхолоѣ 696 домохозяевъ при 4287 человекъ населенія. 170 дворовъ принадлежатъ православнымъ. Старообрядцевъ безпоповцевъ дворовъ 300; прочіе—поповцы, въ числѣ которыхъ имѣются необщинники и общинники (дворовъ 50, имѣютъ свою церковь). Въ Никольскомъ 640 дворовъ, изъ которыхъ только 6 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь ок. 4200 человекъ. Поповцы здѣсь дѣлятся на общинниковъ (большинство; имѣютъ большую церковь, священника) и необщинниковъ (имѣютъ свою часовню). Въ Хараузѣ 370 домохозяевъ, изъ нихъ дома 3 нестарообрядческихъ. Всего населенія здѣсь 1052 человекъ муж. п. и приблизительно столько же женскаго.—Цифровыми данными на 1919 годѣ для другихъ селъ я не располагаю. По официальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ «Обзорѣ Забайк. Области» за 1908, 1909, 1910, 1914 гг., общее количество старообрядческаго населенія, или на официальномъ языкѣ, раскольниковъ, опредѣляется такими цифра-

ми. Въ 1909 г. во всей Забайкальской области старообрядцевъ было 54587 человекъ (27678 муж. и 26909 жен.); изъ нихъ 94,9% находилось въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ (51820). По сравненію съ 1908 г. населеніе увеличилось на 1913. Въ 1910 г. во всей Забайкальской области числилось 74557 старообрядцевъ (38025 мужчинъ и 36532 жен.); изъ нихъ въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ 95,7% (71327). Что-то очень великъ выходитъ приростъ населенія въ теченіе одного года: на 19970 человекъ! Процентъ прироста старообрядческаго населенія очень внушительный. Прослѣдимъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ для одного села Бичуры. По архивнымъ даннымъ (Урлущаго и Бичурскаго архивовъ), въ 1808 г. ¹⁾ въ Бичурѣ было 610 душъ об. п. (м. 300, ж. 310). На слѣдующій годъ показана цифра бичурскаго населенія 652. Въ 1825 г. Бичура имѣла 614 м и 584 ж; изъ нихъ старообрядцевъ 530 м. и 539 ж. (всего 1069). Въ 1830 г. старообрядцевъ 619 м. и 657 ж. (правосл. 104 м. и 50 ж.). Въ 1860 г.—1178 м и 1258 ж. (всего 2436). Правосл.—172 м. 102 ж.; единовѣрцевъ—25 м., 30 ж. Итакъ, съ 1808 г. до 1830 г. старообрядческое населеніе въ Бичурѣ увеличилось вдвое (610, 1276). За слѣдующія 30 лѣтъ narosло населенія еще влвое. За послѣднія 58 лѣтъ, къ 1919 г., бичурское населеніе увеличилось больше, чѣмъ въ 2½ раза. За 110 лѣтъ съ 1808 до 1919 г. населеніе тамъ возросло до 7000 человекъ, т. е. увеличилось въ 11,3 раза. Домовъ въ Бичурѣ въ 1825 г. показано 150; къ этому надо присоединить домовъ 30 нестарообрядческихъ. Къ 1919 г. тамъ было 1113 домохозяевъ

Мы располагаемъ свѣдѣніями о количествѣ дворовъ (семействъ) старообрядцевъ, относящимися еще къ болѣе раннему времени, къ первымъ годамъ ихъ жизни въ Забайкальѣ. Именно, П. С. Палласъ, путешествуя по Сибири, объѣздивъ и Забайкальѣ (въ апрѣль—іюнь 1772 г.). Онъ побывалъ и въ селахъ, гдѣ лѣтъ 6 тому назадъ, по его свѣдѣніямъ, поселились «польскіе колонисты», т. е. предки нашихъ семейскихъ, пришедшіе изъ Польши, и записалъ количество ихъ дворовъ въ той или иной деревнѣ. Такъ, въ Тарбагатаѣ было тогда 10 дворовъ (теперь 479), въ Хонхолоѣ 28 (теперь 526), въ Куйтунѣ 50 (теперь 618). Всего въ Тарбагатайскомъ округѣ, куда входили между прочимъ села Бурнашевка, Пестерева, Куйтунъ, Куналей, Брянь, число «новопоселенныхъ колонистовъ» Палласъ опредѣляетъ цифрой 460 ²⁾.

Семейскіе—народъ рослый, здоровый, красивый. Нерѣдки старики и старухи 80—90 лѣтъ. Но молодое поколѣніе уже мельчаетъ. По цвѣту кожи и волосъ отмѣтимъ слѣдующее. Наряду съ великорусскимъ свѣтлымъ типомъ встрѣчаются и смуглолицыя, съ большими карими глазами. «Смотри, какіе мы чумазные»,—замѣтилъ мнѣ одинъ старикъ въ Тарбагатаѣ. «Вѣрно, повелось такъ отъ хохловъ, когда дѣды наши въ Польшѣ жили» ³⁾. Брадобритіе какъ душегубительный грѣхъ, строжайше воспрещается. Вернувшіеся съ военной службы епитиміей и покаяніемъ обязаны очистить свой грѣхъ невольной мерзости брадобритія. Воспрещается подходить къ кресту и къ иконамъ, пока не изгладятся слѣды богомерзкаго скобленія,—слѣды «блудолюбиваго образа прелести, душегубительныя помраченныя ереси, иже остругати браду» (отъ Потребника печати Іосифа патріарха, л. 443) До сихъ поръ еще блюдутся настойчивыя и суровыя осужденія этой римской папской ереси (см. ниже).

¹⁾ Цифровыя данныя архивовъ извлечены изъ цитир. статьи П. А. Ровинскаго стр. 125—132

²⁾ P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. III. St. Ptb. 1776, стр. 160, 165, 168, 257, 258.

³⁾ Цифровыя данныя антропологическихъ измѣреній см. въ брошюрѣ Ю. Талько-Грынцевича: «Къ антропологии великороссовъ». Томскъ. 1898 — Къ сожалѣнію, количество субъектовъ, имъ обмѣренныхъ, незначительно.

Костюмъ женщины сохраняется издавна. Вотъ «обрядъ» замужней женщины. На головѣ *кичка*, сшитая изъ стеганой матеріи; имѣетъ видъ шляпы безъ полей, болѣе высокой спереди и нѣсколько понижающейся къ затылку. Передняя часть кички снизу имѣетъ неширокую полосу, вышитую бисеромъ. Но носить кички и безъ бисера. Молодухи вмѣсто бисерной полоски оторачиваютъ кичку снизу кучерями (*жучери*),—кайма изъ закругленныхъ гусиныхъ перышекъ. По затылку спущенъ *назатыльмикъ*, шитый позументомъ. (Надѣвается въ праздничные дни и то не всѣми) Кичка покрыта шалью такъ, что два конца перевязываются спереди на кичкѣ и прячутся книзу; два другіе конца спускаются книзу, покрывая шею (см. прилож. снимки). Пожилыя женщины перевязываютъ покрытую кичку свернутымъ платкомъ: накладываютъ подъ подбородокъ, а концы завязываютъ на головѣ. Въ праздничные дни, въ торжественныхъ случаяхъ, надѣваютъ *кокошникъ*. Онъ имѣетъ видъ широкой туфли, шитой золотомъ или позументомъ. Онъ надѣвается на кичку и по бокамъ покрывается платкомъ (шалью). Кокошникъ старообрядческой женщины на Чикоѣ отличается отъ вышеописаннаго болѣе высокимъ и угловатымъ покроемъ (см. на снимкѣ). Теперь кокошникъ надѣваютъ рѣдко. Я не видѣлъ ни одной женщины въ кокошникѣ. Съ видомъ и устройствомъ его я познакомился, только разсматривая женскій «обрядъ», хранящійся въ сундукахъ. Раньше обязательно, а теперь рѣдко, къ вѣнчанію молодая приготовляла кокошникъ; попъ въ церкви освящалъ его, возлагая на престолъ. Цвѣтная (обычно не узорами) рубашка съ глухимъ воротникомъ. Цвѣтъ рубашки разный: синій, красный, желтый. Цвѣтъ ея не совпадаетъ съ цвѣтомъ сарафана. Рукава доходятъ до кисти руки. По плечамъ и около локтя могутъ быть неширокія нашивки. *Сарафанъ* цвѣтной, яркаго цвѣта, съ большими рѣзкими цвѣтными узорами (обычно въ видѣ піоновъ и т. под. крупныхъ цвѣтовъ). Внизу сарафана нашита цвѣтная полоска, рѣзко отличающаяся по цвѣту отъ сарафана. Могутъ быть и двѣ полоски, но по цвѣту различныя: вотъ лиловатый сарафанъ; по нему двѣ полоски: красная и повыше малиновая. Сарафанъ опоясывается самотканнымъ поясомъ. Узоръ пестрый, съ геометрическими фигурами. Сотканъ поясъ великолѣпно.—Такіе же пояса носятъ и парни.—Сбоку подвязанъ вышитый *кирманъ*. Впрочемъ, теперь его носятъ рѣдко. Фартукъ («запонъ») цвѣтной (иного цвѣта по сравненію съ цвѣтомъ рубашки и сарафана) покрываетъ переднюю часть сарафана и доходитъ до половины груди. Шнуромъ онъ держится на шеѣ, а на талии онъ скрѣпляется также шнуромъ или тесьмой. Бусы украшаютъ грудь. Шнурокъ съ крестомъ надѣтъ также поверхъ рубахи. Крестъ всегда запрятанъ подъ фартукъ. На ногахъ сапоги съ широкими подборами. Смотря по погодѣ, надѣваютъ *курмушку* или *халатикъ*. Курмушка или *курма*—короткая одежда въ родѣ жакета съ клиньями. Шьется изъ плиса. Халатикъ доходитъ до колѣнъ. Онъ набрасывается на плечи, надѣтъ «на-расташку». Когда же итти въ церковь, полагается надѣтъ его на-рукава. Въ теплую погоду вмѣсто халатика покрываются длиннымъ платкомъ: двумя концами онъ слягивается подъ подбородкомъ, а всею прочею частью (не сложенной вдвое) спускается съ головы назадъ. На пальцахъ носятъ кольца. У старухъ (немногихъ) я видѣлъ на рукѣ мѣдный браслетъ («брушлетъ»). По объясненію одной старушки, браслеты носятъ будто бы для облегченія рукъ при жатвѣ (с. Никольское)

Двушкамъ кички носить, конечно, не полагается. Вмѣсто нея онѣ носятъ головныя повязки, иногда съ жемчужными привѣсками. Такой уборъ отмѣчаетъ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ на югѣ ¹⁾. Головную повязку съ *рясами* указывалъ въ 70-хъ г.г.

¹⁾ «Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальѣ». Протоколъ Троицкосавско-кяхтинскаго Отдѣленія Приамур. Отд. Р. Г. Обва. № 2 (1894), стр. 28

и П. А. Ровинскій. Но я такой повязки въ посѣщенныхъ мною селахъ не встрѣчалъ. Я замѣтилъ лишь, что дѣвушки надѣваютъ головную повязку, когда онѣ идутъ въ церковь (с. Никольское). Ни одной дѣвушки и дѣвочки безъ повязки я не видѣлъ въ церкви. Повязка представляетъ слѣдующее: картонъ, вырѣзанный въ формѣ серповиднаго кокошника, обертывается платкомъ (шалью), концы котораго перевязываются на затылкѣ и спускаются книзу. «Она при бумашки», говорятъ о дѣвушкѣ съ такой повязкой. Грудь у дѣвушки въ изобиліи украшена бусами (см. снимокъ).

Рубаха *мужчины* обычная великорусская. Въ рубахахъ стариковъ замѣтилъ слѣдующее отличіе: воротника почти нѣтъ: онъ замѣненъ узенькой полоской. Обычно рубаха и штаны шьются изъ покупной матеріи. Но носятъ рубахи и изъ самотканнаго холста, окрашеннаго въ синюю краску. Изъ такого же холста шьютъ и штаны. Покрой штановъ: очень широкіе, съ напускомъ. Молодежь уже шьетъ узкіе штаны. На ногахъ обычно *ичиши*, иногда сапоги. На головѣ носятъ небольшую валяную шляпу. Встрѣчаются молодые мужики и ребята съ серьгой въ лѣвомъ ухѣ. На рубаху, смотря по погодѣ, надѣваютъ поддевку или курму (курмушку). Поддевка короткая, недоходящая до колѣнъ. Курма или курмушка имѣетъ такой же покроемъ, какъ у бабъ. На югѣ, въ глухихъ мѣстахъ, молодежь носитъ куртики со стоячимъ воротникомъ, съ вышитыми разноцвѣтнымъ шелкомъ лацканами. Поддевка, курма и куртикъ сшиты изъ плиса. Молодежь не строго держится стараго покроя платья: носятъ пиджаки, картузы. Когда идутъ въ церковь или въ моленную, надѣваютъ обязательно *халатъ*. Въ халатѣ стоятъ въ церкви и старики, и парни, и ребяташки.

Исключительное занятіе семейскаго—*земледѣліе*. Въ обработкѣ поля онъ чрезвычайно трудолюбивъ. Нѣтъ ни одной полоски удобной земли, которую онъ тщательно не приспособилъ бы для посѣва, хотя и не всегда получаетъ вознагражденіе за свои труды, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій. Пашню—паръ семейскій обязательно троитъ; двойтъ рѣдко. «Два раза вспашешь,—2 хлѣба возьмешь. Три раза вспашешь,—3 хлѣба возьмешь». Пашутъ не только мужчины, но и бабы и дѣвки: «работники дорогі».

Трудолюбіе семейскихъ и результаты его были отмѣчаемы съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ поселенія въ Забайкальѣ. Въ 1772 году Палласъ обращаетъ особое вниманіе на «большой трудъ и прилежаніе» и на «чрезвычайный успѣхъ» «польскихъ колонистовъ». Онъ же описываетъ и нѣкоторыя стороны хозяйственной жизни забайкальскихъ старообрядцевъ (см. ниже). Въ 20 хъ г. г. прошлаго столѣтія с Тарбагатай посѣтилъ А. Мартосъ и въ своихъ «Письмахъ о восточной Сибири» (М. 1827, стр. 115) отмѣчаетъ у семейскихъ «страсть къ землепашеству», «неутомимое прилежаніе, дѣятельность». Такіе же отзывы о нихъ оставили и декабристы, проходившіе черезъ старообрядческія села въ Петровскій заводъ. «Все у нихъ [у тарбагатайскихъ старообрядцевъ] соотвѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы—все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». Такъ отзывался о нихъ декабристъ А. Е. Розень¹⁾. Такъ же характеризуются семейскіе и въ послѣдующее время. «Крѣпкій физически и нравственно, семейскій мужественно ведетъ борьбу съ природой: разрушаетъ лѣса, осушаетъ болота и обращаетъ ихъ въ плодородныя нивы и тучныя луга; по общему отзыву, *семейскимъ* главнымъ образомъ весь верхнеудинскій округъ обязанъ благосостояніемъ». Такъ писалъ въ 1871 г. П. А. Ровинскій²⁾. Большое культурное значеніе семейскихъ для Забайкалья отмѣча-

¹⁾ Записки барона А. Е. Розена. «Отеч. Записки», 1876 г., № 4, 412.

²⁾ Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Об ва Т. III. № 3, 122—123.

еть и официальный отзывъ о нихъ: «Особенно важное значеніе для края имѣло появленіе въ Забайкальѣ на жительство раскольниковъ старообрядцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «семейскихъ», поселившихся въ Верхнеудинскомъ округѣ». Такъ говорится о семейскихъ въ «Приложеніи къ Всеподданѣйшему Отчету Воен. Губ. Забайк. Области»¹⁾.

Какъ живеть старообрядческое населеніе? Какія болѣсти и чаянія его?

Прежде всего въ каждомъ селѣ отъ cadaго собесѣдника я слышалъ неизбѣжную жалобу на недостатокъ земли. Отъ старика и старухи до парнишки всѣ въ одинъ голосъ вопили: земли мало, земли дайте, хлѣба недостаетъ, сѣна не хватаетъ. И эти вопли не жадность семейскихъ. Съ землей обстоитъ у нихъ дѣло не благополучно. Посѣвная площадь недостаточна. На душу приходится отъ 2—2¹/₃ до 5 (рѣдко) десятинъ. Есть и такія села, гдѣ душевой надѣлъ удобной пахотной земли меньше 2 десятинъ. Такъ, напр., въ Билютомъ (Окино Ключевской вол.), по офиц. даннымъ 1914 г., пахотной земли 711 десятинъ, число мужскихъ душъ 452. Въ Урлукѣ 4289 десятинъ при 3203 муж. душъ. Сравните въ «Спискѣ населенныхъ мѣстъ въ Забайк. Области», находящемся въ «Памятной книжкѣ Забайкальской Области на 1914 г.». (Чита 1914). Къ тому же, то холодъ повредитъ урожаю, то градъ выбьетъ, то «кобылка» поѣстъ. Въ с. Тарбагатаѣ и Куналеѣ уже 2 года, какъ нѣтъ урожая. А въ с. Хараузѣ ежегодно, кажется, недостаетъ своего хлѣба. Кормятся хлѣбомъ, привозимымъ изъ южныхъ селъ съ Хилка, главнымъ образомъ изъ Бичуры. Въ послѣднее время на деньги тамъ не хотятъ продавать хлѣбъ: обмѣниваютъ на женскіе наряды. Недостатокъ надѣльной земли заставляетъ крестьянъ арендовать землю у бурятъ. Почти каждый домохозяинъ снимаетъ по мѣрѣ своихъ силъ то или иное количество земли у бурятъ. Арендная плата въ этомъ году 80—120 р. за десятину. Бываютъ и иныя условія: крестьянинъ обязывается вспахать и засеять своими сѣменами бурятскую землю, сжать и обмолотить, а зерно и солому раздѣлить пополамъ съ владѣльцемъ земли («сѣить съ половиной»). Но не каждому крестьянину буряты сдаютъ землю. Нѣкоторымъ они отказываютъ по какимъ-нибудь соображеніямъ... «Любить, штобы кланялись ему. Заламаецца, а ты просишь его: талаша дай землицы». «Они—наши помѣшныки»,—обычно говорятъ тамошніе крестьяне и выражаютъ весьма энергичныя претензіи завладѣть частью бурятской земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была назначена особая комиссія, которой произведенъ былъ осмотръ бурятской земли и намѣчены были участки для передачи крестьянамъ. При большевикахъ эти участки были утверждены за крестьянами. Но въ настоящее время эта земля остается пока объектомъ претензій крестьянъ. «Хлѣпочимъ, но наша сила у тукъ нейдѣтъ». Пока семейскіе ожидаютъ законнаго общаго передѣла земли, не хотятъ «итить на силокъ, нахратомъ брать». Но это терпѣніе не прочно. При переживаемомъ безвременьи эти претензіи могутъ повести къ печальнымъ результатамъ. Не претендуетъ на бурятскую землю только населеніе Харауза,—и то потому, что эта земля далеко отъ нихъ. Но у хараузцевъ въ теченіе 40 лѣтъ идетъ споръ съ крестьянами сосѣдняго с. Никольскаго изъ-за покосной площади. Отвѣтъ на свои жалобы хараузцы получали отъ властей слѣдующій: «Право на спорную площадь покоса принадлежитъ вамъ;—жалуйтесь». А жаловавшимся никольцамъ тѣ же власти говорили: «Вы фактически пользуетесь этой площадью и продолжайте пользоваться». Хараузцы показывали мнѣ много документовъ, оправдывающихъ ихъ претензіи. Въ областномъ земельномъ комитетѣ обѣщали рѣшить этотъ вопросъ къ

¹⁾ Обзоръ Забайк. Области за 1881 г. Стр. 3

концу іюля. Въ случаѣ отказа въ удовлетвореніи жалобы хараузцевъ послѣдніе не прочь прибѣгнуть къ оружію и «на-грудки лѣзть». Не благополучно обстоитъ дѣло съ сѣнокосами и выпасомъ и въ другихъ селахъ. Въ особенности тяжело приходится заганцамъ. У нихъ есть небольшой участокъ подъ покось. До 1 іюня ст. ст. скотъ пасется тамъ. Но съ 1 го іюня покось запираютъ, и скоту пастись совершенно негдѣ. Остается только болото у села, куда рискуютъ залѣзть однѣ свиньи

Молодой скотъ семейскіе сдаютъ на пастбище бурятамъ за извѣстное вознагражденіе. Получаютъ скотъ обратно не безъ урона. Отдавать молодой скотъ на лѣтную кормежку бурятамъ издавна практикуется тамъ. Такъ дѣлали уже въ 70 хъ г. г. XVIII-го в.: указаніе на это имѣется у Палласа (III, 168).

Чтобы поправить свои дѣла по хозяйству, семейскіе ходятъ на заработки на желѣзнодорожную станцію или на пріиска (на Олекму, на Зею). Много уходитъ на заработки изъ селъ Харауза, Никольскаго, Хонхолоя, Тарбагатая, Мухоршибири и нѣкоторыхъ другихъ. По пріискамъ давно уже ходятъ. Въ 1882 г., напр. ушло изъ Мухоршибири 780 человекъ!) На пріискахъ теряютъ нерѣдко здоровье и жизнь. Тѣ, кто не забалуется на чужой сторонѣ, возвращаются домой съ деньжонками. Удастся не только поправить дѣла по хозяйству, но и скопить небольшой «капитуль». — «Ну, и раздулъ кадила. — говорятъ о разбогатѣвшемъ.

Затруднительное положеніе у себя на родинѣ, принуждаетъ семейскихъ искать болѣе свободныхъ земель и переселяться. Тянутся на Амуръ. На Троицу изъ Мухоршибири направилось туда 10 семей

Другое обстоятельство, угнетающее семейскихъ, — это современная неурядица. Будетъ ли порядокъ? — опять неизмѣнный вопросъ задававшійся мнѣ на каждомъ шагѣ мужиками. «Видно намъ не дожить до порядку!» — меланхолично замѣчали вздыхая, старики. Неурядицей вызвано и ненадежное настроеніе мобилизованныхъ. Семейскіе, какъ, повидимому, и прочіе тамошніе крестьяне, не понимаютъ значенія борьбы съ большевиками. «Богъ вѣсть, зашто народъ убиваютъ! Партіи борются, а народъ пошто мѣшаютъ?» — Это замѣчаніе не разъ приходилось слышать въ деревнѣ. «Будь порядокъ, мы солдатъ дадимъ. Какъ можно безъ войсковъ? Никакъ нельзя. А таперь парней взяли, а тамъ ихъ смущаютъ, — говорятъ: вы не идите за Кульчука, и тащутъ на другую сторону. Иные на свою сторону манютъ. А наши парни глупые, — мы народъ тежній, — боятца: возьметъ верхъ другая «партія» и будетъ наказывать солдатъ, — вотъ бѣгутъ и бѣгутъ. Насъ стариковъ наказываютъ, а мы што съ парнями подѣлаемъ: оны намъ на глаза не показываются».

Очень беспокоятъ семейскихъ недоразумѣнія въ средѣ нашихъ союзниковъ. Первый большой вопросъ, предложенный мнѣ въ Тарбагатаѣ, былъ такой: «А какъ на-шшэтъ войны Америки съ Японіей?» — Какой войны? — переспрашиваю я. «А въ Удинскимъ на Березовкѣ, ужъ окопы вырыты». Этотъ вопросъ мнѣ задавали въ каждомъ селѣ. Съ перваго разу меня считали въ селѣ, куда я пріѣзжалъ, за американца и относились благожелательно. «Маланья! пошто сходи собирають?» — кричитъ одна баба другой (въ Хонхолоѣ). «Американецъ пріѣхаль, подписы брать, на чьей мы сторонѣ,» — отвѣчаетъ та «Американецъ», т. е. я, сидѣлъ около одной изъ этихъ бабъ и мирно бесѣдовалъ объ огородахъ. «А зачѣмъ японцы недавно пріѣзжали и планы снимали?» — освѣдомляются у меня въ Хараузѣ собравшіеся въ волости старики.

1) «Сибирь» 1882 г., № 5

И еще постоянныя жалобы сельскихъ обывателей: подати не по силамъ. 40—42 рубля съ души земскихъ налоговъ; кромѣ того волостныя подати, а тутъ еще у нѣкоторыхъ подоходный налогъ: 100—300 рублей на домохозяина. Гдѣ намъ взять такія деньги? Энонъ дядя Хома,—одинъ, снѣтъ въ солдатахъ у самого ноги болятъ а подоходный налогъ плати,—100 рублей. Хорошо, если можно хлѣба продать. А мы его сами покупаемъ (въ Тарбагатаѣ, Куналеѣ, Хараузѣ). Нынче правительство не народное.—Почему?—А зачѣмъ оно противъ народу.—Чѣмъ?—Податями. Слѣдовало далѣе перечисленіе податныхъ тяготъ

Мѣстные представители власти, чины милиціи отчасти способствуютъ успокоенію, но только отчасти. Изъ положительныхъ сторонъ ея дѣятельности надо указать на энергичное преслѣдованіе разбойническихъ шаекъ. Это сознаютъ и крестьяне. Но не меньше и жалобъ на милицію. Она заводитъ кумовство съ преступными элементами, потворствуетъ имъ, не отзывается на обиды, чинимыя ими, пьянствуетъ. «Какой это начальникъ! Вчера стоялъ подъ березкой и грабилъ а таперь милиція,»—во всеуслышаніе раздавалось по селу. Вообще въ такой аттестаціи милиціи въ селахъ не стѣснялись, и громче всѣхъ выражалось недовольство со стороны «женскаго полку». Въ селѣ Никольскомъ рассказывали, какъ отыскивали оружіе у одного богатаго мужика: избили до полусмерти, въ ротъ навозъ («назѣмъ») забивали; довели до того, что бѣдняга разумомъ повредился. А пьянство до того доходитъ, что одинъ милиціонеръ арестовываетъ другого; бываетъ, что младшій сажаетъ подъ арестъ старшаго. Единственное сдерживающее начало для сельской милиціи—уѣздный начальникъ, страхъ передъ которымъ кое-въ-чемъ останавливаетъ блюстителей порядка.

Отношеніе къ «большевизнѣ» сочувственное. Эти села только слышали программныя рѣчи большевиковъ и видѣли ихъ бѣгущими послѣ своего паденія. По мѣстамъ съ благодарностью вспоминаютъ, что большевики разрѣшили воспользоваться крестьянамъ спорной бурятской землей. Вернувшіеся военнооблннные своими рассказами о голодающихъ деревняхъ Европейской Россіи нѣсколько поколебали надежды на большевицкое благополучіе.

Вотъ нѣкоторые факты для представленія о политическомъ «умонастроеніи» семейскихъ. Но изъ этихъ фактовъ невозможно сдѣлать опредѣленнаго заключенія о политическихъ тенденціяхъ семейскихъ. Могутъ лишь еще замѣтить что ихъ весьма беспокоитъ отсутствіе главы государства,—отсутствіе «хозяина». Кого бы они желали видѣть «хозяиномъ», президента или монарха? Этотъ вопросъ, боясь быть заподозрѣннымъ, я избѣгалъ предлагать. Но нерѣдко въ разговорѣ со стариками для меня представлялось, что этотъ вопросъ они рѣшили-бы такимъ образомъ: хорошо-бы, если-бы тамъ, гдѣ-то вверху, сидѣлъ царь,—сталъ бы порядокъ въ государствѣ, а поближе къ намъ, къ народу, правителями были бы большевики или вродѣ нихъ. Въ Тарбагатаѣ мнѣ передавалъ старикъ, какъ одинъ старообрядецъ, ученый человекъ, дивно начитанный, говорилъ, что въ Учредительномъ Собраніи будутъ выбирать хозяина земли русской по писанію; а писаніе укажетъ-де, что долженъ быть царь.

Семейскій—трудолюбивый земледѣлецъ. Все, что выходитъ изъ традиціонныхъ рамокъ обрабатыванія земли, мало привлекаетъ его вниманіе, если не затрагиваетъ его жизненныхъ интересовъ. «Мы народъ глупый, темный, необразованный,—знаешь—семейщина» и т. п. выраженіями аттестуютъ себя семейскіе.—Нѣтъ, говоришь имъ,—народъ вы не глупый, сметливый, но, что правда,—народъ темный. Школьное дѣло въ селахъ семейскихъ стоитъ на крайне низкой ступени. Можно сказать, школы у

нихъ нѣтъ. Грамотнаго человѣка въ селѣ не легко найти. Если найдешь, то окажется, что грамотѣ онъ обучился на военной службѣ. Въ 7 волостяхъ, посѣщенныхъ мною, я не встрѣтилъ ни одного грамотнаго предсѣдателя. Въ огромномъ селѣ Куналеѣ при моемъ приѣздѣ не было секретаря (писаря). Уже съ недѣлю какъ ушелъ. За это время набралось много казенныхъ пакетовъ въ волости. Можетъ быть, тамъ были и срочныя дѣла. Кто ихъ знаетъ. Новаго секретаря, который прочиталъ бы эти пакеты, не подыскали еще.

Единственнымъ мѣстнымъ источникомъ мудрости является уст ав ш ы к ѣ (уставщикъ) или сп ра в ш ы к ѣ. Онъ обучаетъ кое кого изъ ребятъ церковно-славянской грамотѣ, чтобы они могли, лѣтъ черезъ 5 обученья, прочитать на «клыросѣ» часы, шестопсалміе или кануны. Къ обученію же гражданской грамотѣ уставщики относятся недоброжелательно и тормозятъ дѣло народнаго образованія. Они рѣшительно встаютъ противъ открытія школъ, угрожая отлученіемъ отъ общины.—«Не буду хоронить, не пушу въ церковь, въ молитвенный домъ»,—грозно заявляетъ уставщикъ своему послушному темному стаду. Въ минувшемъ году былъ съѣздъ уставщиковъ, и на этомъ съѣздѣ было постановлено ими: «школъ не открывать». Забыто или обойдено изреченіе изъ словъ Іоанна Златоустаго, которое имѣется въ ихъ старообрядческихъ сборникахъ: «Сладостень убо цвѣтникъ и рай; много же сладостнѣе книжное прочитаніе и разумъ». Уставщики—страшное зло въ семейскихъ обществахъ. Эти мракобѣсы губятъ тѣло и душу простаго человѣка,—губятъ произволомъ своей церковной власти. Сами они, бредя по церковнымъ книгамъ, совершенно не разумѣя самага простаго текста и наивно толкуя его, мнятъ себя непогрѣшимымъ кладяземъ премудрости. Вотъ образецъ глубины и чистоты этого кладязя. Одинъ изъ передовыхъ молодыхъ старообрядцевъ, желая показать всю глупость и надутость своего уставщика, нежелавшаго приглашать учителя для ребятъ, вызвалъ его на грамматическій споръ. Тотъ принесъ свои непогрѣшимыя книги. И въ этихъ книгахъ встрѣтилось названіе падежа - родительный, —и числа—множественное.—«Что это такое?»—спрашиваетъ молодой старообрядецъ.—«Это,—грубо кричитъ во все горло уставщикъ,—это по нашему Сусой, а если Сисой, то это будетъ значить родительный.—Зимою по старообрядческимъ селамъ Верхнеудинскаго у. проѣзжалъ земскій школьный инструкторъ, самъ старообрядецъ. Всѣ его усилія, всѣ увѣщанія на основѣ святоотеческихъ писаній остались напрасны. Тотъ уставщикъ сорвалъ сходъ, другой терроризовалъ стариковъ, запугавъ ихъ муками ада, а тамъ этотъ инструкторъ возбудилъ къ себѣ подозрѣніе, какъ отступникъ, служащій въ земствѣ. «Служу въ земствѣ»—одного этого было достаточно для того, чтобы тонъ разговора сейчасъ же измѣнился въ худшую сторону. А въ огромномъ селѣ Бичурѣ рѣчь инструктора прерывалась шумными криками: «Не надо намъ этого! Жили мы и безъ школы, да цѣлы были». Отрицательное отношеніе къ школѣ вызывается не только внушеніемъ мракобѣсія уставщиковъ, но и подозрительностью семейскихъ, развившеюся на основѣ горькихъ опытовъ прошлаго въ ихъ жизни,—ихъ боязнь, какъ бы не попасться въ ловушку. «Мы боимся,—говорили н.-жиримскіе старообрядцы инструктору,—что насъ обманутъ и насильно потомъ принудятъ къ тому, что намъ не нравится». Школы въ нѣкоторыхъ селлахъ существуютъ. Но посѣщаемость ихъ весьма незначительна, и немногіе учащіеся принадлежатъ не къ старообрядцамъ. Изрѣдка встрѣчаются въ школахъ и дѣти послѣднихъ. Состояніе школъ, которыми могли бы располагать старообрядцы, чрезвычайно тяжелое. Населеніе относится къ нимъ безучастно. Вотъ огромное село Бичура. Для здѣшнихъ старообрядцевъ имѣются 2 школы. Но обѣ онѣ влачатъ жалкое существованіе, въ особенности одна изъ нихъ. «Во

время моего посѣщенія (въ февралѣ),—сообщаетъ инструкторъ,—въ этой школѣ было только 8 человѣкъ учащихся, дровъ не было ни одного полѣна и печь была совсѣмъ нетопленной. Учительница занималась съ дѣтьми въ шубкѣ, въ платкѣ и въ валенкахъ. Дѣти всѣ были тоже одѣты. Къ концу урока руки у дѣтей совсѣмъ за-коченѣли и они не могли ими писать».

Какъ ни давятъ уставщики, все же нѣкоторые стремятся научить своихъ дѣтей и, минуя школу, отдають ихъ частнымъ, убогимъ учителямъ. Такъ, напр., въ селѣ Надѣинѣ. Въ этомъ селѣ имѣется земская школа, гдѣ обученіе, разумѣется без-платно. И все же въ школѣ всего 6 человѣкъ. Между тѣмъ, у домашнихъ учителей за особую плату обучается около 40 дѣтей и подростковъ.

Нѣкоторыя общества не высказывались рѣшительно противъ школы. Они только хотѣли бы, чтобы школа была въ ихъ духѣ, чтобы посредствомъ школы не навязывалось чуждое укладу жизни старообрядца. Любопытно познакомиться съ характеромъ отвѣтовъ, данныхъ инструктору на поставленные имъ вопросы на сходѣ въ с. Шеролдай. **Вопр.** Какую цѣль ставите школѣ? **Отв.** Главнымъ образомъ воспитательную; но не отрицаемъ и образовательной. **В.** Значеніе лично-сти учителя въ дѣлѣ воспитанія? **Отв.** Учитель—все; нехорошій человѣкъ не можетъ быть учителемъ. **В.** Допускаете ли возможность присылки или выписки учителя со стороны? **Отв.** Пока нѣтъ. А дальше будетъ видно. **В.** Курсы для учителей? **Отв.** Сами по себѣ такіе курсы желательны. Но вопросъ,—кто ихъ будетъ устраивать. Изъ отвѣта села Н.-Жиримы. Школа должна научить дѣтей читать и писать русской гражданкой, читать по-церковно-славянски, считать устно, письменно и на счетахъ, любить Бога и Его святой законъ. Учителемъ желаютъ имѣть образо-ванного старообрядца. По вопросу о средствахъ для содержанія школы высказались за собственные средства: если прибѣгнуть къ земству, то оно будетъ тогда и завѣ-дывать школой.

Передъ моимъ прїѣздомъ въ с. Хараузъ тамошній сходъ, благодаря усиліямъ одного молодого старообрядца, составилъ приговоръ объ открытіи въ этомъ селѣ земской школы. При этой школѣ предположено 2 учителя: одинъ, назначенный зем-ствомъ, будетъ обучать общеобразовательнымъ предметомъ, другой—старообрядецъ, выбранный мѣромъ, будетъ преподавать церковно-славянское чтеніе и Законъ Божій. Домъ для школы отводитъ одинъ изъ крестьянъ. Содержаніе школы отнесено на счетъ земства. Собиралось обсудить вопросъ о школѣ и хонхолойское об-во. Находясь въ Мухоршибири, я получилъ изъ Хонхолойской волости срочно пакетъ съ приглаше-ніемъ прїѣхать на сходъ, 9 июня, «для обсужденія давно назрѣвшаго вопроса объ открытіи училища среди старообрядцевъ и пр.». Но мой путь лежалъ къ югу. Когда, спустя недѣлю, я доѣхалъ до этого села и освѣдомился о школьномъ вопросѣ, то оказалось, что этотъ вопросъ остался открытымъ неизвѣстно до какихъ поръ.

До отъѣзда къ семейскимъ я долго бесѣдовалъ съ инструкторомъ-старообряд-цемъ, съ глубокою скорбью рассказывавшимъ мнѣ о темнотѣ своего народа, и, каза-лось, конца онъ не видѣлъ тому мраку и гнили, которые заволокли его собратій. Познакомившись съ ними на мѣстѣ, я не вынесъ впечатлѣнія безысходности. Не-довольство, пока скрытое, по поводу запретовъ, налагаемыхъ уставщиками и стари-ками, широко распространяется среди молодого поколѣнія,—среди мужиковъ и пар-ней. Въ особеннсти велико значеніе въ этомъ отношеніи, оказанное военной служ-бой и войною. Въ каждой бесѣдѣ, на-ряду съ жалобами на земельныя затрудненія, на неурядицы, шли жалобы на собственную темноту.—Да кто же въ этомъ-то вино-

вать? Учились бы!—«Да все старики виновати,— грѣхъ,— говорятъ». «Старики училишша не даютъ». «Старики училишша ни примають». «Отцы-матеря виновати». «Справышки училишша намъ не даютъ, у церкву пускать не будутъ». «Безъ училишша мы какъ безъ глазъ». Вотъ выраженія, какія я слышалъ отъ молодыхъ мужиковъ и парней. Последнее выраженіе принадлежитъ 15 илѣтному парню Антамону. «Да нѣтъ. будетъ ужъ: безъ школы не обойдешься. А то что: идешь по городу' видишь— написано и ничего не понимаешь. Идешь, какъ скотина. А когда въ солдатахъ были. Въдъ страмъ-то какой: что не старообрядецъ, то неграмотный. Смѣются! Письмо нужно написать,—проси другихъ. Получишь письмо—заставляя читать другого. А въ письмѣ може, прописано: жена убѣжала. Бѣда, паря!» Такъ разсуждаютъ молодые крестьяне. Школа нужна. Темпота связала по рукамъ и по ногамъ. Выражалось и рѣшительное пожеланіе къ скорѣйшему открытію школы. Все это я наблюдалъ въ постоянныхъ собесѣдованіяхъ въ каждомъ селѣ. Земство должно скорѣе прийти на помощь молодому поколѣнію старообрядцевъ и, учитывая особенности ихъ быта и настроенія, открыть хорошія образовательныя школы и курсы. Ждать, пока инициатива выйдетъ отъ общества, напрасно: надо опять-таки не забывать жизненнаго уклада старообрядца: старики и уставщики приговоромъ объ открытіи школъ составляютъ не будутъ, а молодое поколѣніе выразить гласно своего протеста не сможетъ да и не посмѣетъ. Во что бы то ни стало, нужно обуздать мракобѣсіе уставщиковъ: они губятъ народную жизнь.

Уставщики возстаютъ не только противъ образованія, но и противъ медицины. Отъ всѣхъ болѣзней тамъ лѣчатъ знахарки. Обратиться къ врачу— большой грѣхъ, по писанію Тамъ сказано: «О врачахъ. Лучше есть в нездравіи пребывать, нежели ради премѣненія немощи въ нечестія впасти. Аще бо і уврачуетъ бѣсъ, болѣми повредитъ), нежели ползова». Такъ говорится въ одномъ старообрядческомъ рукописномъ сборникѣ, бывшемъ въ Забайкальѣ, а теперь хранящемся въ Ирк. Дух. Сем. (XLV, 1798). Оспу прививать, конечно, воспрещено¹⁾. Года 4 тому назадъ въ старообрядческихъ селахъ свирѣпствовала эпидемія оспы. Много молодыхъ жизней унесла она. Въ Куналеѣ умерло за одинъ годъ 700 ребятокъ, въ Куйтунѣ—800! Въ каждомъ селѣ вы на каждомъ шагу встрѣтите лица, испещренныя оспой. Не мало слѣпыхъ и одноглазыхъ отъ той же болѣзни. Тифъ, скарлатина также бушуютъ тамъ. Во время моей поѣздки было много больныхъ тифомъ. Въ Тарбагатаѣ имѣется больница. И надо замѣтить что вопреки ругани и анаемствованію уставщиковъ больными старообрядцами она посѣщается. Тайкомъ прививаютъ и оспу. Для избѣжанія грѣха *записи* въ больничную книгу нѣкоторые записываются не подъ своей фамиліей. Въ этомъ селѣ я жилъ у старика, внука котораго болѣлъ тифомъ. Старичекъ-врачъ посѣщалъ больного. Пасмурно принималъ его хозяинъ. Каждый разъ когда уйдетъ докторъ, я молю Бога простить меня за мое прегрѣшеніе, за то, что я дерзнулъ усумниться въ его всемогущество.

Солнце печегъ немилосердно. На огородѣ рыться слишкомъ жарко стало. Иду къ колодцу. Онъ не глубокой. По бокамъ покрытъ льдомъ. Баба несетъ ведра съ водой пополамъ со льдомъ.— Ледъ то зачѣмъ?— «А мы его въ чашку кладемъ и ребятишкамъ даемъ. Они сосутъ и не плачутъ». Отойдя нѣсколько шаговъ, встрѣтилъ

¹⁾ Такъ повсюду у старообрядцевъ «Не прищеплютъ воспы» и старообрядцы румынской Добруджи «Повѣрите вы: есть которые уже по 300 и 400 франковъ аменду платили. У острогъ по второму разу идутъ» «Мы бѣлокриницкіе подчиняемся, приняли и воспу, завели и книги» (метрическія) В. Г. Корзенко Очерки и разсказы. Кн. IV. 226—234 («Надъ лиманомъ»).

мужика: идетъ къ уставщику: пригласить на похороны своей младшей дѣвочки. «Горлушкомъ маялась и померла».

Уставщики не уступаютъ добровольно своей власти. Если у старообрядцевъ-поповцевъ т. е. пріемлющихъ священника «по ихъ волѣ», кто либо заведетъ рѣчь о поискахъ попа, то уставщикъ и его подголоски старики загорланятъ: «Ищи если тебѣ хочется. А намъ попа не нужно».

Въ вопросѣ: како вѣруеши? семейскіе въ разбродѣ. Нѣтъ ни одного села, въ которомъ старообрядцы были бы одного толка. Большинство принадлежитъ къ поповцамъ. Поповцы дѣлятся на общинниковъ, зарегистрировавшихся, какъ община, по закону 1906 г., и не общинниковъ (большинство) Общинниковъ много въ с. Никольскомъ. Эти поповцы, руководимые своимъ умнымъ уставщикомъ, признали общину и нашли себѣ батюшку, престарѣлаго старообрядческаго священника бѣженца изъ Самарской губ. Первый разъ никольскіе общинники слышали свѣтлую заутреню. Слезами обливались отъ радости. Другимъ поповцамъ такого религіознаго подъема испытывать не приходится: вечерню, часы, кануны отправляетъ уставщикъ. Онъ же можетъ совершать и нѣкоторыя требы: крещеніе (не міропомазаніе), похороны. Вѣнчанія у нихъ тоже нѣтъ: «у насъ блудно сходятца». Лишь спустя нѣсколько лѣтъ, навернется откуда-нибудь батюшка, наложитъ эпитимію на сошедшихся и повѣнчаетъ. Молодые сходятся иногда воровски безъ согласія старшихъ. Спустя нѣкоторое время, молодые приходятъ къ роднымъ невѣсты, бухаютъ въ ноги съ повинной — происходятъ «простины», сопровождаемая гулянкой. Къ помощи священника отъ общинниковъ поповцевъ, поповцы-необщинники ни въ коемъ случаѣ не прибѣгнутъ: одни другихъ считаютъ заблудшимися еретиками.

Имѣется небольшое число семейскихъ, принадлежащихъ къ бѣлокриничской епархіи (въ с. Куйтунѣ).

Безъ поповцы нѣсколькихъ толковъ. Старые безпоповцы и новые, бывшіе раньше поповцами; но затѣмъ они отказались принимать бѣлыхъ поповъ. Прежніе безпоповцы, безпоповцы поморцы, не сообщаются съ позднѣйшими безпоповцами (с. В. Жирима).

Имѣются еще *темновѣрцы*, самые заскорюзлые фанатики: какъ на исчадіе ада смотреть темновѣрецъ на человѣка не своего толка. Темновѣрцы у церкви безъ свѣчей; ихъ могилы особѣ (Куналей).

Въ Хонголоѣ мнѣ указывали еще на *иссочниковъ*, употребляющихъ при крещеніи песокъ вмѣсто воды.

Въ каждомъ селѣ поповцы и безпоповцы имѣютъ свои молитвенные дома. Въ Никольскомъ у поповцевъ-общинниковъ большая церковь, а у необщинниковъ — часовня. Во время остановки въ Мухоршибири я былъ за вечерней въ пятницу передъ Троицей, т. е. накануне родительской субботы, въ молитвенномъ домѣ у поповцевъ. За вече ней поминали родителей. Небольшое помѣщеніе раздѣлено на 2 части. Въ задней части стоятъ женщины, въ передней мужчины. Въ передней же части по бокамъ помѣщаются лѣвый и правый «клыросы». По срединѣ передней части, поближе къ амвону, — аналой, передъ которымъ стоитъ уставщикъ. Къ восточной стѣнѣ ведетъ небольшое возвышеніе, вродѣ амвона. Стѣна уставлена иконами стараго письма. Къ аналою уставщика подходитъ длинный столъ, уставленный «канунами», — банками меда съ пшеничкой; на каждой банкѣ прилѣплена горящая свѣча. Чтеніе и возгласы уставщика сопровождалось пѣніемъ то одного, то другого клыроса. Въ опредѣленныхъ частяхъ вечерни происходило чтеніе на клыросѣ. Читали мальчики. Иногда чтець былъ бойкій: «читанть быдто рубить». А иногда чтець ошибался. Въ такомъ случаѣ слѣ-

довала поправка со стороны мужчинъ. Чтець: «иже»...—«егоже», вслухъ хоромъ замѣчаютъ ему мужчины. Чтець: «свободи».. —«свободѣ»... слышится хоровое замѣчаніе. «Повтори!»—иногда раздавалось со стороны молящихся. Произношеніе при пѣніи очень открытое: вм. и слышится почти что е: «Господе помелуй..; «ал ле луе ја...» Изъ удареній: удареніе на предлогѣ: «въ имя, на небеси, въѣвки, ъ бозѣ»... (—Такъ и въ старопечатныхъ книгахъ и рукописяхъ). Каждый приходящій, сотворивъ широко-размашистое крестное знаменіе (двуперстно), дѣлалъ земной поклонъ на востокъ, на югъ и на сѣверъ и земной поклонъ назадъ, передъ молящимися, отвѣчаящими ему поклономъ головы, и затѣмъ становился на свое мѣсто. У каждаго имѣется подручникъ (подрушникъ)—небольшая подушечка, которую подкладываютъ подъ руки при земныхъ поклонахъ. Въ рукахъ у молящихся *лѣстовки*,—четки изъ кожи (обычно) или изъ бисера (рѣже). Молящіеся должны перебирать пальцами сборки лѣстовокъ и шептать молитвы. Среди обычныхъ сборокъ выдѣляется нѣсколько большихъ сборокъ: когда дойдутъ пальцы до опредѣленныхъ большихъ сборокъ должно читать положенныя молитвы.

Отстоявъ вечерню, я вышелъ на паперть. «Глянитца тебѣ наша служба?»—спрашиваетъ меня одна баба, выходя изъ моленной.—Если бы женскій полкъ поменьше болталъ за службой, было бы лучше.—«Помяни родителей»,—обращается ко мнѣ другая баба, подавая крашеное въ луковичномъ отварѣ яйцо.—Спаси Христось, помяну.—За ней съ тѣмъ же подношеніемъ еще баба и еще, и моя шапка сразу наполнилась крашеными яйцами. Бережно ступая по уличному зыбуну, направился я на свою квартиру, сопровождаемый довольными взглядами встрѣчныхъ семейскихъ.

Въ Никольскомъ я былъ у общинниковъ во всеобщей 15 іюня, въ большомъ свѣтломъ храмѣ. Молили Илью пророка о дождѣ. Всеобщую служилъ священникъ. Богослуженіе было старинное, уставное. Слабовато справлялись съ своимъ дѣломъ клыросы. Нѣкоторые пѣвчіе ужъ особенно старались о всеобщей громогласіи въ значительный ущербъ благозвучію. Чтеніе для молящихся маловразумительное. На другой день была обѣдня. У необщинниковъ богослуженія не было; но въ день молебствія (16) и они не работали. Послѣ обѣдни началось обливанье: молодежь обливала каждаго встрѣчнаго.—«Обливаютца—дожджа ворожуть». Щадили лишь меня да прятавшихся за моей спиной. Дождя давно не было. Выходы были добрые, но засуха уже стала вредить имъ. Необходимъ былъ дождикъ. Ночью къ душевному успокоенію крестьянъ дождикъ собрался.

Невѣжественные руководители старообрядцевъ, ихъ отцы и наставники, какъ страшнаго грѣха, боятся отступленія отъ мельчайшихъ преданій старины. Вся жизнь должна зиждиться на святоотеческихъ книгахъ. Въдъ тамъ сказано: «аще кто убавитъ или прибавитъ къ тому, яже написахомъ, да будетъ проклятъ». Такія заклинанія въ изобилии находятся въ старообрядческихъ книгахъ. Не располагая достаточнымъ количествомъ святоотеческихъ книгъ, смѣшивая книги каноническія и не каноническія, базируя часто на послѣднихъ, и главное, не понимая ихъ, давая тексту, чаще безсвязно выхваченному отрывку, грубое и не соответствующее смыслу данного текста толкованіе, эти «пастыри» въ гордомъ сознаніи своей праведности шлютъ анаемому всѣмъ, кто уклонится въ чемъ-нибудь отъ ихъ требованій,—уклонится, хотя бы въ томъ направленіи, чтобы приблизиться къ преданію своихъ предковъ, затемненному невѣжественностью уставщиковъ. Одинъ здравый старообрядецъ поднялъ голосъ за то, чтобы вести метрическія записи. Въдъ это не грѣхъ. Насъ въ наказаніе лишили русскія власти права вести метрическія книги. «Возстановимъ это наше старое право!» Да будетъ проклятъ, кто поведетъ метрическія записи: это будетъ походить на нико-

ніанскую церковь! Ересь!—Такова была резолюція на предложеніе «заблудшагося» старообрядца. Незадолго до моего прїѣзда къ семейскимъ, ребята со всего уѣзда во-зиди въ Верхнеудинскъ для опредѣленія по внѣшнему виду возраста ихъ. Злостные въ своемъ невѣжествѣ, уставщики нашли формулы для оправданія ряда пороковъ своей паствы. За куренье табаку—проклятіе (во писанію; ср. ниже). Но самая отвра-тительная матершинная ругань, которая постоянно на устахъ и стараго и малаго (даже 8 лѣтнихъ ребятъ) у нихъ находитъ такое оправданіе: «Грѣхъ, что идетъ въ уста, а не то, что съ устъ». И это изувѣрское изреченіе они промѣняли на наста-вленіе и указаніе своихъ отеческихъ писаній: «О сквернословцѣхъ и о срамословцѣхъ. Лучше есть гной отъ устъ твоихъ плевати, нежели словеса скаредная износити и смрадная... и т. д. (въ забайк. старообр. сборникѣ Ирк. Дух. Сем. XLV, 1798). П. А. Ровинскій, наблюдая жизнь семейскихъ, писалъ о ихъ уставщикахъ: «Можно помириться съ жизнью съ самыми простыми людьми, но жить постоянно съ книж-никами и фарисеями не возможно. Это все ханжи и лицемѣры, въ нихъ нѣтъ ни на волосъ правды, отъ нихъ не услышите слова живаго, а все самая безплодная из-мышленія и словоизлитія»¹⁾). Эти слова человѣка, свободнаго отъ всякихъ клери-кальных тенденцій, а только скорбящаго при видѣ мертвящаго гнета уставщиковъ, повторяю и я.

Печальную картину представляетъ нравственное состояніе старообрядче-скаго общества. Въ особенности пошатнулось молодое поколѣніе. Заплѣсневлѣныя фор-мулы ихъ стариковъ перестали удовлетворять молодежь. Не порывая окончательно связей съ бытовымъ укладомъ жизни отцовъ и дѣдовъ, она, хотя и безсознательно, ищетъ обновленія, жаждетъ новой, свѣжей струи въ душной атмосферѣ, испорченной устав-щическими испареніями. Ищетъ и не находитъ. Огромную роль въ этомъ переломѣ играетъ пребываніе въ другихъ краяхъ, въ другомъ мірѣ. Выходъ молодежь нашла бы—въ школь, въ образованіи. Этого нѣтъ, и молодежь пьянствуетъ раз-вратничаетъ, хулиганствуетъ. Не говоримъ уже о куреньѣ. Курильщиковъ не малое количество есть въ каждомъ селѣ. Уставщики въ моленную ихъ не пу-скаютъ, старухи плачутъ по погибшимъ, а они все-таки курятъ,—курютъ подлецы крадчи, а то и въ-открытку». Есть даже такіе,—усумнились въ «леригіи»: «Креста ругаютъ!—жаловались мнѣ. Не мало найдется и среди пожилыхъ, которые не отстанутъ отъ буйной молодежи. «Какой таперь народъ,—одна республика!.. «Чи-жало жить смирному человѣку у нонишнимъ народѣ. Швецкый [свѣтскій] законъ дер-жуть, а не духовный». Скверная ругань, какъ карканье воронъ, стоитъ надъ селомъ. Ругаются всѣ: и мужики, и бабы, и ребята. Развратъ не находитъ себѣ рѣшительна-го осужденія. Пьянство оглушило всѣхъ. «Самогонку пьютъ, шибко пьютъ!» Пьян-ствуютъ не только мужики и парни, но и бабы и бахвалятся этимъ. И 10 лѣтнихъ ребятъ я встрѣчалъ пьяными (въ Мухоршибири, «десятскіе»). И помину нѣтъ о томъ, о чемъ писали старообрядческіе книжники въ Забайкальѣ: «блудникъ, піяница, лѣнивый на единой колеснице». «Толма бо ненавидитъ богъ планаго, яко мы пса гнушаемся мертва смердяща» (Сбор. Ирк. Д. Сем. XLV. 1798).—Грабежи, поджоги и убійства—послѣдствіе нравственной распущенности старообрядческаго об-щества. Тамъ лошадей угнали, тамъ плужки украли, а тамъ спалили,—приходилось слышать то въ одномъ, то въ другомъ селѣ. Въ Куналеѣ при мнѣ происходило вскрытіе 5 тѣлъ убитыхъ. Между ними былъ одинъ военноплѣнный, незадолго до смерти вернувшійся изъ плѣна. Мужикъ былъ скромный, работающій. Кто его убилъ, неизвѣстно. Народъ обвиняетъ полюбовника его жены. Въ томъ же селѣ у меня

¹⁾ Изв Сиб Отд Р. Г. Об ва т IV. № 3, 120

просидѣлъ часовъ до 10^{1/2} вечера председатель волостной управы. Съ большой боязнью онъ отправился домой: какъ бы на улицѣ не убили. «По ночамъ не сплю. Бояюсь поджога», — жаловался онъ мнѣ. Разъ уже сожгли его постройки. Въ Никольскомъ во время моего пребыванія тамъ было нападеніе ночью на одного мужика спавшаго у себя на дворѣ. Удалось спастись бѣгствомъ. Выстрѣлы не задѣли его. Тогда же происходили похороны одного крестьянина, убитаго на мельницѣ крестьяниномъ изъ сосѣдняго села Харауза. Въ Мухоршибири подхожу къ одному строящемуся дому: 3 раза сжигали постройки этого мужика. По наведеннымъ мною справкамъ, мужикъ былъ хорошей, смирной, работающей. «Злобу гонють на человека», — со вздохомъ говорили мнѣ. На 3-й день Троицы прѣзжаетъ ко мнѣ въ Н. Заганъ молодой мужикъ изъ сосѣдняго села Шеролдая. Плача, жалуется на разбойничество. На Троицу во время пьянства нѣсколько мужиковъ передралось. Онъ, какъ свидѣтель, показалъ милиціи все такъ, какъ происходило. Милиція виновныхъ въ буйствѣ оставила въ покоѣ. А между тѣмъ одинъ изъ буяновъ угрожаетъ свидѣтелю пожаромъ и смертью... «Сказню тебе!» Вчера онъ съ ножомъ турилъ за маткой свидѣтеля. Милиція обѣщала разобратъ дѣло не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. «А недѣлю-то какъ же я буду жить? Помоги Бога ради!»

Въ прошломъ году по селамъ Забайкалья повили себѣ гнѣзда разбойническія шайки грабившія и убивавшія по глухимъ дорогамъ Забайкалья. Теперь тамъ стихло. Пугають лишь переѣздомъ изъ Мухоршибири къ Бичурѣ, черезъ Заганскій хребетъ. Мнѣ рассказывали объ одномъ изъ такихъ «удалыхъ молодцовъ», о казненномъ разбойникѣ изъ с. Шеролдая Кривцовѣ. Ему было всего 22 года; но онъ успѣлъ загубить нѣсколько жизней. Первое убійство онъ совершилъ 15-лѣтнимъ парнемъ: задушилъ свою тетку за 300 рублей. Своєю жизнью онъ былъ доволенъ: «Хорошо пожилъ», — хвалился онъ передъ смертью. Идя на висѣлицу, онъ выпросилъ дозволеніе пропѣть: «За тюремной стѣной умиралъ арестантъ молодой».

Нашъ очеркъ современной жизни семейскихъ закончимъ гулянками на Троицу и на масленицу.

Утро Троицы я провелъ въ Мухоршибири. Отстоявъ обѣдню въ «сибирской», т. е. православной, церкви, я отправился въ Н. Заганъ находящейся въ верстахъ 5 отъ Мухоршибири. До обѣда все чинно было: спали, отдыхали мирно бесѣдовали, сидя въ «застини». За селомъ собрались дѣвушки и парни, — пѣсни поютъ, вѣнки завиваютъ. Пѣсни поются старинныя, а иногда раздается и частушка «Забрехали по собачьему», — ворчатъ старики, услышавъ частушку. Послѣ обѣда по селу началось катанье. Въ небольшой двуколкѣ набито штукъ по 5 бабъ, раскраснѣвшихся отъ жары и выпятой водки и самогонки. Лошадью управляетъ мужикъ. Лошадь идетъ медленно. Возсѣдающіе, грузно колеблясь изъ стороны въ сторону, непременно оглашаютъ село пѣніемъ, иногда согласнымъ, иногда вразбродъ. Среди катавшихся были бабы молодая и довольно пожилая. Помахивая платками, онѣ ревѣли пѣсни съ необыкновеннымъ усердіемъ. 4 года горевали; теперь справляютъ праздникъ по старинному, какъ полагается. Время отъ времени по улицѣ проходятъ группы молодыхъ бабъ, разнаряженныхъ въ свои яркіе костюмы: взявшись за руки, онѣ медленно идутъ, оглашая село заунывнымъ пѣніемъ. Зайдя въ избу, онѣ подкрѣпляются яишной (яичницей) и хмѣльнымъ. Но увидишь и молодыхъ бабъ, не катающихся, не разгуливающихъ съ пѣснями и не жарящихъ яишню: онѣ сиротливо сидятъ у избы: мужа изъ плѣна не вернулись. «Всѣ яйца просидѣли, а ихъ все нѣту. Другова мужа надо куплять, да вотъ Митька (мальчикъ 3 лѣтъ) говорить:— Подожди батьку, — хотя онъ и не видѣлъ еще своего батьку». Гулянье во всю было... «Рыпаемъ Ваш.

ствѣ, рыпаемъ»,—покрикивалъ мнѣ почтенный Измаилъ Исаакичъ Оглы, татаринъ, родившійся и выросшій въ Н. Заганѣ (отецъ его пришелъ сюда съ Кавказа). А Арламъ (Варлаамъ) М. отъ всей души предлагалъ мнѣ вышитъ съ нимъ самогонки. Два дня продолжалось гулянье. Ревъ послѣднихъ катавшихся я слышалъ во вторникъ утромъ часовъ въ 6. Въ этотъ день было унылое, пасмурное настроеніе въ селѣ. «Быдто надсѣлись, ревелиши».

Такъ же шумно проводятъ семейскіе и масленицу. Катанье, выпивка, закуска. Парни дѣвушекъ катаютъ, а онѣ парней въ гости зазываютъ,—слюбяются. Ни «безстудія», ни «безчинія», ни «проклятаго дѣла» не видятъ семейскіе въ этихъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ раньше ихъ отучали книжники, писавшіе: «зри о безстудіи и о безчиніи. Конъное рыстанія, по улицамъ катанія въ праздничныя дни и во вся мисоеды а наипаче въ самые дни прощенные на сырной недѣли множайшія дѣвольская замышленія творять... юноши малыя такожды во прощенные дни осѣдлають имъ конѣи и ездѣють по улицамъ, собѣрутся гурбою. Се творять по обычаю татарскому...» (рукоп. старообрядч. сб. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797).

II.

Въ каждой старообрядческой общинѣ имѣется нѣсколько человѣкъ, обученныхъ церковно-славянскому чтенію и письму. Въ результатѣ многолѣтняго обученія молодой старообрядецъ осиливаетъ церковно-славянскую грамоту, преподанную ему начетчикомъ при помощи стариннаго русскаго способа. «Подобаеть оубо вамъ о оучителіе вѣдѣти, како вамъ младыхъ дѣтей оучити божественымъ писменемъ. Первое оубо въ началѣ буквамъ, сирѣчь азбуцѣ: потомъ же часовнику и псалтыри, и прочимъ божественнымъ книгамъ». Такъ прописано въ предисловіи къ старинной грамматикѣ, переплетенномъ въ одномъ старообрядческомъ забайкальскомъ сборникѣ (Ирк. Д. Сем. XLV. 1822). Тутъ же предупредительно замѣчено: «А и самимъ бы вамъ знати же естество словесъ, и силу ихъ разумѣти, и гдѣ говорити дѣбело и тѣносно и гдѣ с пригибениемъ оустъ и гдѣ с раздвиженіемъ и гдѣ просто. Паче же ять [ѣ] с естемъ [е] разнити еже бы нерещи в мѣсто пѣнія пеніе... и прочая таковая. Сіе бо вельми зазорно і оукорно». Начетчикъ по мѣрѣ своего разумѣнія старается, чтобы учащіеся твердо держались въ произношеніи написанія книжнаго. Но въ отношеніи фонетики они безсильны отучить своихъ учениковъ отъ особенностей ихъ прозношенія. Въ книжномъ пригибени и раздвиженіи устъ начетки сами плохо освѣдомлены. Въ говорѣ семейскихъ *вм.* мягкаго *с* представлено мягкое *ш* (шепелявое мягкое *с*, см. ниже о говорѣ), а *вм.* мягкаго *з* мягкое *ж* (шепелявое мягкое *з*). Такимъ же образомъ произносятся и церковно-славянскія слова, напр., въ церкви: *ш'ила* *вм.* *сила*, *ж'емля* *вм.* *земля* и т. п. На церковно-славянскомъ чтеніи отражается также аканье и яканье,—черты живого говора семейскихъ. Но по отношенію къ постановкѣ ударенія,—къ постановкѣ въ согласіи съ старописьменными и старопечатными книгами, начетки и старики—грамотеи слѣдятъ неукоснительно. Они вслухъ поправятъ чита въ церкви, произнесшаго слово съ удареніемъ не на томъ слогѣ, на какомъ требуется старокнижной традиціей. Допустить ошибку въ удареніи—значитъ отступить отъ православнаго святоотеческаго преданія. Они блюдутъ наставленіе старинныхъ русскихъ церковно-славянскихъ грамматикъ, указывавшихъ на грѣховность искаженія ударенія «Вѣрхняя сила [постановка надстрочныхъ знаковъ] знати и оученикомъ

своимъ сказывати имена и силу ихъ. . А о семъ найпаче молитъ васъ наше худоміе господію нашу и братію, еже бы вамъ всякимъ зѣлымъ потщаніемъ наказати оучениковъ, и в началѣ часовника перваго стиха: царю небесныи оутѣшителю душе истинныи и прочая а не говорити и не оучити в мѣсто душе душе яко же не искоусниі слову оучат и говорятъ, зѣло сіе и вельми богу въ троицѣ славимому бранно, яко в мѣсто духа святаго глаголють доушою, и невѣмы каку; страино бо есть братіе неточію сіе реши, но и помнслити» (изъ той же грам.).

Старообрядческіе грамстеи поддерживаютъ старую книжную традицію. Въ послѣдніе годы семейскіе запаслись печатными московскими старообрядческими изданиями. Но среди начетчиковъ обращаются и болѣе старыя изданія и рукописныя книги. На этихъ книгахъ и рукописяхъ училось много поколѣній старообрядческихъ грамотеевъ, съ этими книгами они уходили въ изгнаніе, за эти святоотеческія писанія они шли въ ссылку, на страданіе и на смерть. Основныя мысли и положенія древле-православныхъ книгъ черезъ грамотныхъ людей усваивались и прочими представителями старообрядческой общины. Въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ положеній старообрядства принимали участіе не только начетки, но и люди некнижныя. См., напр., въ бесѣдахъ архим. Михаила съ забайкальскими старообрядцами¹⁾. — Бесѣды относятся къ 80 мѣ г. г. XIX в.

Въ настоящее время многія предписанія книжныя утратили остроту ихъ значенія. Кромѣ, можетъ быть, отдѣльныхъ лицъ, незамѣтно уже строгаго слѣдованія всѣмъ правиламъ, преподававшимся книжными людьми. Такъ, напр., во всѣхъ старообрядческихъ наставительныхъ сборникахъ, просмотрѣнныхъ мною, строго воспрещается имѣть общеніе съ еретиками, къ которымъ относились и «никоніанцы». Нельзя было пить, ѣсть съ ними изъ одной посуды. Вотъ цѣлое сказаніе отъ священныхъ правилъ и отъ оучителей церковныхъ, яко не[по]добаетъ к еретикомъ и схизматикомъ приобщенія имѣти в молитвословіи, в яденіи, в питіи и любви» (Старообр. забайк. сборн. Ирк. Д. Сем. XLV. 1822 лл. 40 об.—46; то же въ сборникѣ Троицк. монаст., 33 об.—41). «Зри, православнымъ, за єдино точію общеніе в яденіи толико пола[га]ет осужденіе... Послушайте православнии и съ еретиками не смѣшивайтеся да не сведени будете в вѣчныя муки с ними. (Старообр. сборн. Ирк. Д. Сем. XLV 1806, л. 20, 22. Тѣ кто съ еретиками сообщенія имѣють въ яденіи и питіи, въ дружбахъ—ересь» (старообр. забайк. сбор. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797, л. 104). — Семейскіе выполняли это требованіе еще въ 70-хъ г. г. прошлаго вѣка и даже позднѣе. Теперь этой нетерпимости уже незамѣтно или, по крайней мѣрѣ она въ глаза мнѣ не била. Вездѣ я находилъ радушный пріемъ и сердечное угощеніе. Мало того, теперь и съ карымой заодно непрочь выпить араки. Между тѣмъ, въ другихъ мѣстностяхъ старообрядецъ еще блюдетъ во всей возмутительной полнотѣ это «святоотеческое» предписаніе. Вспомните разсказъ В. Г. Короленка, какъ угощалъ благодарный безпоповецъ въ Добруджѣ, липованъ, извозчика Луку и соціалиста Катріана, помогшихъ спасти липовану возъ и лошадь. «Онъ наливаетъ себѣ стаканъ, говоритъ: «Господи благослови» и быстро опрокидываетъ въ ротъ. Потомъ подноситъ Лукѣ и Катріану. Они выпиваютъ. Липованъ наливаетъ по другому стакану.—А самъ?—спрашиваетъ у него Лука, выпивъ послѣ Катріана.—Не догадался вишь... Теперича нельзя мнѣ: посудину вы опоганили.—Онъ кидаетъ стаканъ въ кусты...»²⁾.

¹⁾ «Бесѣды съ старообрядцами начальника забайкальской противораскольнической миссіи Архим. Михаила. Спб. 1887, стр. 60 слѣд.

²⁾ Очерки и разсказы. Кн. IV, 342. См также безпоповскую кампанію липованъ, пришедшую въ трактиръ каждый съ отдѣльнымъ стаканомъ Ibid. 406.

Каковъ запасъ книжнаго богатства забайкальскихъ старообрядцевъ? Чѣмъ питались и питаются старообрядческіе книжники Забайкалья въ теченіе ихъ жизни въ Сибири? — Мнѣ не удалось познакомиться съ книжными собраніями начетчиковъ. Трудно сойтись съ этими людьми, привыкшими только запугивать своихъ темныхъ односельчанъ. Я боялся, что мою попытку поближе подойти къ нимъ они скомпрометируютъ въ глазахъ прочихъ старообрядцевъ, а добрымъ отношеніемъ ко мнѣ послѣднихъ я дорожилъ и дорожу. Но я имѣлъ возможность обслѣдовать старообрядческія рукописи находящіяся въ селенгинскомъ Троицкомъ монастырѣ. Туда онѣ попали, будучи отобраны у забайкальскихъ старообрядцевъ священникомъ Куршевемъ — Въ Троицкомъ монастырѣ находился «Начальникъ противораскольнической миссии въ Забайкальѣ». — Кромѣ рукописей Троицкаго монастыря, я познакомился съ старообрядческими рукописями, хранящимися въ библиотекѣ Иркутской Дух Семинаріи, куда онѣ попали, какъ конфискованныя у забайкальскихъ старообрядцевъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ рукописей находится сургучная печать: «Нерчинской заводской полиціи печ.». Между прочимъ, такая печать красуется на рукописной псалтыри (XLV, 3813) и на каноникѣ (XLV, 3814). И эти книги оказались опасными для спокойствія государства. Попадали въ библиотечку Иркут. Дух Семинаріи книги отъ забайкальскихъ старообрядцевъ и другимъ путемъ. Въ 60 хъ г. г. прошлаго столѣтія они жаловались С. В. Максимову: «Въ Иркутскѣ хвастаютъ что тамъ де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свезешь [излишняя гипербола! А. С.]: все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали попы и всякій, кому и не надо»¹⁾.

Однѣ изъ рукописей принесены были въ Забайкалье изъ Европейской Россіи, другія были написаны въ новомъ мѣстѣ жительства въ Забайкальѣ.

1) Вотъ книжечка въ малую осьмушку «*Бѣседословіе*», написанная красивымъ полууставомъ (XIX в.), съ заглавіемъ въ изяшно исполненной рамкѣ²⁾. Бѣседословіе, избрано изъ разума священнаго писанія и огъ богословскихъ истолкованныхъ умствъ. О миробытіи и о случдѣхъ послѣдняго врѣмени, и обыскательное любомудріе о вѣре. Въ пользу синовомъ сіона». Написана она въ Забайкальѣ. Извѣстенъ и авторъ ея. «Сіе Бѣседословіе грѣшнымъ [данномъ изъ тюменскихъ мѣщанъ бывшимъ Легостаевымъ за Байкаломъ моря; Аминь (запись на л. 137). Къ «забайкальцамъ» онъ нерѣдко обращается, какъ къ читателямъ, слушателямъ и друзьямъ, пріютившимъ его. О себѣ Іоаннъ Легостаевъ говоритъ, что онъ, «аще и многогрѣшенъ, но правою вѣрою во Христа Ісуса [іса] былъ и есть и будетъ христіанинъ, и есть оныя исповѣдникъ, прелести древлезавистника титина [дьявола] раз'яснитель и обличитель» (л. 2). Въ теченіе 30 лѣтъ онъ испытывалъ гоненія и страданія за правую вѣру защиту ея и за обличенія прелестей антихриста (л. 31) Онъ обличаетъ не только «горестное паденіе» велико-россійской церкви, но и единовѣрцевъ, а также бѣглопоповцевъ. Самъ онъ, повиди мому, принадлежалъ къ одному изъ толковъ безпоповщины. На лл. 129—131 онъ рассказываетъ забайкальцамъ о своихъ дѣяніяхъ и разглагольствованіяхъ о вѣрѣ. Въ Тюмени въ духовномъ правленіи онъ тринедвно разглагольствовалъ, о чемъ обширный на нѣсколькихъ листахъ докладъ былъ посланъ въ Синодъ. Въ Казани свой «подвигъ страданія поновилъ». Состязался тамъ со архипастырями въ Канцысторіи. «За твѣрдое в вѣрѣ стоявія военнаго званія себя ослободилъ. Еже архипастыри в комиссію военнаго суда о мнѣ отнесли, что я, называя ихъ еретиками, отступниками, злыми вождями, сосудами антихристовыми. Къ тому присовокупили, но на

¹⁾ С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга, 4-е изд., т. II, 263.

²⁾ Фабричный штемпель на бумагѣ: «Высочайше утв. компани Угличской фабрики».

основаніи текста священнаго писанія, еже въ кафѣрмаціи военнаго Губернатора и въ выпискѣ по одобренію архипастырѣй поясняется, глаголють, что Иван Легостаевъ въ вѣрѣ не притесняемъ, исполняетъ свои христіанскія обряды по своему вѣроисповѣданію и наши архипастыри все его книжныя доказательства прїняли врезонъ, утвѣрдили и сказали: Вѣримъ, Вѣримъ, Правда, Правда. Ей благодарю Казанскихъ архипастырей Деректора академіи, архимандрита, Кафедральнаго Протопопа Вихтора Петровича с прочими, еже на мѣня порочно, но ко мнѣ похвально изрекоша и не мнѣ хвала, но древлецерковному богопросвѣщенному благочестію и спасителю имени: Слава аминь».

2) Вотъ засаленная тетрадошка, усердно читавшаяся семейскими, написанная, вѣроятно, въ началѣ XIX в. со стихомъ о Іосифѣ прекрасномъ. Писалъ «войска донскаго, пети избянской станицы, бывшей казакъ, Порфирей Романовъ, сынъ Буровъ». То же лицо написало большой сборникъ разнаго содержанія («Цѣлтыкъ»), наход. въ библіотекѣ Ирк. Духовной Семинаріи, XLV, 1882. «Спотрудижесея всѣмъ вѣщѣ собрати и ставити сію книжицу многогрѣшныи и непотрѣбныи рабъ божіи порфиріи романовъ, сынъ буровъ» (Запись въ концѣ книги). На кожаномъ переплетѣ печать нерчинской заводской полиціи. Петръ Буровъ списалъ и обширный *Каноникъ* (Ирк. Д. Сем. XLV, 3814). На переплетѣ сургучный слѣдъ нерчинской полиціи.—Несомнѣнно, всѣ указанныя книги Бурова написаны имъ въ Забайкальѣ.

3) Вотъ еще «святая богодохновенная книга собранна отъ многихъ различныхъ отъ божественныхъ отеческихъ книгъ, отъ святыхъ писаніихъ, отъ старопечатныхъ сведетельствованныхъ. А составлинна сія книга Давыдомъ старцемъ». Ркп. in f., размеромъ 131 листъ. Написана полууставомъ въ к. XVIII-го в. Тутъ подобрано много статей рѣзко полемическаго характера. Имѣется нѣсколько рисунковъ съ изображеніемъ и перечисленіемъ ересей. Вотъ змѣй семьоглавый, а на немъ жена-блудодѣйница; въ рукахъ у ней сосудъ со всякой нечистію, сирѣчь еретики и раскольники. Надъ звѣремъ перечислены ереси. Или вотъ еще изображеніе: церковь истинная православная и церковь никоніанскихъ учениковъ. Посрединѣ вдоль листа приклеена полоска, а подъ ней вращается полукружіе съ перечисленными ересями. Какъ этотъ «кругъ» покрываетъ церковь православную, такъ человекъ ересью разрушаетъ вѣру христіанскую, разрушаетъ и оскверняетъ (см. приложенные снимки). Прочія изображенія представляютъ собою рамку въ видѣ церкви «православной» или какой-нибудь «еретической», а въ срединѣ рамки прописаны ереси. Въ сборникѣ находятся статьи, обличающія богоотступничество еретиковъ не только въ Европѣ, но и въ *Сибири*. Въ главѣ 29 ой показано «отъ святаго божественнаго писанія о людехъ глаголимыя благословѣнныи, і еще ихъ называютъ *тавринцы* и называютъ *козлы* а въ *сибирской старонѣ называютъ мураши*. А святое божественное писанія таковыхъ называетъ законоприступники і отъ вѣры христовыи и соборныя апостольскія церкви отпадшии и отъ святыхъ соборовъ отъ святыхъ отецъ приклинаеми и къ еретикомъ причитаеми». Ихъ ересь: имѣють поповъ явныхъ, миропомазаніе берутъ отъ архіереевъ росейскихъ, попы на клятву благословеніе даютъ, подати платятъ, въ нечестивое воинство отдатчиковъ собирають, съ вѣроотступниками у себя въ домѣ пьють и ѣдятъ. Таковы богоотступничества *мурашей*. Выписки для обличенія ихъ занимають 14 стр. (лл. 100—106). Въ написаніи этой книги постоянно отражаются черты говора старца Давыда. — а вм. неудареннаго о; и, я вм. неудареннаго е (е и ѣ). Форма глагола наст. вр. ед и мн. оканчивалась на мягкое тѣ (ть); если пишется -тѣ, то это по требованію книжной и орфографической традиціи; писатель иногда путался въ употребленіи на письмѣ тѣ и тѣ, ставя тѣ не только въ передачѣ

формы 3 л. ед. и ин. но и въ передачѣ неопредѣлен. (инфинитива): никтоже можетъ нипродать никупить, нипрожить гдѣ... (93 об.), итить (125). * произносился какъ согласный длительный; въ концѣ—*x*, что отразилось въ путаніи *г* и *х*: о друзѣхъ (65), слугахъ (69). Форма личного мѣстоим. родит.—вин. на—*e*: *мене, тебе, себѣ*: держать у себѣ (25 об.) и др. Все это черты говора *семейскихъ* (подробнѣе см. въ главѣ о языкѣ).

Обличительную книгу съ такими же изображеніями, какъ въ сборникѣ старца Давыда, видѣлъ Ю. Д. Талько-Грынцевичъ у одного семейскаго начетчика¹⁾.

4) «Сія книга, нарицаемая цвѣтникъ, избранная изъ церковныхъ книгъ напечатана въ типографіи виленской въ лѣто 7308 е, списана Петромъ Овчинниковымъ въ 1380 года» (зап. на 117 л.). Овчинниковъ—распространенная фамилія у семейскихъ. Въ говорѣ Петра Овчинникова было длительное *ѣ*, въ концѣ слова перешедшее въ *x* Отсюда путаница въ написаніи *ѣ* и *x* и въ срединѣ: *книга* (нѣсколько разъ). Этотъ обширный сборникъ (въ 4-ку на 384 листахъ) содержитъ «Воспоминаніе преславнаго чудеса святаго архистратига Михаила, еже есть былъ въ Хонехъ», «О чудестѣхъ святаго великомученика Мины», «Сказаніе о явленіи ангела господня въ пустынѣ преподобному Макарію египтянину» и слова изъ пролога. Послѣ записи на л 117 слѣдуютъ слова (Ипполита папы римскаго о скончаніи міра 118—145, и др., сказанія житія (изъ Патерика), изъ Четырехъ миней, изъ Великаго зеркала), страсти Христовы и сонъ Богородицы. Составъ цвѣтника П. Букова совсѣмъ иной: тамъ преимущественно статьи апологетическія, но имѣются и вообще назидательныя; включены каноны.—Сборникъ Овчинникова находится теперь въ Троицкомъ монастырѣ.

5) Большой рукописный сборникъ (въ 4 ку на 308 листахъ, новаго полуустава, XIX в.) библиотеки Ирк. Дух. Семинаріи, XLV, 1814 Весь занятъ статьями о пришествіи антихриста. «О случаяхъ послѣдняго времени, Тити[нъ] потрясетъ вельми; ббб-е число о антихристѣ». Таково заглавіе этого сборника. Онъ состоитъ изъ 3-хъ частей: «в первой чясти о антихристи, во второй чясти о соборнѣйшихъ отступленіяхъ, въ третіей чясти о смущеніи и недоумѣннй и разгласи въ вѣрныхъ простаго народа отъ вини главнѣхъ отменъ»¹⁾ (конецъ предисловія). Въ послѣдней части весьма рѣзкія обличенія Петра I, какъ антихриста, какъ первѣйшаго раздорника, отступника божія, какъ пресквернаго онаго адскаго пса и т. д.—Мы не знаемъ мѣста написанія этой книги. Но можемъ утверждать, что она была въ обращеніи у старообрядцевъ Забайкалья. Кромѣ мѣста теперешняго ея нахождения, на это указываютъ черты языка позднѣйшей записи на переплетѣ и лясма, вложеннаго въ этотъ сборникъ.—На верхній (зап.); въ письмѣ: неоставти, обижайтисъ, братицъ Арсентій Степановичъ, а тветникъ обратна пришити. Будить денигъ, письма ретка шлемъ.—Тимофей Археревъ самъ писалъ.—Онъ рекомендуетъ своимъ роднымъ обратиться къ Серовымъ они мненія поморскаго.

6) Въ библиотекѣ Ирк. Д. Семинаріи (XLV, 1784) находится большой рукописный сборникъ красиваго полуустава (новаго), въ 4-ку на 278 листахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ *олонецкіе* или *поморскіе отвѣты* (л. л. 1—218). Божією помощію и заступленіемъ пречистыя богородицы и всѣхъ святыхъ всепустынное общетрудное совѣтоотвѣтное извѣщеніе наше, егда довершихомъ и тогда е рукоприкладывнѣемъ достовѣрствовахомъ. Лѣта отъ мирозданія 7231-го (отъ Р. X. 1723), мѣсяца іюня 21 дня» (Зап. на 214 л.). Здѣсь въ 106 отвѣтахъ, то сжатыхъ, то подробныхъ, указаны отступленія великороссійской церкви отъ преданій св. отцовъ, отъ древляго

¹⁾ Семейскіе (старообрядцы) въ Забайкальи 17.

благочестія и ипология своего старообрядства. Тонъ и стиль отвѣтовъ умѣренный, солидный, дипломатическій, безъ крикливаго задора другихъ старообрядческихъ писаній. Обращаясь къ іером. Неофиту, присланному къ олонецкимъ старообрядцамъ на Петровскіе заводы, старцы пишутъ въ «Предисловіи»: «по указу всепресвѣтлѣйшаго императорскаго величества, велено намъ с тобою учинить тихое и кроткое разглагольство о произшедшемъ несогласіи, и ты о ономъ несогласіи вопросовъ сто шесть прислалъ еси. Мы же на оны отвѣтное разглагольство написахомъ с древлецерковными свидѣтельствами, свобождающе сими и тебе и себе и прочія слышатели отъ излишнихъ трудовъ» (11). Раньше отвѣтовъ старцы изъясляютъ, «яко мы не въ своихъ, но в древлепреданныхъ церковныхъ уставѣхъ пребываемъ» (8 об.), «того ради древлеправославныя церкви уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душамъ своимъ получимъ... якоже святіи в тѣхъ древлеправославныхъ уставѣхъ, знаменующа двѣма перстома богу угодиша, тако и мы знаменаемся двѣма перстома, в тѣхъ же святоотеческихъ уставѣхъ желаемъ и молимся угодити богу. Яко же они по древлецерковнымъ святымъ книгамъ спасеніе получиша, тако и мы по тѣмъ святымъ книгамъ просимъ отъ господя милости спасеніе получитьи... Но ежели нынѣ церкви великороссійстѣй не приобщаемся, и того ради отъ васъ осуждаемъ, яко расколоторцы, но, понеже мы в древлеправославныя церкви преданіяхъ, раскола какова несотворимъ... и съ намѣреніемъ спасительнлюбительнымъ в древлецерковныхъ уставѣхъ пребываемъ. сего ради нѣсмы расколоторцы. А и приобщенія нынѣшнія россійскія церкви опасаемся,... новинъ отъ никоновыхъ временъ нововнесенныхъ опасующа, съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковная содержанія согласитися ужасаемъ о чемъ во отвѣтѣхъ пространнѣе засвидѣтельствуется» (9 об.—10). Къ отвѣтамъ приложена «Краткая исторія о отвѣтѣхъ» (218 об — 230). Въ этой исторіи разсказывается, при какихъ обстоятельствахъ писались отвѣты, какъ происходили разглагольства въ апр. 1722 г.—сент. 1723 г. въ Олонецкомъ уѣздѣ. Листы 231 об — 260 заняты исторіей осады и взятія Соловецкой обители (взята была въ январѣ 1676 г. послѣ 7 лѣтъ съ лишимъ осады ея). Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ имѣются прекрасныя изображенія благословляющей руки, а въ концѣ книги изображенія креста. На семинарскомъ экземплярѣ на послѣднемъ листѣ запись: «Написася сія святая и богодохновенная книга, глаголемая отвѣты олонецкія въ лѣта отъ Адама 7269-го [отъ Р. X. 1761] мѣсяца декабря въ 20-10 дни». Но бумага и почеркъ этой рукописи, кажется, болѣе поздняго времени. Экземпляръ этотъ принадлежалъ *Петру Шумилову* (помѣтки). Имѣется помѣтка съ фамиліей *Бондыревъ*. Гдѣ списана эта книга, мы не знаемъ. Но на пребываніе ея въ Забайкальѣ мы указаніе имѣемъ. Въ Троицкомъ монастырѣ имѣется книжечка въ прекрасномъ кожаномъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, въ 8 ку, содержащая въ себѣ «исторію о отвѣтѣхъ». Полууставъ письма ея тотъ же, что и «Олонецкихъ отвѣтовъ» семинарскаго экземпляра. Безъ сомнѣнія, не только этимъ, но и другими экземплярами «олонецкихъ (или «поморскихъ») отвѣтовъ» располагали забайкальскіе старообрядцы. Эта книга—основоположная у старообрядцевъ. Ссылки на нее испещряютъ каждое старообрядческое писаніе. Въ 1884 году «Поморскіе отвѣты» были напечатаны «въ Мануиловскомъ Никольскомъ монастырѣ». Въ это изданіе ни «Исторія о отвѣтѣхъ», ни «Исторія» объ осадѣ Соловецкой обители не вошли. О другихъ изданіяхъ «Отвѣтовъ» см. въ статьѣ В. Г. Дружинина: «Подлинная рукопись Поморскихъ Отвѣтовъ и ея изданіе» (Изв. Отд. рус. яз. и Слов. И. Ак. Наукъ. 1912 г., т. XVII, кн. 1, стр. 53—77).

7) Въ Троицкомъ монастырѣ находится тетрадка довольно поздняго написанія

(2 ой половины XIX стол.), отобранная у старообрядцев той местности (Верхне-удинскаго у.). На тетрадкѣ помѣтка, вѣроятно, лица, отображающаго ее: «Раскольническая поэзія». Она содержитъ въ себѣ апокрифическую «Бесѣду грѣшъ святителей», разговоръ мальчика съ философомъ, проникнутый старообрядческой тенденціей—отрицательнымъ отношеніемъ къ «свѣцкому» знанію; духовный стихъ о вѣроотступничествѣ на Руси; повѣсть «О хмѣльномъ литіи»; различныя сентенціи; неизмѣнное «Отъ книги Кириловы листъ 234 преніе философа Панагіота со Азимитомъ»—о брадобритіи римскаго папы и духовенства, —именно, при какихъ обстоятельствахъ возникла эта скверная ересь (cherchez la femme!).

Кромѣ такихъ книгъ, сборниковъ, цѣлниковъ, семейскіе располагали книгами богослужебными,—псалтырями, часовниками, канониками. И до сихъ поръ у нихъ имѣются эти книги въ рукописномъ видѣ. Часть изъ этихъ книгъ попала въ Троицкій монастырь и въ Ирк. Дух. Семинарію.

Я отмѣтилъ нѣсколько рукописныхъ книгъ, написанныхъ или только бывшихъ въ обращеніи у забайкальскихъ старообрядцевъ (семейскихъ). Въмѣстѣ съ тѣмъ я отмѣтилъ общій характеръ содержанія каждой изъ нихъ. Такого же въ общемъ содержанія у забайкальцевъ были и другія книги. Ссылки на нихъ будутъ сдѣланы ниже. Темы всѣхъ этихъ писаній (кромѣ богослужебныхъ), «богодохновенныхъ книгъ» одинаковы: пришествіе антихриста и слугъ его, послѣдніе дни міра; гибель человѣчества въ ересяхъ; ереси душегубительныя и обличенія ихъ; призывы къ соблюденію древляго православія; историческія справки возникновенія раскола въ великороссійскомъ государствѣ; страданія за правую вѣру не признавшихъ никоновскихъ нововведеній; духовно-назидательныя стихи, повѣсти и изреченія.—Статьи ad hoc приспособлены изъ священнаго писанія, имѣющаго отдаленное или только внѣшнее отношеніе къ трактующимъ вопросамъ, изъ писаній святоотеческихъ, напр. изъ словъ Іоанна Златоуста, изъ книгъ Никона Черногорца, изъ старыхъ славяно-русскихъ сборниковъ,—Маргарита, Измарагда, Андриатиса,—изъ Кормчей, Патерика, изъ Катехизиса большаго («печати святѣйшаго Филарета патріарха»), изъ «Кириловой книги», весьма цѣнимой старообрядцами (см. ниже, изъ «поморскихъ отвѣтовъ», изъ книги «святаго Іосифа преподобн. волоцкаго», изъ «книги Зинарь», изъ «Стоглавника», изъ «книги Баронія» («Дѣянія церковныя», цѣнимой и до сихъ поръ; напечатана старообрядцами въ Москвѣ, въ 1913 г., изъ раннихъ старообрядческихъ «челобитныхъ», (напр. «соловецкихъ чудотворцевъ»), изъ «собранія новаго страдальца отца нашего Аввакума протопопа», отъ книгъ Максима грека, отъ седмитолковаго апокалипсиса, изъ «книги о вѣрѣ», изъ книги «Алфа и Омега» и другихъ «старопечатныхъ, старописменныхъ и харатейныхъ». Изъ этихъ книгъ взяты отдѣльныя статьи, изреченія или на основаніи ихъ составлены собственныя произведенія. Въ сборникахъ забайкальскихъ старообрядцевъ нерѣдко дѣлаются ссылки на книги западно-русскаго и польскаго происхожденія, — въ сборникахъ Ирк. Дух. Сем. XLV 1797 и XLV 1798: «Апокалипсисъ польскаго нарѣчія напечатано», «Книга діалогизмъ изданная в Кіеве черской лавре, року 1604 (?)¹⁾, Потребникъ Петра Могилы (1644; ошибка: слѣдуетъ 1646), «Синописисъ въ лѣто отъ созданія мира 7188» и др. (изъ сборн. 1798).

¹⁾ «Диалогизмъ духовныи си ест двоесловіе... в Кіеве-Печерской чудотворной Лаври... Варлаамомъ Голенковскимъ тосяжде стыя лаври намѣстникомъ, трудолюбно издадесе. Року отъ Рождества Хва. 1714». На оборотной сторонѣ гербъ Іоасафа Кроковскаго и четверостишіе къ нему.—Экземпляръ Ирк. Дух. Сем. VIII. 1374. Имѣется 2 экз. «Диалогизмъ», изданный въ Москвѣ въ 1796 г. (Ирк. Д. Сем. VIII. 1796, — 2 экз.), много содержанія по сравненію съ кіевскимъ.

Главная тема старообрядческих сборниковъ, на которуѣ подобрано и составлено огромное количество статей и отдѣльныхъ изъясненій,—это давняя тема о *пришествіи антихриста*. Почти во всѣхъ небогослужебныхъ книгахъ, вросмотрѣнныхъ мною, встрѣчаются разглагольствованія о посяднихъ дняхъ міра, о знаменіяхъ и слугахъ антихриста. Главнымъ источникомъ, откуда черпались свидѣтельства пришествія антихристова и признаки слугъ его,—это толковый апокалипсисъ. Эта книга была и есть любимой у старообрядческихъ книжниковъ. Одинъ экземпляръ изъ *Забайкалья* попалъ къ бібліотекарю Иркутской Городской бібліотеки Н. Ст. Романову. Списокъ к. XVII или XVIII в., въ листъ, на 126 л., съ 74 рисованными листами. Рисунки въ краскахъ, хорошо выполненные. «Книга Апокалипсисъ имѣетъ словъ 24, а главъ 72, стиховъ 311. Святаго Андрея архіепископа кесаріи каппадокіискаго Сказаніе апокалипсиса святаго апостола Иоанна богослова евангелиста сокровенныхъ преди откровеніе.—Любили пользоваться старообрядческіе книжники и словомъ «Блаженнаго Ипполита папы римскаго и мученика, слово в недѣлю мясопустную, о скончаніи міра и о антихристѣхъ и о второмъ пришествіи господа нашего і[су]са Христа». Въ сборникахъ помѣщалось это слово цѣликомъ (напр., въ сборн. Иркутск. Д. Сем. XLV, 1822, лл. 90—126; въ сборн. Троицкаго мон., переписанномъ П. Овчинниковымъ, на лл. 118—145) или въ извлеченіяхъ ¹⁾. Но чаще всего дѣлаются заимствованія изъ такъ называемой «Кириловой книги». Цитаты и статьи изъ нея испещряютъ каждый старообрядческій сборникъ ²⁾. Эта книга, какъ «богодохновенная», глубоко чтилась старообрядцами.—«Сей богословецъ святой Кирилъ паче прочихъ объяснилъ, како ложнаго ученія блюстися и яко антихристова печать, то есть еже отъ своихъ единовѣрныхъ отступить и гоненіе на нихъ воздвигнути»—говорится въ старообрядческомъ сборникѣ Ирк. Д. Сем. XLV, 1806 (59 об.).—Замѣтимъ, что этотъ «богословецъ» былъ Стефанъ Зизаній.—Одно изъ беззаконныхъ грѣховныхъ дѣяній никоніанцевъ,—это отрицательное отношеніе къ «Кириловой книгѣ». Среди 20 пунктовъ своихъ несогласій съ никоніанскою церковью, поморецъ подъ 14 мѣ пунктомъ приводитъ слѣдующее «свидѣ[ль]ство отъ божественнаго писанія»: «Книгу имѣваемую Кирилову не благочестне злослѣвѣюще всюду порицаютъ ея книгою ложною и вѣроятія недостойною, содержащаяже въ ней божественныя словеса отъ пророческихъ и апостольскихъ писаній о православнои нашей вѣрѣ и о превысочайшей богословіи оглаголуютъ быти прелестію и обманомъ простымъ людямъ, и яко бы сіи плевели то есть божія глаголы и божественныя догматы посяжалъ Зизаній»... (Ирк. Д. Сем. XLV. 1822 л. 76). Всѣ признаки апокалипсическаго антихриста объявляются на римской церкви, а затѣмъ на послѣдовавшей за Римомъ великороссійской церкви.—Ангелъ связалъ сатану и заключилъ его въ бездну на 1000 лѣтъ. (Апокалипсисъ, гл. 20). 1000 лѣтъ прошло. Но сатана еще не развязанъ. Онъ пустилъ отъ себя только духъ нечистый на Христову церковь, сталъ прельщать православныхъ христіанъ. Духъ сатанинскій объялъ собою Римъ: «И тако по тысящи лѣтехъ Римъ отпадѣ со всѣми западными странами, прельщенны быша отъ таковогo пущеннаго отъ нечистаго духа, прельщенны во лжю, въ проклятія въ ереси... и подъяклонилися звѣрю седмглавому, который изъ моря вышилъ пестрны» (Ирк. Д. Сем. XLV. 1797, 26 об. То же въ сбор. XLV, 1814). Вышелъ изъ моря звѣрь седмглавый и десятирогий съ 10-ю вѣнцами на рогахъ, а на головахъ имена хульныя (Апокалипсисъ, гл. 13)... «По ересямъ называется звѣрь, а

¹⁾ Цитируютъ слово папы Ипполита и липоване,—старообрядцы въ румынской Добруджѣ. Ср. въ «Очеркахъ и рассказахъ» В. Г. Короленка, кн. IV, стр. 235.

²⁾ Печатана и въ наше время, въ 1895 г. въ Москвѣ въ единовѣрческой типографіи.

седми тайнахъ [таинствахъ] называется седмглавымъ, и роговъ десять—царей из разныхъ царствъ совокупаются въ едину волю, въ едину вѣру къ седмглавому звѣрю, сирѣчь к римскому царству, къ папѣ, къ великому еретику, а что на розехъ его десятъ вѣнцовъ, то значють царскія персони; а на главахъ его имена хулна, сиречь все духовныя таинъства творимое еретиками. сей седмглавый звѣрь есть видимый чловѣкъ еретикъ папа римскій и прочіи власти великіи еретическія оболщенныи отъ діавола.. (LXV, 1797, 26 об. 27; см. изображеніе змея седмглаваго). И будутъ великій еретикъ папа и иже съ нимъ гнать православныхъ христіанъ ко своему нечестію, къ проклятымъ ересямъ. Передъ пришествіемъ антихриста по всей вселенной распространится еретическое нечестіе, лживое проповѣданіе, «римское евангеліе». а отеческія святыя преданія оставятъ, и все святое божественное писаніе еретиками ненавидимо и хулимо будетъ. И дастъ антихристъ слугамъ своимъ начертаніе имени своего, «на деснѣй руцѣ ихъ или на челѣхъ ихъ» имя звѣрино—число 666. Начертаніе или печать антихриста трегубая: 1) образъ повелительный, царскій антихристовъ начертанный, 2) деньги, 3) триперстное сложеніе сирѣчь ересь проклятая щепоть; замыкаетъ въ себѣ эта печать число имени его 666 (XLV, 1797, 30 об.—31) Когда по 7-мъ вселенскомъ соборѣ отпалъ Римъ со всѣми западными странами отъ благочестія и истинной вѣры, то отъ Рима прочія всѣ царства воспріяли «римскія проклятыя ереси.. и зато римское царство всѣмъ царствамъ мати погибели и папа римскій надо всѣми еретиками еретикъ есть» (XLV, 1797, 32. LXV, 1814, 45, 54—55, 48). Семь царей, по апокалипсису, падуть во власть антихристу, будутъ слугами римскаго престола; 3 царей самъ антихристъ покорить войною и послѣ нихъ будетъ 11 мъ царемъ. Было 5 патріарховъ: въ Римѣ Іерусалимѣ, Антіохіи, Александріи, Цареградѣ. Сіи 5 патріарховъ были истинноблагочестивые. Но по 1000 лѣтъ отпалъ римскій патріархъ отъ соборной апостольской церкви и сталъ слугою и предтечей антихристовымъ 4 другихъ вселенскихъ патріарха согласились посвятить пятымъ патріархомъ въ великороссійскомъ государствѣ вмѣсто отпадшаго папы римскаго. Но прошло нѣсколько лѣтъ, въ разныхъ временахъ, и сіи четыре патріарха, іерусалимскій, антіохійскій, александрійскій и цареградскій, такжеде пали въ нечестіе, присоединились къ пятому отпадшему патріарху, къ папѣ римскому и къ римскимъ проклятымъ ересямъ и сотворились еретики великіе, слуги и предтечи антихристовы. Оставался только одинъ благочестивый патріархъ въ великороссійскомъ государствѣ. Потомъ и шестой патріархъ отпалъ отъ благочестія,—отпалъ вмѣстѣ съ великороссійскимъ государствомъ и присоединился къ римскимъ ересямъ и сталъ слугою и предтечей антихристовымъ. Отъ шестого патріарха, отъ Никона, великое царствіе россійское подклонилося къ той же нѣ-любодѣйницѣ, что сидитъ на звѣрѣ седмглавомъ (XLV, 1797, 33—34). «О злый Никонѣ, душегубный пагубниче. Не ты ли конь и всадникъ самого сатаны. Не ты ли послѣшникъ антихристовъ. Не ты ли оугодникъ діаволовъ. Не ты ли бесѣдовалъ съ самѣмъ сатаню. Не ты ли погубилъ оу насъ всю вѣру христіанскую.. О звѣрю проклятый. О лукавый ширмеръ позаратай, шурмуишь воинъства, биешь ти голени церковныя... О блудница вавилонская, блудница всескверная беззаконная и т. д. и т. л. («Отъ посланія священномученика протопопа Аввакума и страдальца». Сб Троицк. мон.). Придетъ и седьмой патріархъ и назовется царемъ и святителемъ (XLV, 1797. 34). Папа римскій, взявшій себѣ власть духовную и мірскую, предтеча антихриста по писанію, якоже пишетъ Іоаннъ Златоустый. «Отъ того времѣни настала власть антихристовыхъ предатечъ. Такжеде и во вѣторымъ новымъ въ Римѣ великомъ въ царствіи въ росъсейскомъ, въ царскомъ градѣ Петербургъ... сталъ царь и патріархъ Се бысть пре [при] царѣ Петрѣ первымъ императорѣ» (Іб 35 об и въ XLV,

1814. 278 об.). Когда содержалъ старый Римъ благочестіе, были патріархи и цари. Цари патріархамъ покорялись. Впалъ старый Римъ въ ереси,—появился папа и царь вкупѣ. Такъ и въ новомъ Римѣ, въ Россійскомъ государствѣ, при благочестіи были патріархи и цари, «но патріархъ болѣе царя саномъ духовнымъ и царь покорялся ему». Отпало Россійское государство къ Риму,—не стало патріарха, «тогда царь воспріялъ себѣ императорскій титулъ отъ папы римскаго, а патріарховъ отменилъ... въ римскомъ царствіи царствуетъ папа духовный вкупѣ патріархъ и царь, а въ великоросейскомъ царствіи царствуетъ императорство вкупѣ царь и патріархъ едино имя названо императоръ, и тако отъ тѣхъ врѣмѣнъ явно въ великоросейскомъ царствіи настала власть антихристовыхъ слугъ и предотечивъ» (ib. 36 об. и др. XLV, 1814. 284). Никонъ и Петръ, принявшіе лживое римское учене, времена измѣнили, переставили и украли. «Разумѣйте мужіе братія, яко Никонъ патріархъ врѣмена премѣни, восемь лѣтъ у Христа Бога убавиль, рекше укралъ — нынѣ в лѣточислѣніи отъ Рождества Христова не считаются. А первый императоръ новой годъ измѣни: не сентября, на генваря 1-го празднуется» (Бесѣдословіе, 62: Да и мірское имя Никона и титулъ Петра—это печать антихриста, число звѣриное 666. «Внегда онъ [Никонъ] в бѣлцахъ нарицашеся Никита, погречески же глаголется Никитіосъ, в немже званіи состоится 666. Подобнѣ и во ономъ императорѣ, во властельскомъ его имени, тоже знаменаегъ быти 666: ибо егда оныи Петръ здѣ в россійскомъ государствѣ, опровергъ вся древнія обычаи, вмѣсто же онѣхъ возобновивъ еллинскія и римскія отверженныя обычаи; тако и вмѣсто царскаго званія прія имѣноватися поримскіи «императоръ», обаче на римскомъ языкѣ сіе императорское имя глаголется безъ мыслетей, якоже о томъ в букваряхъ троязычныхъ показываетъ, и пишется сиче: «ператоръ», еже значитъ 666. Въ немъ преисподній теитанъ засяде и озвѣрися» (XLV. 1814, 272) 1). На вѣрныхъ рабовъ божіихъ воздвигли гоненіе лютое и, духомъ лукавымъ побуждаемые, стали хуловать ихъ раскольниками, съ 1667 г и при ономъ «титинѣ», «императорѣ».

Началось шатаніе на Руси еще до Никона. Въ 1595 лѣто Малая Русь приступила къ римскому костелу и его ересямъ и заручную грамоту папѣ дала. Но, когда исполнилось 1666 лѣтъ, тогда заколебался самый великій столпъ въ вѣрѣ христіанской,—заколебался и палъ: палъ «Никонъ патріархъ и нача собирать многія ереси и развращенныя пути надохненіемъ сатанинскимъ и совѣтіемъ Арсенѣемъ, римскимъ еретикомъ греческимъ черницѣмъ; зри въ челобитной соловѣцкихъ чудотворцовъ...; и повелѣ печатати книги со многими ересьми». Ввели и много другихъ беззаконныхъ новшествъ. Вѣчную пагубу, великое смущеніе и мятежъ, а церкви великое озлобленіе и бѣды произвели въ россійской землѣ еретикъ Арсеній, прельстившій Никона, Никонъ, прельстившій царя Алексѣя Михайловича, и царь. Раскольникамъ, принявшимъ римскія сатанинскія нововводства Никона, нѣсть надежды на спасеніе: «таковыхъ всѣхъ еретиковъ святое писаніе вѣчному проклятію придаетъ, трижды анаѣеме предани». (XLV, 1797, 66 об.).

Что касается тѣхъ ересей, въ которыя пала римская и послѣдовавшая за ней великороссійская церкви, то обличеніемъ ихъ и защитѣ древляго благочестія много мѣста удѣляется въ старообрядческихъ сборникахъ. Обширное произведеніе олонцкихъ старцевъ-старовѣрцевъ ихъ 106 отвѣтовъ, съ большими подробностями выясняютъ и обосновываютъ свое расхожденіе съ никоновскими «нововнесеніями». Въ другихъ писаніяхъ эти основныя положенія старообрядства повторяются, развиваются

1) О антихристовыхъ дѣяніяхъ Петра I вообще писалось много старообрядцами. См. указанія у А. Н. Пыпина: Исторія рус. литературы, т. III, 341—342.

въ томъ или иномъ направленіи, снабжаются дополнительными доводами,—а также добавляются и другіе обличительные пункты, дипломатично обойденные олонецкими старцами или позднѣе вызванные обстоятельствами въ жизни старообрядцевъ. Въ сборникѣ Д. Сем XLV, 1797, приложено нѣсколько рисунковъ съ изображеніями церкви еретиковъ и перечисленіемъ ересей душегубительныхъ. Вотъ на л. 67 мѣ изображена «церковь великороссейскихъ никоніанскихъ людей великихъ раскольниковъ и отступниковъ отъ благочестія». Рамка съ горизонтальными линиями, по бокамъ по 3 окна Вверху 5 куполовъ. На каждомъ куполѣ крестъ съ перекладиной посрединѣ и на концахъ; это—«ришотки и крыжи римскихъ еретиков, отвѣржены отъ святыхъ христовыхъ церкви». Внизу 3 ступеньки ведутъ къ церковнымъ дверямъ. Направо жертвенникъ съ 5-ю (а не съ 7-ю) вросфорами. Въ рамкѣ перечислены ереси. «1 ересь. аллилуя четвирять» (—не подобаеъ аллилуйя трегубить, но слѣдуетъ дважды глаголати «аллилуйя» а въ третій «слава тебѣ боже»; объ этомъ очень много говорили олонецкіе старцы). «2 ересь. о одѣждахъ» (— не строить нелѣпыхъ одеждъ, сирѣчь иноземскихъ или еретическихъ; аще не послушаютъ, да отлучатся и причастія имъ не давать, кто бы это ни былъ: царь, князь, воинъ; аще и смертью будутъ угрожать, да не убоимся: лучше умереть, чѣмъ законъ господень и преданія святыхъ отецъ преступить, ib. 71—72). «3 ересь. непостоящихся среду и пятокъ во весь годъ. «4. отъ падѣнія ни брегуть праздниковъ господнихъ и святыхъ. 5 ересь. колѣнонипоклонницы. 6 ересь. въ крещеніи обливають («также творятъ въ великороссейскомъ царствіи, въ малоросіи въ той же ереси вси прибываютъ: вмѣсто крещенія лжицю воду на главу возлѣвають. ib. 76 об.; о томъ же говорится въ XLV, 1798 и въ XLV, 1822). «7 ересь. о бритобритіи» (—подробнѣе см. ниже). «8 ересь. власовъ на главе нипостриженія. 9 ересь. о продажи и купованіи дара духа святаго» (—сирѣчь бѣрутъ и даютъ за тайны церковныя, архіереи бѣрутъ, а люди даютъ ib. 80). «10 ересь. о триперстномъ сложеніи сирѣчь о щепотѣ» (—весьма длинная апологія двуперстія въ «олонецкихъ отвѣтахъ»; въ указанномъ выше экземплярѣ на поляхъ многочисленныя и безукоризненно выполненныя изображенія кисти руки съ двуперстнымъ знаменіемъ). «11 ересь іисъ (—слѣдуетъ ісъ: см. въ 49 олонецкомъ отвѣтѣ статью 13-ю, посвященную имени ісовѣ. Разсуждаетъ объ этомъ написаніи и книга Давыда: «сія ересь проповѣдуетъ инога царя, сирѣчь антихриста. Три буквы ісъ проповѣдуетъ св. Троицу, а ікъ—4 буквы, 2 по 2, проповѣдуетъ 2 рога, 2 рога проповѣдуютъ 2 власти антихриста: царя и святителя, 74 об.). «12 ересь. чай. 13 ересь. табакъ. 14 ересь малаксова»¹⁾ («благословляти шелчкомъ», 50). «Отъ падѣнія премѣненія крестовъ и множества примѣненія отеческимъ преданіямъ отъ своихъ суетныхъ умышеніевъ. Для воспріятія таковыхъ ересей и для премѣненія отеческаго приданія *старопечатныхъ книгъ*, зато таковыя вси называются отъ святаго писанія отступницы, отпадшия, ничиствыи раскольницы и еретицы. прокляты трижды». И еще ересь въ иконописаніи. «Нынѣ еретицы умыслили бутъто зъ живыя писать; да и много у нихъ измѣненія во иконахъ: власы расчесаны и ризы измѣнены, и сложенія персть вмѣсто христова знаменіе малаксову преданію раскоряку лишуть шелчкомъ и подпись измѣнили ісу, пишутъ іисъ порымсксму, и много измѣненія во иконахъ. Неподобаеъ православному много и глядеть ни токмо кланятся такимъ неподобнымъ образомъ (—89. Ссылка на «челобитную соловецкихъ чудотворцевъ»). Въ семинарскомъ сборникѣ XLV 1822

¹⁾ Ср въ «Скрижали» (Москва. 1656), статью: «Николаа сценнаго, малакса, протопопа науплійскаго, о знаменованіи соединяемыхъ перстовъ руки сценника, ввсегда блвити ему хртоименітя люди». Въ началѣ находится изображеніе благословляющей руки (стр. 818—821 ненумеров.) Экземпл Ирк Д Сем XLV 1816.

помѣщены «Разъговоры, послѣдовавшія въ 1700-мъ году между двумя старообрядцами. 1-й былъ поповлянтъ, а 2-й поморецъ. Первый спросилъ втораго: для чего вы другъ любезный отдѣлились отъ великороссійской церкви. И на что второй отвѣчалъ: покорнейша прошу выслушать свидете[ль]ство отъ божественнаго писанія в сих 20-ти пунктахъ» (л. л. 72—76). 1—2) Еретическое написаніе имени Ісуса двумя слогами и оскорбленіе писавшихъ однимъ слогомъ. 3) Книги старопечатныя и старописьменныя опорочены. 4) Хула на изображеніе Богоматери («уподобляютъ русской бабидѣ»). 5) Хула на крестъ изъ трехъ древъ. 6), 7) двухперстное сложеніе перстовъ порицаютъ вельми злоглаголательно. 8) Обливаніе при крещеніи. 9) Отвержены древніе антимины. 10) Св. мужей Стоглаваго собора возыменовали плевелосѣятелями. 11) Стефана Зизанія переименовали эфіопомъ и ученикомъ діавола. 12) Не признаютъ мощей св. мучениковъ, обличавшихъ на судищѣ поганыхъ царей нечестивыхъ. 13) «Константина Панагіота, греческаго учителя, ревностное обличеніе латинскихъ ересей сравниваютъ с неумствомъ бражниковъ и людей кабацкихъ». 14) Зло словятъ «Книгу Кирилову». 15) Аѳанасіевы отвѣты на вопросы князя Антиоха называютъ подложными. 16) Отмечаютъ достовѣрную и чудотворную повѣсть о Троянѣ царѣ и о Фалкониллѣ дѣвицѣ, по смерти спасшихся. 17) «Какое то в молитвахъ своихъ призываютъ великое имя паче имени пресвятыя Троицы» (!). 18) Порочатъ одежду иноческую. 19) Пѣніе староцерковное порицаютъ дурнымъ и мужицкимъ. 20) Оправдываютъ власоращеніе, париконшеніе, брадобритіе, табакопитіе.—Всѣ эти положенія-ереси подробно освѣщаются и опровергаются отъ писанія во всѣхъ старообрядческихъ сборникахъ. См., напр., изложеніе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ въ 38 статьяхъ 50-го отвѣта олонецкихъ старцевъ (л. л. 112 об.—147). Наряду съ вопросами, относящимися къ жизни церкви и къ христіанскому уставу, трактуются въ той же плоскости и вопросы: о чаѣ, о табакѣ, объ одеждѣ, о брадобритіи («или «бритобритіи»). Послѣднему пункту, богомерзкой латинской ереси, удѣляется много мѣста. «Сія ересь сотворена и вышла отъ проклятого великаго отъ еретика папы римскаго отъ Петра Гугниваго: наученіемъ отъ блуднаго бѣса ради любодѣянія за женское за потшупія остригъ браду свою» (XLV. 1797 л. 38 об.). Это тотъ самый, что повелѣлъ «въ ворганы и тинпаны и въ мусикии въ церкви играти». Онъ же повелѣлъ безъ покаянія прощать грѣхи и не беречься всякой скверности и со псами изъ однихъ блюдь ѣсть (ib. 66). Любили разсказать и о томъ, при какихъ обстоятельствахъ сталъ папа, а за нимъ все латинское духовенство брить бороды. Объ этомъ интимныя подробности передовалъ философъ Панагіотъ (—не даромъ въ порицаніи его старообрядцы видятъ душегубительную ересь). «Отъ книги Кириловы, листъ 234. Преніе философа Панагіота ко Азимиту философу, отъ божественнаго [!] писанія, отъ философіи, отъ риторики и отъ витіи...—Последи же философъ Панагіотъ ко Азимиту рече: чесо ради папы ваши и вси церковницы стригутъ брады, рцы ми. Азимитъ. Прииде аггль ноцію къ папѣ и рече ему: Аще хощеша быти, яко аггль, остризи браду, понеже аггли безъ брадъ предстоятъ престолу божію. Панагіотъ: нѣсть тако, но солгалъ еси. Слыши Азимите азъ ти исповѣмъ истину». «Истина заключалась въ томъ, что женщина, взаимности которой добивался папа, поставила требованіе: «аще хощеша да прииду къ тебѣ на ложе, то остризи браду свою». Папа бороду остригъ, но женщина насмѣялась надъ нимъ. Папа, желая прикрыть свой позоръ, сказалъ духовенству, что голуби, которыхъ онъ приучилъ къ себѣ на плечо, передали ему волю Божію остричь бороду. Пусть и прочіе духовники послѣдуютъ ему. «Тояже вы и до днесь держитесь прелести, понеже жена посрамила есть васъ, и бриете брады своя подшупія ради женскаго»,—заканчи-

ваетъ свою истину. Философъ Панагютъ (Изъ сборн. Троицк. мон.; см. выше подъ № 7, л. л. 15—15 об. находится и въ другихъ сборн., напр въ XLV, 1797, л. л. 78—79).

Въ бездну грѣховную вринулъ великороссійскую церковь богоотступникъ Никонъ. Еще больше ересей развилось на Руси при Петрѣ первомъ. Онъ называлъ себя императоромъ, именемъ заѣриннымъ, объединилъ въ себѣ власть царскую и патриаршескую, — тоже по сатанински; онъ ввелъ гибельную печать антихриста — двуглаваго орла, знаменующую двѣ власти антихриста (XLV, 1797, 60 об., 9С об.) При благочестивыхъ царяхъ гербомъ былъ крестъ, а еретиковъ проклинали и отъ римскаго и австрійскаго («астрицкаго») царства убѣгали и не принимали ихъ начертаніе двуглаваго орла. «А когда Росея, руской народъ отпали отъ благочестія и вѣпали вовъ ничестія, въ проклятыя въ ереси, въ лѣто 1567, и по отпаденіи чрезъ колико время насталь въ руской земли царь ничестивый, отпадшій Петръ Алексеевичъ и сей царь приклонилса вовъ едино мыслиа къ Риму и Острицкому инператору, къ римскому католическому закону и възя ихъ обычая гербъ двуглаваго начертаннаго орла. и сей царь Петръ Алексеевичъ въвелъ вовъ Росею чистоту въ воинстви, сирѣчь штатъ а во штати три погибѣли душевныя: первое—ересь щепоть, вторая ересь—богомерское бритобритія, третія ересь—нимѣцкое платія и въ семь во-проклятомъ в штату весь народъ росейской земли души ихъ въ погибилъ идуть» (XLV, 1797 л. 92 об.). Петръ I знаменуетъ собою двурожнаго звѣря: первый рогъ—его отецъ Алексѣй Михайловичъ, «онъ же Никону-дьяволу въ нарушеніи благовѣрія помощникомъ учинилса, а второй рогъ—самъ Петръ. Сей Петръ всѣ остатки благочестія до конца изпразднилъ Онъ въ короткое время всѣ языческіе обычаи поганскихъ вѣръ во-зобножилъ: это показываютъ самый видъ и дѣйствія его: брадобритіе, ношеніе одеждъ и проч. А по описи народной раздѣлилъ народъ на чины, размежевалъ землю и рѣки и всякія усадьбы и завѣщаль каждому наблюдать за своей частью,—другому не давать, и этимъ создалъ врагъ междоусобную брань, свару и бой въ людяхъ. Раздоры начались и въ куплѣ и въ продажѣ отъ введенія чиновъ и уставовъ. По уставамъ латынскимъ нѣмецкихъ странъ онъ заставилъ людей пещися о богатствѣ и о тщетной славѣ. А это все значитъ: непрестанно «со оною дочерію вавилонскою совокупляся блудити и ис чаши ея мерзостію сребролюбіемъ грѣха упиватися». А народная перепись Петра,—слушайте пророческое слово св. Ипполита: «на кійждо градъ пошлетъ и взаконенія по всѣмъ странамъ с бѣсы же и с чувственными человеки». Петръ антихристъ, «подкидышъ льяволовъ» (XLV, 1814 л. л. 248-251, 253 об.)

Повиноваться властямъ придерживающимъ должно по писанію. Но, учать нѣкоторые изъ книжниковъ, не всѣ ихъ приказанія слѣдуетъ выполнять: нельзя губить свою душу, выполняя богопротивное повелѣніе властителя. И Юсифъ Волоколамскій пишетъ, «еже подобаетъ повиноватися влаstem, кромѣ еже повредитися благочестію» (изъ отдѣльнаго рукоп. старообрядческ. листка).

Противно святой церкви, говорятъ нѣкоторые, отдавать сыновъ своихъ въ нечестивое воинство и деньги по душамъ собирать на подати (см. выше).

Мысль о близости дня сѣднаго, о наличности всѣхъ знаменій пришествія антихриста не покидаетъ старообрядца и въ XIX-мъ вѣкѣ. Въ семинар. сборникѣ XLV, 1798 сдѣланъ въ концѣ одной страницы перечень государей «отъ римскаго поколенія», отъ Екатерины I-ой до Павла, Александра, Костянтина, Николая, Михаила. «Толико Россія отрину турецкаго владѣнія, щитая отъ Азова, Крым, Герсон, Адестъ уже владычествует; узревый Езра гордыя времена і се кончина сут беззаконія его исполниша» (— ср. передачу Херсона посредствомъ «Герсон», повидимому, въ языкѣ писавшаго; произносился не взрывно, а дли-

тельно; т. е. такъ же, какъ у семейскихъ въ концѣ вѣка произносилось не ж, а з отсюда путаница въ передачѣ такого ж и з посредствомъ одного знака. А Иванъ Лёгостаевъ восклицаетъ за Байкаломъ-моремъ: «Нынѣ что [въ Россіи] есть? не антихристъ ли изыде изъ Ерусалима или отъ Рима и в Россію пришелъ есть. (Бесѣдословіе 25 об.). Вся вселенная во отступлѣніи есть (ib. 29). И да вѣси, христолюбие, яко вся христіанская царства придоша в конецъ и снидошася во едино царство государя нашего по пророческимъ книгамъ... Зритъ мужіе и братіе, время нынѣ плачевное и толико скорбное, должны другъ о другѣ соболѣзновати и ояля кивати» (ib. 30—31).

Въ старообрядческихъ сборникахъ сообщаются нерѣдко свѣдѣнія изъ прошлаго ревнителѣй древляго благочестія. Эти свѣдѣнія касаются исключительно темы страданий, перенесенныхъ отъ гонителей,—великороссійскихъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Рассказывая о гоненіи на неприемлющихъ никоновскихъ нововнесеній, писатель вспоминаетъ гоненія на христіанъ и въ первые вѣка христіанства: какъ тамъ, такъ и здѣсь гонители—невѣрные идолопоклонники, богоотступники. Трогательно и витиевато рассказана исторія объ осадѣ и разореніи Соловецкой обители. Семь съ лишнимъ лѣтъ выдерживала осаду богоспасаемая киновія. Измѣна одного изъ братіи отдала ее на разореніе лютому воеводѣ Мещеринову. Много пострадало, было замучено до смерти «преподобныхъ старецъ». Во второй части исторіи сообщены подвиги страдальцевъ за древлее благочестіе по разореніи соловецкой киновіи. Такъ, дьяконъ и епископъ соловецкій Игнатій—«сей единъ отъ соловецкія киновіи изыде и со многими ко Господу взыде. Въ Палеостровствѣ монастыри со двѣма тысящма и седми стами собравшихся за древнее отецъ благочестіе отъ присланныхъ войновъ сожжень». «Германъ смиреномудрый и крѣпкій... таже со многими собравшимися яко съ тысящю и пятьми стами в вышереченнѣмъ монастыри отъ воинновъ прѣхавшихъ огнепаленіемъ отъ злѣшнихъ в будущая преселивыйся добрѣ». Много и другихъ отцовъ и истинныхъ христіанъ отдало жизнь за древлецерковные законы и за обличеніе новинъ (приложеніе къ «олонецкимъ отвѣтамъ», сем. ркп. XLV, 1814 256—256 об.).

Гоненія на непризнавшихъ новинъ Никона не прекращались и въ послѣдующія дѣсятилѣтія. Хула, изгнаніе, пытки, темничныя заключенія, усѣкновенія, сожженія выпали на долю стоявшихъ за непремѣнность древляго благочестія. При второмъ носителѣ звѣринаго числа 666, при императорѣ Петрѣ I, гоненія на «старовѣрцевъ» со всей остротой напомнили имъ опять о пришествіи антихриста о послѣднихъ дняхъ міра. Горячія обличенія Петра заключаетъ въ себѣ сем. сб. XLV 1814 (ср. выше). Всѣ дѣянія Петра—дѣянія антихристовы, по писанію. Сказано въ писаніи, что антихристъ нѣкоторое время будетъ терпимо относиться къ истиннымъ христіанамъ и даруетъ тѣмъ «льстецъ малыя снѣди, печати ради своея скверныя». И Петръ даровалъ эту малую снѣдь. Онъ допустилъ на короткое время свободное исповѣданіе старообрядцами своей вѣры, свободное разглагольство съ ихъ противниками. Но не долго продолжалось это время, «яко малу нѣкую снѣдь пачавкали». Указомъ 1716 г. февраля 8-го дня по общей переписи старообрядцы должны были платить двойной окладъ ¹⁾, но въ дѣлахъ вѣры оставались свободны. Указомъ 1722 г. сентября 24 дня эта свобода у нихъ отнималась: воспрещалась свободная проповѣдь, а ихъ книги названы раскольническими и должны быть отобраны («сообщенъ и указъ этотъ, «духоборца глаголь», лл. 272—273). Назвавъ эти книги раскольническими, прескверный онъ адскій цесъ вѣсь соборъ святыхъ съ самѣмъ Господѣмъ охулова». Народная опись—

¹⁾ Въ Тобольской губ. старообрядца называютъ *двоеданъ*

печать антихристова для печатанія народнаго: ибо послѣдователи древлецерковные, желая вписаться въ оный *раскольническій* окладъ, должны прійти къ чувственнымъ бѣсамъ императора и, кланяясь, просить о начертаніи себя въ окладъ раскольниковъ, «и тако симъ подобіемъ пріяша печать антихрестову, сирѣчь раскольниками ся нарекоша, и тѣмъ его обоготвориша, а себя же въ отступники вложиша». Но ревнители правой вѣры твердо помнили писаніе: «зане Господь Богъ чрезъ ангела своего, ут-верждая люди своя, глаголя: не пріимати антихриста онаго в царя себе, сирѣчь въ покореніе ко оному иператору (!) во опись его не вдаватися» (лл. 279—280, 289),—и полилась кровь страсготерпцевъ, пролитая симъ звѣремъ. «Глаголють нѣщии, яко отъ онаго лѣта 722 до Екатерины третія описи оно ихъ старовѣрческое ученіе острѣе виннаго шинкарства и денжнаго мастерства отъ него антихриста надзираемо содѣяся»: отыскивали потаенныхъ раскольниковъ, древнія книги и оныя на огнѣ сжигали, непрестанно къ шепоти привлекали и насильно еретически причащали (лл. 274 об.—275, 289). Стойкіе ревнители и отцы благочестія не покорялись титину и обли-чали его беззаканія. Они не подклонились подъ печать антихрестову, не начертались раскольниками. А онъ лютый мучитель, «таковымъ горла оловомъ заливая, инѣмъ же уста кляпами забивая» (294 об.), гналъ подъ свою печать. Много въ то жесто-кое время правовѣрныхъ христіанъ смертію животъ свой запечатлѣло, «и яко же о сибирскихъ страдальцѣхъ исторія показуетъ». Настало послѣднее время; «блаженъ иже Христа ради съ радостію тогда мученіе пріимѣтъ» (л. 300).

Заблудшіеся еретики старопечатныя книги опорочили, назвали ихъ «старогадками и старопачканными» (3 й пунктъ «Разговора» въ сб. XLV. .1822) «Какъ говорилъ Никонъ, адовъ песь, такъ и сдѣлалъ: «Печатай Арсенъ. книги какъ нибудь, лишь бы не по-старому» (Житіе Аввакума). Въ олонецкихъ (поморскихъ) отвѣтахъ подробно перечисляются отступленія въ текстѣ новопечатныхъ книгъ (въ рукоп. экз на лл. 173—177). Обличая «еретическую блудню» (прот. Аввакумъ), защитники древаго благочестія православнаго «обкладывались» писаніемъ старописьменнымъ и старопечатнымъ, неискаженнымъ. Составлялись списки книгъ, въ особенности чтимыхъ старообрядцами. Такой списокъ, хотя и далеко неполный, находится въ сборникѣ XLV. 1798: «О книгахъ благочестивыхъ». Перечислены слѣдующія книги: Стоглавъ, книга святаго Кирила Іерусалимскаго (заложена 7121 лѣта совершена же 7152»), книга о вѣрѣ въ лѣто 7156, книга кормчая въ лѣто 7161, въ первое лѣто царя Алексѣя Михайловича напечатанъ служебникъ (въ томъ служебникѣ при концѣ приложено по-ученіе еже православнымъ христіаномъ брадъ не брители), въ лѣто 7137 напечатанъ въ Москвѣ потребникъ, грамматика напечатана въ Вилне 7103 лѣта, четія минея макаріевская. Въ перечнѣ сдѣланы ссылки на «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго и на «Пращицу» (Питирима¹). Оттуда и указаны эти книги, для укоренія вѣроятнаго противниковъ. Конечно, этотъ, опытъ старообрядческой библиографіи крайне не полный. Въ каждомъ старообрядческомъ писаніи сдѣланы заимствованія и ссылки на очень длинный рядъ книгъ старописьменныхъ, харатейныхъ и старопечатныхъ. Въ позднѣйшихъ своихъ писаніяхъ старообрядцы не стѣснялись пользоваться соотвѣтствующими данными и изъ книгъ русскихъ юго-западныхъ писателей (ср. выше).

¹) «Розыскъ о Расколнической брынской Вѣрѣ, о Оученіи ихъ, о Дѣлахъ ихъ и из'явленіе» Въ Москвѣ 1755. Глава 8 я въ 1 й части «О книгахъ же старыхъ и о книгахъ новыхъ» (Пользуемся экземпляромъ Ирк. Д. Сем. XLV. 1786. Тамъ находится 5 экз. этой книги. На одномъ имѣются позднѣйшія рукописанія замѣтки). «Пращица противо вопросовъ расколническихъ». Въ Москвѣ, 1752 Въ разныхъ мѣстахъ этой огромной книги указываются старопечатныя (и новопечатанныя) книги. (Пользуемся экземпляромъ Ирк. Д Сем XLV. 1721 Имѣется 5 экз.).

Кромѣ темъ, посвященныхъ расколу, въ письменности старообрядцевъ вообще и за байкальцевъ въ частности, представлены статьи и религіозно-нравственнаго, духовно-назидательнаго содержанія. Матеріаль для этихъ статей черпается исключительно изъ памятниковъ славяно-русской письменности. Тутъ находятся выписки изъ «Златаго бисера многоцѣннаго» о чтеніи книжномъ, о зависти и ненависти, изъ книги «Измарагдъ» о житіи, о творящихъ пиры-банкеты, о поганскихъ обычаяхъ, о незабытой памяти и др., изъ книги митроп. Даніила «О еже како жити по уставу святыхъ отецъ», разныя наставительныя статьи изъ «Андіатиса» о наказаніи развращенныхъ и о хульникахъ и др., изъ «Златоструя»: о добродѣтели и о злобѣ, о разсужденіи и неразумѣніи, о любви и о дружествѣ («внимай любезное чадо и милія любезныя друзи!»), о погахъ, неучащихъ людей, о сквернословіи, какъ въ церкви стоять какъ посреди міра спастись и др. Брались статьи изъ Патерика, изъ Толковой псалтыри, изъ Зеркала великаго, напр. «како не терпѣть врагъ діаволь идѣже союзу любви и сего творити безсилень творити челоуѣки, паче же бабами», изъ Кормчей, напр., о бракахъ, изъ разныхъ сборниковъ. Имѣются выдержки изъ книгъ болѣе поздняго времени, — изъ «Феатрона», «изъ книги Баронія» и др. — Таковы въ общемъ составъ духовно-назидательныхъ статей, находящихся въ старообрядческомъ, по всей вѣроятности, забайкальскомъ сборникѣ Д Сем. XLV 1798. На тѣ же темы и изъ тѣхъ же сочиненій подобраны статьи и въ другихъ сборникахъ. Религіозно-назидательной же цѣли служили давнія славяно-русскіе апокрифы и ихъ передѣлки. Иногда на апокрифы старообрядческой книжники ссылались при доказательствѣ того или иного положенія относительно «древляго православія» или для обличенія какой-нибудь «римской бляди». Для него и писаніе отца церкви, и каноническая и неканоническая книга, апокрифъ имѣли одинаковое значеніе. Отголоски апокрифическихъ сказаній во взглядахъ старообрядцевъ, въ частности семейскихъ, можно наблюдать и въ настоящее время. Вотъ тетрадка (XIX в.) троїцкаго монастыря, отобранная у старообрядца. Она вся занята апокрифами и повѣстями. Тутъ находится «Бесѣда трехъ святителей» дающая огромное количество свѣдѣній читателю на самыя глубинныя вопросы. Напр. . Вопрос. Сколько лѣтъ Богородица поживѣ. Отвѣт. Семьдесятъ два лѣта. Вопрос. Кто Богородицу крести. Отвѣтъ. Петръ апостоль. Вопросъ. Кто діаканъ отмѣтникъ, пѣвецъ блудникъ. Отвѣтъ. Діаконъ отмѣтникъ Петръ апостоль, пѣвецъ блудникъ царь Давидъ. Вопрос. Что у Бога нѣтъ. Отвѣтъ. Неправды. Вопросъ. Что небесная высота, а земная широта и морская глубина. Отвѣтъ. Отецъ и Сынъ и Св. Духъ. Вопрос. Отъ чего солнце сотворено. Отвѣтъ. Отъ свѣтлыя ризы своя господни и отъ огня. Вопрос. Отъ чего аггли сотворены. Отъ духа святаго и отъ огня» и много другихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Далѣе слѣдуетъ разговоръ мальчика съ философомъ, проникнутый отрицательнымъ отношеніемъ къ «свѣцкому знанію». Философа во всѣхъ пунктахъ «разговора» побиваетъ мальчикъ. Напр. «Малчикъ спросилъ: кто ученнѣе всѣхъ аъ свѣтъ. Отвѣтъ. Книжникъ: кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣцкое житіе. Малчикъ: неправда: а кто читалъ одну книгу и довольно знаетъ себя. . Книжникъ сказалъ: изрядно; слушай, дружокъ, когда ты столь свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія мира. Малчикъ: готовилъ адъ, чтобъ его наполнить тѣми, кто о семъ бесполезно любопытствуетъ» и т. д.—Въ той же тетрадкѣ читатель могъ узнать «О хмѣльномъ питіи, отъ чего уставися горелное вино душепагубное. Братіе, послушайте сего благовѣстія и разумѣйте что хмѣльное питіе отъ бѣса сотворено на пагубу душамъ православнымъ христіаномъ и на вѣчную муку». Слѣдовало повѣствованіе, какъ сатана, чтобы противодѣйствовать распространенію христіанства, послалъ на землю пьянаго бѣса, а этотъ бѣсъ нар-

валъ на горѣ травы (на поляхъ замѣчено: «хмѣлю»), коей была прельщена Ноева жена, и показалъ одному человѣку, какъ варить хмѣльное питье. Сварилъ человѣкъ хмѣльное питье и отослалъ царю. Царю понравилось оно и черезъ него распространилось въ народѣ. «И разнесе то пѣнное питье въ Цыцарію и в Литву и по всѣмъ царствамъ и странам. Потомъ на кончину вѣка сего и к намъ прииде в рускую страну на погибель душамъ христіанскимъ и на вѣчную муку. И потомъ прииде в рускую страну злая брань матерная на оскверненіе земли и воздуху и всей твари. И затѣмъ прииде в рускую страну антихристово питье сухая табѣака, въ нейже наипаче человѣцы повредишася... Святіи отцы отрекоша с такими ни ясти, ни пити, ни вкупѣ Богу молитися, яко отъ врага укрѣплени занеже то первая пѣчатъ антихристова и знаменіе пришествію его».

Изъ сборника Д. Сем. XLV. 1798 книжникъ могъ дать отвѣтъ своей братіи на такіе вопросы: «Что есть небо. Отвѣт. Престоль божій. Вопрос. Что есть солнце. Отвѣт. Огнь небесный, сила содержителна всѣхъ свѣтилъ» и др. Тутъ же: «Вопрос. Что есть вѣра» и др. Въ томъ же сборникѣ помѣщены занимательные и вмѣстѣ съ тѣмъ пророческіе 12 сновъ царя Мамира и ихъ протолкованіе. Эти «сны» отвѣчали старообрядческимъ ожиданіямъ пришествія антихриста и взглядамъ на окружающее, какъ на мерзость запустѣнія, реченную пророкомъ. 2-й сонъ: «Видѣхъ тѣло наго страшно стояща. И отвѣща философъ ко царю: Будетъ время зло велми; тогда людие облекутся во одежды необычныя и чужія. и жены возлюбятъ одежды нелѣпыя, нагія и блудническія на прельщеніе малоумнымъ. И тогда мало начнутъ добра творити: вси уклонятся в прелесть мира сего». 10 й сонъ: «Видѣхъ гору велми высокую, а ней лежитъ каменъ велми красенъ, гора развалилася, а каменъ разсыпался. И рече философъ ко царю: То будутъ в нѣкоей стране царство православное и многія люди отъ православныя вѣры отпадутъ и царство то раздѣлится и пакі уставишася на мало время, и тогда скоро будетъ скончаніе миру». Къ концу міра относятся и 2 послѣдніе сна. Въ концѣ въ скобкахъ составитель сборника замѣтилъ: «зри в книзѣ мѣфодія патарьскаго сія нужды и бѣды [передъ кончиною міра] вси описаны». Въ томъ же сборникѣ имѣются «Написанія Аѳонасія мниха іерусалимскаго к Панкову о древѣ разумнѣмъ добру и злу (Кормчая старопис. листъ 566)» и «того же Афанасія о наузѣхъ і о стрѣлѣхъ громнѣи».

Любили почитать старообрядцы и «Страсти Христовы». Это апокрифическое произведеніе имѣется напр., въ сборникѣ, переписанномъ П. Овчинниковымъ (наход. въ Троицкомъ мон.). Въ библиотекѣ Ирк. Д. семинаріи (XLV. 1817) имѣется печатное изданіе: «напечатана въ типографіи супряслской, въ лѣто **этге**» (—г по опечаткѣ вм. вѣроятно к, т. е. отъ Р. Хр. въ 1817 г.). Книга принадлежала раньше «раскольнику Артемію Трифанову» (помѣтка). Въ той же библиотекѣ находится и рукописный (XVIII в. или нач. XIX в.) экземпляръ «Страстей» (XLV. 1824). Того же времени рукописный экземпляръ «Страстей» принадлежитъ библиотечарю ирк. городской библиотеки Н. С. Романову. Были ли эти 2 экземпляра въ употребленіи у семейскихъ, мы не знаемъ. Замѣтимъ еще, что въ экземплярѣ Н. С. Романова за «страстями» помѣщена *Лѣтопись Великаго Устюга* (18 стр.); а изъ В. Устюга и вообще изъ той области шла въ Сибирь основная колонизаціонная волна, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя діалектологическія и историческія ¹⁾. Поучительны и *мы*.

¹⁾ Среди устюжанъ въ Сибири были и хорошіе переписчики книгъ. Одинъ изъ такихъ переписчиковъ исполнилъ для кривоуцкаго разночинца (Киренскаго у. Ирк. г.) сборникъ поученій, въ 168 л. въ восьмушку. «Сія стая Бгдохновеная и нравоучительная книга кривоуцкой волости разночинца Петра Иванова сна Кузакова. писалъ сію книгу города Устюга великаго Василии Григорьевъ Новоселцовъ, а писана 1756 г. Апрѣля 13». — Изъ собранія М. П. Овчинникова въ Иркутскѣ.

тарства, пройденная душой Феодоры. Путь мытарствъ—напоминаніе живущимъ о грѣховности ихъ жизни и объ исправленіи ея. А сколько грѣховныхъ терній растеть въ грѣшномъ мірѣ! И все грѣховное, содѣянное человѣкомъ въ земной жизни, предстанеть перель его душой на томъ свѣтѣ. Вотъ, къ примѣру, «пятое на десять мытарство: всяка ересь иже вѣруютъ въ стрѣчу и в чехъ, и в полазъ, и во птичій рай, и в ворожбу, и басни бають, и в гусли гудуть» и т. д. (приложеніе къ старообрядческому рукоп. чину погребенія. Ирк. Д. Сем. XIV 1802).

Къ религібно-назидательной книжности старообрядцевъ очень близки по своему содержанию *духовные стихи*. Они отличаются отъ религібно-нравственныхъ статей только своею формой. Духовные стихи у забайкальскихъ старообрядцевъ, какъ и у другихъ ихъ собратій, распѣваются не только лицами, знающими грамоту, но и неграмотными, наизусть заучившими стихи со словъ другихъ. Распѣваются они старыми и молодыми, мужчинами и женщинами. Расхваливали мнѣ одну бабочку въ Тарбагатаѣ: шибко жалостно стихи поеть, въ особенности когда ей «пюточки» поднесутъ. Многіе къ ней ходили учиться стихамъ. Что касается содержания духовныхъ стиховъ семейскихъ, то оно общее съ содержаниемъ стиховъ, распѣваемыхъ старообрядцами и на Поморіи и въ Стародубѣ и Вѣткѣ. Одни стихи посвящены расколу въ русской церкви, отражаютъ настроеніе гонимыхъ старообрядцевъ, ихъ жалобы и вопли,—чѣмъ полны были ихъ «житія», челобитныя посланія. Въ тетрадкѣ Троицкаго монастыря (гдѣ «Бесѣда трехъ святителей») находится стихъ «о озлобленіи каѳоликовъ». Разсказано о гибели на Руси древяго благочестія, о побѣдѣ змія седми главаго, звѣря десятирогаго, испустившаго свой ядъ въ каѳалической красной вертоградъ. Мракъ объялъ землю русскую; солнце скрыло свои лучи, луна и звѣзды померкли, и бездны всѣ содрогнулись. Измѣнились злобно всѣ древнія свята преданія, всѣ пастыри въ еретичествѣ потонули, а вѣрные изъ отечества изгоняются,—царить тамъ вавилонская любодѣйница и поить всѣхъ изъ чаши мерзости. (Ср. изображенія въ ркп. XIV, 1797). вмѣстѣ съ тѣмъ слышится глубокая скорбь и надрывающій душу плачь изгнаннаго, покинутаго человѣка, бродяшаго во мракѣ безъ наставника и учителя. Исходъ скорби въ одномъ,—въ удаленіи отъ міра. «Ты пари, душе, въ чаши темная, отъ мірскихъ суетъ удаленная!».

По грѣхомъ нашимъ на нашу страну
попусти Господь такову бѣду:
облакъ темный всюду осѣни,
небо и воздухъ мракомъ потемни;
солнце въ небеси скры своя лучи
и луна в ноши свѣтлость потѣмни
но звѣзды вся потемниша зракъ,
и дневный свѣтъ преложися въ мракъ.
Тогда тварь вся ужаснушася
но и звѣзды [вм. бездны] вся содрогнушася,
егда адскій звѣрь разрѣшишася,
отъ заклепъ твердыхъ искочи нагло.
О. коль яростно испусти свой ядъ
в каѳалической красныи вертоградъ.
Зѣло злобно тогда врагъ [возревѣ],—
каѳалической род мучить повелѣ:
святыхъ пастырей въскорѣ истреби,—
увы, жалости! огнемъ попали,

и [четы] иноковъ уловляхуся
злымъ казненіемъ умерщвляхуся;
всюду вѣрніи закалаеми,
аки класове пожинаеми.
Тогда вѣрніи горце плакаху,
зѣло жалостнѣ къ Богу изываху:
время лютости, Боже сохрани [сократи],
отъ мучительства злаго зашити;
аще не твоя помощь сохранить,
и избранныхъ всѣхъ адскій змій прель
стит.

Охъ, увы, увы, лютыхъ тѣхъ временъ!
Охъ, увы, увы, скорбныхъ оныхъ дней!
Како лютый звѣрь нас погуби,
вся дровеса вскорѣ попали.
Аще помянемъ благочестіе,
пресаѣтлое правовѣріе,
егда процвѣталъ кринъ церковный,

<p>тогда зѣло облисталь чинъ священный,— то не можемъ быть безъ рыданія и безъ скорбнаго въздыханія. Охъ, увы, увы, дрѣвнѣ правовѣріе! Кто лучи твоя тако вскорѣ сскрн, [по- кто блистанія тако измени? Десяторожни звѣрь сіе погуби седмоглавы змій тако учини, весь церковны чинъ звѣрски прекрати, вся преданія злобно истреби, церкви божія искоренишася, тайнодѣйствія вся лишишася, но и пастыри поплѣнишася, жаломъ цовшества умертвишася. Зѣло горестно о семъ плачемся. Увы бѣднѣ[не], вси сокрушаемся, что пастыри посмердишася, въ еретичествѣ потопишася. Оле, бѣдности, намъ безъ пастырей! Оле, лютости, безъ учителей. По своен воли вси скитаемся, отъ зверѣй лютыхъ уязвляемся всюду вѣрнїи утѣсняеми, отъ отечества изгоняеми. За грѣхи наши днесь родимся, въ таковы бѣды полустимся. Почто въ юности мы не умрохомъ? Избѣжали бы лютыхъ сихъ времѣнъ. И мы горце вси всегда плачемся, прелюбезне [преболѣзно] вси сокрушаемся. Взвѣлонская любодѣица</p>	<p>и прескверная чародѣица подъ прикрытіемъ малы сладости и предотеча вр[л.?]иваетъ всѣмъ чашу мерзости. И мы слаби тѣмъ прельщаемся, сластолюбїемъ уловляемся. Увядаеть днесь благочестїе, процвѣтаетъ все нечестїе, лжеучители почитаются, на кафедрахъ вси возвышаются, вѣрныхъ собори истребляются, сонмы мерзости умножаеми. Вся пророчества совершаются. И чего еще хоцемъ ожидать, посреди міра долго пребывать? Уже жизнь сія скончавается, и день судны приближается. О, ужаснись, душе, суда страшнаго и пришествїя всеужаснаго! Окрылись, душе, крылы твердости, растерзай, душе, мрежу прелести. Ты пари, душе, въ чащи темныя, отъ мирскихъ сует удаленныя. Постигай тамо вѣрныхъ малъ соборъ, укрывающнхся] посреде холмовъ. Не страшись, душе, страха тлѣннаго. Убойся ты огня вѣчнаго. Изливай душе реки слезныя, простирай к Богу молбы многія крѣпко всегда уповай, во вѣки его прославляй. Аминь.</p>
--	--

Этотъ стихъ совпадаетъ за незначительными отклоненїями, со стихомъ, находящимся въ тетрадкѣ (XIX в), прїобрѣтенной Вс. И. Срезневскимъ въ Заонежскомъ краѣ (хран. въ рукоп. Отд. Б-ки Академіи Н. № 21. 8. 3). Рукопись прїобрѣтена имъ изъ рукъ лица, принадлежащаго къ числу бѣгуновъ или странниковъ. Много выдержекъ изъ нея напечатано въ изданїи В. Бончъ-Бруевича: «Матеріалы къ исторїи и изученїю русскаго сектантства и раскола» (Вып. I, Спб. 1908). Этотъ стихъ поется не одними бѣгунами, но вообще старообрядцами; поэтому нельзя пользоваться имъ, какъ и другими, напечатанными Вс. И. Срезневскимъ, чтобы съ одной стороны характеризовать міровоззрѣніе и идеалы бѣгуновъ, съ другой ихъ отношенїе къ православію и старообрядчеству» («Матеріалы» 229). Въ тѣхъ же словахъ «воспоминанїе преболѣзенное объ озлобленїи кафоликовъ» передаютъ и старообрядцы Ярославской губ.: ср. текстъ, напечатанный въ «Жив. Старинѣ» 1906 г., в. I, 49—51. Отклоненїя представлены немногими словами. То же «изъ рукописи поморцевъ» напечатано было В. Варенцовымъ въ «Сборникѣ рус. духовныхъ стиховъ» (СПб. 1860, 179-183). И на западѣ Россїи, на Вѣткѣ, также извѣстенъ стихъ о погибели благочестїя на Руси. (Напечатанъ въ «Ж. Старинѣ» 1907 г., в. III, стр. 145—146). При этомъ надо

замѣтить, что такого совпаденія, какое обнаруживается въ вышеуказанныхъ четырёхъ записяхъ, вѣтковская псалма не представляетъ. Нѣкоторые стихи то жественны, но не всѣ. Въ вѣтковскомъ вариантѣ реально представлена гибель православія, чѣмъ въ неопредѣленныхъ восклицаніяхъ и сравненіяхъ первыхъ указанныхъ записей. Кроме того, въ вѣтковской псалмѣ указанъ составитель ея: «Бахксизмъ при нарушеніи вѣры, отъ отступника Никона, бывшаго патріарха. Сія псалма составлена преосвященнымъ Анфимомъ епископомъ, который бѣжалъ за р. Дунай съ донскими казаками, сирѣчь некрасовцами».

Событіямъ начала раскола посвященъ «Стихъ соловецкихъ чудотворцевъ», находящійся въ рукописи (XIX в.), доставленной въ 1871 г. П. А. Ровинскому однимъ крестьяниномъ изъ с. Тарбагатая («Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. IV, № 2, 105—106). Въ этомъ стихѣ вспоминается походъ и осада Соловецкой обители. Обстоятельства осады и взятіе обители, представленныя въ стихѣ, не соотвѣтствуютъ тому, какъ это передано въ «исторіи». Точно представлены событія въ другомъ вариантѣ этого стиха, найденномъ въ Вѣткѣ (напеч. въ «Ж. Старъ» 1907 г., в. III, 147—148). Вотъ стихъ изъ тарбагатайской тетрадки:

Что во славномъ было царствѣ,
во московскомъ государствѣ,
переборъ былъ боляромъ,
пересмотръ воеводамъ.
Изъ боляръ—боляръ выбирали
въ воеводы посадили.
Что еще выбирали воеводу
Петра сына Алексѣича,
еще роду не простова
господина Салтыкова.
Посылали воеводу
къ соловецкимъ чудотворцамъ,
монастырь ихъ разорити,
стару вѣру разрушити,
старыя книги изодрати
и всѣхъ старцевъ прирубити,
въ синее море пометати.
Что возговоритъ воевода:
«Что не лъзя, сударь, зорити
невозможно и подумать
на святое его мѣсто».
Что возговоритъ государь
царь Алексій Михайловичъ:
«Ты доброй же воевода
я велю тебя сказнити,
руки—ноги отрубити,
буйную голову отпилити».
— Погоди, сударь, казнити,
Прикажи рѣчь говорити.
Дай же, сударь, силы много,
стрѣльцовъ, бойцовъ и солдатовъ.—
Что садился воевода

онъ великій во стружечки.
Потянули буйные вѣтры
со полуденной страны.
Приносило воеводу
къ монастырю тому святому,
ко игумену честному
и ко храму ко святому.
Что стрѣляетъ воевода
во соборную божію церковь.
Уронилъ онъ воевода
Богоматерь со престола.
И всѣ старцы испужались,
по стѣнамъ пометались,
во едино мѣсто собирались,
во едино слово говорили:
«И мы головы положимъ,
мы по старому послужимъ,
вѣчно Богу слуги будемъ
и съ Нимъ во царствіи пребудемъ».
Во московскомъ было царствѣ,
отворились царскія двери,
воскричали, возопили:
«Уже есть ли у насъ караулы!
Посылали бѣ поскорѣе,
монастырь бы не зорили,
а старцевъ не рубили,
и вѣру бы не рушили».
Что возговоритъ игумень:
«Вы духовныя мои дѣти!
Уже вы стойте, не славайтесь,
за Христа Бога умирайте.
Аминь

Слово въ слово (кроме 3—4 словъ) совпадаетъ этотъ стихъ со стихомъ въ тетрадь одной женщины д. Устья Печорскаго у. (напеч. Н. Ончуковымъ въ «Жив. Стар.» 1907 г. в. III, стр. 80—81) Ср и въ «Бѣломорскихъ былинахъ» Маркова (стр. 470). Небольшія отклоненія представляетъ и стихъ, напечатанный Безсоновымъ по рукописи изъ Коломны («Калѣки переходже». М. 1861, 679—680).

Не Салтыковъ, а Мещериновъ разгромилъ соловецкую киновию. — Въ вѣтковскомъ вариантѣ Салтыковъ отказался, а лютый Мещериновъ поѣхалъ. — Конецъ былъ иной. Въ вѣтковскомъ вариантѣ все рассказано согласно съ «исторіей». «И киновиі жилища опустошишася, кѣліи испразднишася, болница праздна возлежащихъ являшеся. Пусты святія церкви молящихся киновиатъ, пусть монастырь своихъ жителей показася. Исполнишася окрестныя обители на отоцѣ, наполнишася луды и морьстін брезн тѣлесъ мертвыхъ висящихъ и на земли лежащихъ; земля отока и каменіе обогрися неповинною кровію преподобныхъ» («Исторія», л. 247 рукописи XLV, 1784 г.). «Воевода киновию взя генваря въ 29, в первый часъ мясопустныя субботы и вся жители елико иноческаго елико мирскаго чина и убиенныхъ тѣлесами и неповинною кровію святое окропи мѣсто.» (ib. 248. — У старообрядцевъ имѣется изображеніе осады и разгрома Соловецкой обители: съ одной стороны обитель, съ другой три пушки по ней налятъ; передъ пушками три солдата стоятъ; солдаты одѣты въ форму болѣе поздняго времени; на возвышеніи на перекладинѣ висятъ монахи, повѣшенныя за шею за туловище, за ноги; посрединѣ стоитъ воевода; въ сторонѣ тѣла убитыхъ монаховъ; въ отдаленіи скачутъ посланцы съ пакетами. См. это изображеніе напр., въ старообрядческой хрестоматіи «Старая вѣра» (М. 1914, стр. 113).

Въ другихъ духовныхъ стихахъ отражается настроеніе старообрядца, его отношеніе къ міру ссблзана и пустыхъ тревоженій, памятованіе вѣчныхъ мученій. Сообщаемые ниже духовные стихи, хотя являются излюбленными у старообрядцевъ, но не составляютъ исключительно ихъ достоянія: тѣ же стихи распѣвались и распѣваются и нестарообрядцами. Вотъ стихъ объ *Іосифатъ царевичъ индійскомъ*. Главный мотивъ этого стиха бѣгство отъ міра прелести, отъ «покоевъ свѣтлыхъ и чертоговъ, славы и чести премноги», бѣгство на лоно прекрасной матери — пустыни. Этотъ стихъ поется повсюду у старообрядцевъ. У забайкальскихъ старообрядцевъ могу отмѣтить 2 типа стиха: 1-й въ рукописи первой половины XIX в., переписанной П. Буровымъ (Дух. Сем. XLV 1822, см. выше); 2-й въ записи 1901 г., сдѣланной Н. П. Протасовымъ въ с. Окино-Ключи (Верхнеуд. у.) отъ старообрядца Лазаря Судомойкина. Запись эта находится въ большой тетради записей народныхъ пѣсенъ, сдѣланныхъ Протасовымъ въ Забайкальской области. Тетрадь принадлежитъ Иркутской Архивной Комиссіи¹. Изъ сборника Бурова:

Стихъ Іосафа царевича в пустыню входъ.

Боже отче всемогущей,
Боже сыне присносущный,
Боже душе параклите,
многозарный миру свѣте
В тріехъ лицѣхъ пребывая,
существо си тожде зная!
Къ тебѣ грѣшный притекаю,

многія слезы проливаю:
благоволи мя пріяти,
еже тебѣ работати,
да не леже [донележе] даси жити
вну твой рабъ хошу быти,
да мя сей миръ не прельщаетъ,
любви къ тебѣ не лишаетъ.

¹) За возможность воспользоваться этой рукописью благодарю глубокоуважаемаго представителя Комиссіи Мих. Павл. Овчинникова. — Изъ той же рукописи нами сообщены ниже стихи — «Плачь Адама», «Страшный судъ» и «Борись и Глѣбъ».

Иду внутрь тя обитати,
ты ми буди, яко мати.
Питаеши древесъ плоды
и былными дивии роды.
В лѣсы темны ис полаты[—ей]
свѣтлыхъ иду обитати.
Из града гряду во пустыню,
любя зѣло в ней густыню,
да ту единъ обитаю
едину ти работаю.
Ты ми изволь помощь дати,
во пустыни обитати.
Тесным путемъ итти чтуса,
да в пространствѣ водворюся.
Царскій венѣцъ мнѣ ничтоже
тебѣ ради Христе Боже.
Сладки чаши оставляю,
токмо твоихъ водъ желаю.
Того хошу азъ искати,
скорби, нужды зло страдати.
Во умѣты вся вмѣняю,
тебѣ, Христе, подражаю.
Нищъ и убогъ хошу быти
да съ тобою могу жити.
Кромѣ тебѣ мнѣ ничтоже
лѣтъ творити благо; Боже.

Тотъ же типъ стиха находится въ тетрадкѣ изъ с. Тарбагатая. (Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О. т. IV, № 3, 131—132) и въ тетради заонежскаго бѣгуна (Б-ка Ак. Н. № 21, 8, 3; см. въ «Матеріалахъ» Бончъ-Бруевича, в. I стр. 234—235). То же записано отъ старообрядцевъ Ярославской губ. («Ж. Старина», 1906 г. в. I, 55—56). Тотъ же стихъ напечатанъ Безсоновымъ («Калѣки переходіе», стр. 259—268) по рукописямъ, по печатному изданію «Исторіи или повѣсти... о преп. о. Варлаамѣ... и о Іосафѣ» (М. 1681) и по устнымъ записямъ. О рукописяхъ съ этимъ стихомъ см. въ трудѣ В. Н. Перетца: «Историко-литературныя изслѣдованія». Различія во всѣхъ этихъ записяхъ незначительны: они сводятся къ нѣкоторой перестановкѣ стиховъ и немногимъ словамъ и формальнымъ окончаніямъ. «Молитва святого Іосафа царевича Великій Индіи въ пустыню входяща» взята въ старообрядческую хрестоматию «Старая вѣра» (М. 1914, 292—293).

Запись 1901 г. въ с. Окино-Ключи Верхнеуд. у.

О, прекрасная мати-пустыня,
пріими мя во свою частыню.
Яко мати свое чадо,
научи мя на все благо!
Любимая моя мати,
потщися мя воспріяти,
во тихое пристанище,

Ты сей путь самъ направи,
да живу ти, самъ настави.
Дивныхъ звѣрей азъ боюся,
но на Христа надѣюся
на нѣже весма уповаю
всего ему мя вручаю,
яко имать укротити
и подасть ми мирно жити.
Тѣхъ ми паче умни звѣри,
иже суть злы безъ мѣры¹⁾,
ибо душу убиваютъ,
егда ону в грѣхъ прельщаютъ.
О[т] тѣхъ мнѣ спаситель
Христось будетъ защититель
То есть ми требѣ,
что намъ Богъ хранить в небѣ.
Свѣтла небо, въ немъ же сладость,
бесконечна и вся радость.
Мира славу, сребро, злато,
цѣну имамъ яко блато.
Желаю же азъ Варлама,
дабы жити купно нама,
да имъ азъ наставляюся,
живу Богу и спасуся
всегда и нынѣ и присно и во вѣки.
(лл. 74—75 сборника).

безмолвное нѣдро свое.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
и въ день и въ ночь поминаю тя.*
На царскія палаты
не хошу я взирати,
зане тамо богатство
не будетъ мя искупляти;

¹⁾ Ср. рѣму—звѣри | безмѣры, указывающую на близость *ри* и *ры*.

а ризы же и чертоги,
аше и свѣтлы, но тленны.
А честь моя и слава же,
вся земная и суѣтная
вся эта я оставляю
и душу имъ не прельщаю.
Покоевъ свѣтлыхъ и чертоговъ,
славы же и чести премноги
бѣгаю, аки отъ змія.
Пустыня моя, прими мя!
Отвращуся сего свѣта,
пребуду въ тебѣ всѣ лѣта.
О, прекрасная пустыня,
въ любовь свою прими мя.
Не страши мя своимъ страхомъ,
да не в-радость будетъ врагомъ.

Тотъ же типъ стиха находится въ поморскомъ сборникѣ первой половины XIX в. (Рукоп. Отд. Б-ки Ак. Н. № 33. 15. 217; см. въ «Матеріалахъ» Б.-Бруевича, I, 232—233). Въ такомъ же видѣ этотъ стихъ передавался и передается и въ другихъ мѣстахъ: ср. тексты изданные Безсоновымъ («Калѣки переходіе», стр. 240—249) по устнымъ записямъ и по рукописямъ. Ранній вариантъ этого стиха былъ помѣщенъ въ печатномъ изд. «Исторіи .. о житіи св. преп. Варлаама и Иоасафа» (типогр. Кутейнская, 1637; у Безсонова стр. 249—250). О типахъ стиховъ о Варлаамѣ и Иоасафѣ и генезисѣ ихъ см. нъ статьѣ А. П. Кадлубовскаго; «Къ исторіи русскихъ духовныхъ стиховъ о преп. Варлаамѣ и Иоасафѣ» («Рус. Фил. Вѣст.». 1915 г. № 2).

Зависть и ненасытность человѣческая — «очи наши ямы, руки наши грабли» — ничтожество житія временнаго — «тѣла наши будутъ червямъ на съѣденіе, кости наши будутъ землѣ на преданіе», — вопли грѣшной души, памятующей о страшномъ днѣ судномъ — таковы мотивы и настроеніе отразившіеся въ стихахъ «Плачь Адама» и въ особенности «Страшный судъ». — «О, болѣзнь! О, рыданія! О, печаль! Горе живущимъ на земли человѣкомъ!».

Плачь Адама.

Восплакался Адамъ, передъ раемъ стоя.
О, раю мой, раю, прекрасный мой раю!
Мене ради раю сотворенъ бысть.
Евы ради, раю, заключенъ бысть.
Ева согрѣшила, Богу согрубила.
Весь родъ нашъ отъ раю святого.
Свой умъ помрачивши, во тьму погрузила.
Увы, грѣшному, увь, беззаконному!
Уже азъ лишихся райскія пищи.
Адамъ вопіяше Богу со слезами:
«Боже милостивъ, помилуй мя согрѣшив-

шаго .
Ни что же вкушати отъ райскія пищи.
Сослалъ насъ Господь на рудную землю,
Повелѣлъ намъ Господь трудами кормиться,
Правдою жити, зла не творити.
Господь породился, во Іорданѣ крестился
Адамъ свободился весь родъ обновился.
Вы, братія моя, прибѣгнемъ къ церкви,
Услышимъ мы, братія Божіе писаніе,
Накажетъ насъ Господь за грѣхи наша,
Что мы впали въ превѣчную муку.
Воззримъ мы, братія, на вѣчные гробы.
Гробы вы наша гробы, — превѣчныя дома.
Житіе временное, слава суѣтная
Богатства други, убожества слезы!
На семъ вольномъ свѣтѣ много зависти:

А Ева Адаму въ то время глаголетъ:
«Адамъ, Адамъ, ты мой господине!
Не велѣно намъ въ прекрасномъ раю быти,

Очи наши— ямы, руки наши— грабли:
что очи увидятъ, то руки заграбятъ.
Не можемъ мы нынѣ ничѣмъ себя на
полнить:
какъ Богъ дастъ намъ много, намъ ка-
жется мало.
Какъ, братія, помремъ, мы все позабудемъ.
Взяти намъ съ собою ничто невозможно.
Только возьмемъ мы саванъ да срачи
чу [цу].
Единая рuce приложимъ ко сердцу.
Богатство наше кому-то останется,
Души наши пойдутъ по своимъ дѣломъ.
Тѣла наши будутъ червямъ на съѣденіе.
Кости наши будутъ земли на преданіе.
Тогда не пособятъ имѣнія наша.

Тотъ же стихъ съ немногими и незначительными словарно формальными отличіями, изданъ В. Варенцовичемъ («Сборникъ рус. дух. стиховъ», 40—44) и Буслаевымъ («Историч. христоматія». М. 1861, 1547—1549, по рукоп. конца XVIII в., Румяніи. Музея). Въ неполномъ видѣ этотъ стихъ записанъ у ярославскихъ старообрядцевъ Я. Ильинскимъ («Ж. Старина», 1906, в I, 41).

Страшный судъ.

Инь вѣкъ тебе, душе, ожидаетъ:
Почто не готовишися, душе моя?
Земная и временная возлюбихъ,—
вѣчныхъ благъ лишаюсь горько.
Воздыханья не имѣю, какъ мытарь,
и слезъ покаянія, какъ блудница.
Вопію ти, Владыко, помилуй мя!
И не отрини мя отъ лица своего.
Покайся, покайся, душе окаянная!
Почто забываеши свою кончину?
А забывши свою кончину,
Не страшишься смертнаго часа.
Придетъ бо велій плачь и бѣда,—
Ужасно рыданіе будетъ тогда..
Горе, горе тебѣ, душе окаянная!
Какъ пити имаши смертную чашу:
когда рuce и нози отнимутся,
а глава твоя потеряетъ разумъ?
Тогда плачь и рыданіе предстоящимъ.
И никто тебѣ помощи не подастъ.
Нѣсть печаль яковѣ здѣ бываетъ,
якоже придетъ тогда печаль та,
тогда вси грѣси твои предстанутъ ти
ко страшному Христову судищу.
Скорбь и болѣзнь, душе, ожидаетъ тя.

Развѣ намъ пособить милостыня наша,—
что нищимъ давали отъ своихъ трудовъ.
Покинемъ гордость, возлюбимъ кротость,
покоимъ нищихъ, накормимъ алчныхъ,
проводимъ мы мертвыхъ до божія церкви:
уже наша съ ними послѣдняя дружба
Родителей своихъ должно поминати
а насъ Господь Богъ всѣхъ помянетъ.
За всѣхъ потрудимся, на вѣки спасемся.
Тѣмъ мы себѣ купимъ небесное царство.
Спросилъ Христосъ Петра и Павла:
«А кто у рая плачетъ, кто возрыдаетъ?»
— Адамъ, стоя, плачетъ, а Ева рыдаетъ.—
(с. Бичура, отъ старообрядца Петрова;
зап. Протасова).

Како судищу предстанешъ страшному?
День той страшенъ есть о, душе,
его же присно святіи бояхуся
День Господень близъ и скорь зѣло.
Судъ его скорь и горекъ будетъ.
Потрясутся тогда небо и земля,
егда придетъ судія судити вся
Горе тебѣ, горе тебѣ, душе моя!
Како предстанеши страшному суду?
Кій отвѣтъ даси Царю славы,
егда, рыдая, со грѣшники станеши?
О, болѣзнь, о рыданія, о печаль,
Егда осужденна ты душе, будещи!
Како отыдеши въ муки вѣчныя,
въ муки страшныя, лютыя, ужасныя.
Како разлучишися отъ святыхъ всѣхъ
и ввержена будеши въ огнь геенскій?
Тамо тьма преглубокая и злосмрадная.
Никогда же не узришь ты свѣта.
Тамо плачь и рыданіе непрестанное.
Тамо стенаніе зѣло многое будетъ.
Горе живущимъ на земли челоувкомъ.
Конецъ приближается всѣмъ намъ.
Тамо часть единъ будетъ горше зѣло,
нежели сто лѣтъ житія свѣта сего.

Тамо день единъ будетъ ти, душе моя,
Паче тысящи лѣтъ житія сего.
Горе мнѣ, горе мнѣ, душе окающая!
Како во тьмѣ будеши пребыватьи?

О, Царице небесная! О, Владычице!
Буди ми тамо благая помощнице.
(с. Окино Ключи, отъ безпоповца Ла-
заря Судомойкина; зап. Протасова).

Совсѣмъ иного содержанія стихъ о страшномъ судѣ, о душѣ грѣшной ср. въ сборникѣ Варенцова (стр. 142—174) и въ Христоматіи Буслаева (1549—1553).

Наконецъ, имѣются и такіе стихи, въ которыхъ переданы библейскія событія: стихи о потопѣ, объ **Іосифѣ Прекрасномъ**.

Потопъ страшень умножался,
Народъ водѣ испужался:
Гнѣвъ идетъ! Гнѣвъ идетъ! и т. д.

(«Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. IV, № III, 13. Такой же стихъ въ сборникѣ Варенцова (стр. 200—201), записанный у поповцевъ въ Саратовѣ).

Стихъ объ **Іосифѣ Прекрасномъ** мнѣ извѣстенъ въ четырехъ забайкальскихъ записяхъ. Двѣ записи сдѣланы въ первой половинѣ XIX в. старообрядцемъ Порфириемъ Буровымъ (—находятся въ его тетрадкѣ и въ сборникѣ «Цвѣтникъ» Иркутск. Д. Сем. XLV. 1822 лл. 68—75). Обѣ записи совпадаютъ буквально. 3-я запись сдѣлана въ 1901 г. Протасовымъ въ с. Бичура со словъ «раскольника Вас. Мих. Петрова». Эта запись отличается отъ записи Бурова весьма незначительно. Отличія касаются передачи нѣкоторыхъ формъ и въ немногихъ случаяхъ самаго изложенія. Начало 4-й записи изъ тетрадки тарбагагайскаго старообрядца напечатано въ «Изв. Сиб. Отд. Р. Г. Отд.», т. III № 3 124.

Стихъ Іосифа прекраснаго.

Кому повѣмъ печаль мою,
кого призову ко рыданію?
Токмо тебѣ, владыко мой,
извѣстна тебѣ печаль моя,
моему творцу создателю
и всѣхъ благихъ подателю.
Буду просить я милости
отъ всея своея отъ крѣпости...
(и т. д. до плача у гроба матери);
Видѣвъ я гробъ своей матери,
падши на немъ сталъ плакати,
токи струями явились,
перси слезами мочилися:

О, увидь, мати, Іосифа,
встань скоро ты из гроба,
буди твой гробъ тебѣ и мнѣ
умру нынѣ я горце здѣ,
призывалъ много Іакова,—
не услышалъ онъ моего гласа.
Зову нынѣ тебѣ, мати,
держуть мнѣ супостаты,
помози, мати, лишенному,
твоему сыну любезному.
Рахиль, Рахиль, не слышишь ли,
сердечный плачь ты приймеш ли... (и т. д.;
изъ сборника Бурова).

Въ записи Протасова плачь Іосифа у могилы Рахили длиннѣе, вполнѣ совпадая со стихомъ въ изданіи Безсонова, подл. № 41.

Событіямъ изъ старой русской исторіи посвященъ стихъ о **Борисѣ и Глѣбѣ** (со словъ окино-ключевскаго старообрядца Судомойкина въ зап. Протасова).

Восточнаго державствія
словенскаго Кіева града }
Великій князь Володимиръ } 2 р.
имѣлъ у себя три сына:
старѣйшаго Святополка,
меньшихъ же Бориса и Глѣба.

Раздѣляетъ онъ матушку Русь
сыномъ своимъ на три части:
Святополку Черниговъ градь..
и т. д., какъ въ стихѣ, изданномъ Безсоновымъ подл. № 147 (стр. 651—652).

III.

Ударенные гласные передаются въ текстѣ посредствомъ жирнаго шрифта. Неслоговое *у* передается посредствомъ *w*. Для передачи мягкаго согласнаго служитъ знакъ согласнаго съ⁴ или съ⁵.

Говоръ семейскихъ относится къ великорусскимъ *ажакскимъ* говорамъ. Гласные *о*, *а* въ неударномъ слогѣ совпали въ одномъ гласномъ. Въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному, постоянно произносится *а* обычнаго образованія: ва-жу, огароди, самапр'атка, у валасте, параваја... Тотъ же гласный находится и въ другихъ неударныхъ слогахъ: абујала, самапр'атка, хараши, варажит⁶. Но во 2 мѣ предударномъ слогѣ можетъ быть не обыкновеннаго образованія гласный *а*: въ этомъ слогѣ нерѣдко представленъ гласный *а* ослабленнаго образованія (передается посредствомъ *ä*) съ переходомъ къ типу гласныхъ *э* (*а¹* или совсѣмъ какъ *э*,—гласному, хорошо извѣстному южно-великорусскимъ говорамъ).—*пäмахчи, мälат'у, пакъсники*.. Употребленіе того или иного образованія гласнаго во второмъ предударномъ слогѣ не проведено послѣдовательно ни въ одномъ семейскомъ селѣ. Чаше *ä* или *э* я отмѣчалъ въ с.с. Хараузѣ и Никольскомъ.

Въ заударномъ слогѣ *вм.* неударенныхъ *о*, *а* находится гласный *а* или *ä*, *а²*, *э* (не въ конечномъ открытомъ слогѣ, гдѣ всегда *а*): 1) *правулак, морак, дис'атак, памесишна жыв'от'*. 2) *клырас, т'ал'онак сторану, смирнäm; заимъчки, катомъчку, једут' на-пъла пужъла, добръва, мутнъја бравај расады, делаит'а*... Иногда представленъ гласный, очень близкій къ *ы* или вполне совпадающій съ нимъ: *т'оплыја* (им. ед.), *кушыг'а, Игнатывым*. Въ послѣднемъ примѣрѣ *ы* (въ *ты* —) могло быть въ связи съ *ы* въ слѣд. слогѣ, какъ обычнымъ окончаніемъ формы прилаг. и мѣстоим. мѣстнаго пад.—*ы*, болѣе заднее, близкое къ образованію *э*. въ—*мутырна* Такое же *ы* отмѣчено и въ рядѣ другихъ случаевъ: *белыјата, авсентышныја*... Въ передачѣ категоріи формъ прилаг. и мѣстоим. им. муж. ед. я часто колебался въ употребленіи знака *ы* или *э*: *т'омнъј, з'ал'онъј, сын забретъј, прахалоднъј, асеннј, здешнъј, казеннъј* (съ *э*, не съ *э'о*), *смернъј, бравъј, иставъј, этъј* Иногда вмѣсто такого *э* произносился гласный *ы* обычнаго образованія. Но въ тѣхъ же говорахъ существуетъ и иное образованіе гласнаго въ этой категоріи: онъ имѣетъ пониженное образованіе, приближающееся къ гласному ослабленному *а*: *казеннъ'ј* и *казеннјј зараз'онъ'ј, роднәј*.

Тѣ же гласные находятся и послѣ заднебныхъ согласныхъ: *жәнскъј полк, заганскъј, ус'акъј, ихъј, швецкъј закон держут' а ни духовнъј*. Но говорятъ и съ гласнымъ передняго ряда (*і, е¹*) послѣ *ж, з* (ср. ниже).

Послѣ удар. эта формальная категорія прилаг. и мѣстоим. имѣетъ *ој*: *аржаној св'окар сл'апој,—т'омнъј, навој рас, тој рас*

Гласные *е* (*вм. е* и *ъ*) и *'а* (*а* послѣ мягкаго согл.) въ неударенномъ слогѣ совпали въ одномъ гласномъ. Этотъ гласный неодинаковъ во всѣхъ случаяхъ. По гласному въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному слогу, говоры семейскихъ относятся къ южно-великорусскимъ говорамъ съ диссимилятивнымъ яканьемъ: передъ слогомъ съ удар. *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ находится *ы* *вм. е* и *'а*; передъ слогомъ съ прочими ударенными гласными произно-

сится 'а. Отклонение наблюдается передъ удар. е (вм. е) и о: произносятся въ неод. слогѣ: не только 'а, но и и. Послѣдовательно и въ формахъ мѣстоим. личнаго мине, тебе, себе. Типъ диссимилятивнаго яканья послѣдовательно проведенъ по многимъ селамъ, напр. въ Н. Заганѣ, Никольскомъ, Хараузѣ. Въ другихъ селахъ наблюдается отклоненіе, хотя и непослѣдовательное, отъ этого типа,—въ Мухоршибири, Куналеѣ, Тарбагатаѣ, Десятниковѣ. Н. Заганѣ: диваха, тир'аиш, хрис'яны (и съ е: хрес'яны—крестьяне), симја, упригат', зимл'а, диржат', усвидат', мижа, висна (а передъ а ни разу неслыхалъ),—з'амли, л'аригију (религію), нат'арет', р'авемшн, в'ас'не, кола Н'аве, т'алега, с'астры, п'арсты, б'аруг', р'атујут', н'абуду, н'а многа, д'аушонка, т'ал'онак, з'ал'онѣ, з'ал'онку сеит', у с'ар'отках, чатэри, часнок, б'ар'ош. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло со слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударенному, въ говорѣ с.с. Никольскаго, Хонхолоя, Харауза. Тотъ же типъ яканья представленъ и говоромъ Мухоршибири, но съ значительной примѣсью и канья, позднѣйшимъ наслоеніемъ (ср. ниже).—врид'ат', тил'ат, риб'ат, симнатцйт', питнатцйт', висна—ве'сна, д'арешн'а, т'арет', б'агит', в'ад'от', т'ал'онѣчик, багут' обѣ иканѣ передъ удар. и, е, о, у, и см. ниже). Говоръ с.с. Куналея, Тарбагатая, Десятникова представляетъ типъ диссимилятивнаго яканья, смѣшанный съ ассимилятивнымъ. Куналей: тила и т'ала (въ говорѣ одного и того же лица), б'ада, запр'агајут', пат'ар'ал—патир'ал—пате'рал, мижа—ме'жа, тил'аты, дис'атак, пабижал, нил'з'а, двенатцат', хрес'яны. Передъ прочими ударенными гласными проведено употребленіе гласнаго а, за немногими уклоненіями у молодого поколѣнія въ сторону и канья или е канья (непослѣдовательно).—т'ак'от', с'астр'онка, с'ар'омухај, м'ашков, с'ало, у с'але, н'абудим, д'атеј. Тарбагатай: б'ада, д'ала, з'амл'а плам'аш, н'анада (и въ Хараузѣ отмѣчено: н'а хош—н'а нада), кон' пагавѣ, д'аржат', учара. Въмѣсто неудар. а иногда произносили гласный передняго ряда широкаго образованія: 'а: стр'ал'ат, з'амл'а, т'ал'ат. Употребляются и сочетанія съ е' или и вм. неод. а: ре'баты, на маих памей'тах... Передъ другими удар. гласными находится 'а или нерѣдко выступаетъ 'я: з'амли, паб'агит', јаво, с'в'аточки, гн'адој, чар'омуха, л'ап'ошки, р'аку, с'раке, на в'ар'жу, н'ахто (въ знач. «никто»), з'ал'онѣ, т'ак'от'. Десятниково: въ томъ же состояніи, какъ въ Тарбагатаѣ: р'аб'атам, приб'а жала; земл'а; л'ажыт', н'асуг, т'ак'от'.

Гласный 'а въ предударномъ слогѣ чаще всего произносится передъ ударен. глас. и, у, ы, е, о. Но въ каждомъ селѣ приходилось отмѣчать вмѣсто 'а гласные иного образованія,—ближе къ переднему ряду или совсѣмъ передвинувшіеся въ передній рядъ: 'я, е. Часты такіе гласные въ предударномъ слогѣ въ с.с. Мухоршибири, Тарб., Десятн.—шышп'яткој, т'алега—т'алега, б'ар'ош—б'ар'ош—бер'ош, веди, персты.. (Н. Заганѣ), с'анов, бер'ош (Хонх.), село селе, села, з'амли при зе'мл'а, жана, дис'ятина (Мухш).

По всей семейщинѣ при яканѣ можно наблюдать и сочетанія съ иканьемъ. Только въ немногихъ сочетаніяхъ вм. предударнаго е представленъ гласный и послѣдовательно 1) Въ формахъ род. ед. личныхъ мѣстоим.: мине, тебе, себе. Съ тѣмъ же гласнымъ употребляются и формы дател. и мѣстнаго. 2) Въ передачѣ нарѣчія «еще»: ишо. Это нарѣчіе передается съ и и въ тѣхъ южно-великорусскихъ говорахъ, въ которыхъ въ прочихъ сочетаніяхъ передъ слогомъ съ удар. о имѣется 'а вм. е (с'ало, в'асло, пам'ало...). Отмѣтимъ и то, что во всѣхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ «старожилаго» населенія Сибири также представлено это сочетаніе съ и и съ однимъ ш: ишо. Такъ и въ метрополіи сибирскихъ «старожиловъ»: въ Вологодской, Архангельской, Пермской губ. 3) Передъ

e и *o* въ такихъ словахъ, какъ—читвер'х, вискрисен'а, вазнисен'а, Ниф'от. Въ рѣчи одного глубокой старости дѣдушки отмѣчено: типерича. Въ рѣчи другихъ обычно—тапер'. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ *и* вм. *e* представляетъ давнюю черту южно-великорусскаго говора семейскихъ. Передъ удареннымъ *e* раньше, вѣроятно, *и* употреблялось чаще, послѣдовательнѣе. Остатки прежняго иканья въ этихъ случаяхъ представляетъ форма—сабиресси—(Кун.), ср здѣсь *e* (*pe*), а не *'o*, какъ обычно говорятъ теперь семейскіе. М. б., прежнее звуковое сочетаніе (съ *и*) представляетъ передача мѣстоименія: *ије* Кун.), *ијо* при *јајо*. Какъ въ передачѣ формы этого мѣстоименія, такъ и въ прочихъ случаяхъ иканье проведено непослѣдовательно не только въ группѣ говорящихъ, но и въ говорѣ одного и того же лица. Иканье въ этихъ случаяхъ—явленіе наносное въ семейщинѣ, за исключеніемъ сочетаній съ *и* передъ удар. *e*: среди послѣднихъ могутъ быть и остатки давняго типа измѣненія неудар. *e* въ *и*, затѣмъ вытѣсненныя неудареннымъ *а*. Манера иканья проникала къ семейскимъ отъ лицъ, побывавшихъ за границею семейщины,—служившихъ въ солдатахъ, жившихъ въ городѣ, на приискахъ, на станціяхъ. Среди книжныхъ людей иканье находило себѣ распространеніе и въ XVIII в., какъ указываетъ сборникъ старца Давыда (см. ниже). Такимъ же путемъ проникаетъ иканье и въ другіе южновеликорусскіе говоры.¹⁾ Для семейскихъ имѣется и другой путь распространенія у нихъ иканья: отъ сосѣдей—«сибиряковъ», т. е. нестарообрядцевъ. Говоръ этого населенія въ той области икающей. Икаютъ и тѣ «сибиряки», которые живутъ съ семейскими въ однихъ селахъ, напр, въ Мухоршибири, и тѣ, которые занимаютъ сосѣднія села. Говоръ сс. Саянтуй, Баръ, Харашибирь—икающей. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ отмѣчено, какъ сильно было вліяніе говоровъ сибирск. старожилаго населенія на говоръ семейскихъ. Иканье я наблюдалъ чаще въ Мухоршибири, чѣмъ въ другихъ семейскихъ селахъ. Мухш.: диситина, тилега, дирешн'а, зил'онка, чир'омуха, сило, бир'от-[т'], ш'вито' ш'ки (цвѣточки), бирут (отъ якавшей бабы), диды, разјиснил, види... Къ иканью больше склонны лица молодого поколѣнія.

Послѣ отвердѣвшихъ согл. *и*, *ж*, *ш* передъ удар. слогомъ съ *а*, находится *а*: цана, цапн'ак, жана (но въ Мухш. у икаваго мужика —жа́на), шашнатцат'; въ послѣднемъ сочетаніи отмѣчено *ы*: шышнатцат' при шашнатцат' (Кун., Тарб.). Во 2 мѣ предударномъ слогѣ вм. *e* *'а* произносятся обычно *и*. Рѣже отмѣчалъ закрытое *e*¹.—читэрох (но —чатэри), чир'аз-речку, биз-руки (но —б'аз рук), биз'-ијо; плоха бис-тарика б'аз друшки, динавој, тивната, паритават', дир'авен'ка, риб'атшски, Питрава-дни, свикрават', се'ме'на, не' было, ти' мнаверцы. Въ Тарбагатаѣ отмѣчено *'а*: б'аз-бат'ка, а для Десятникова *'а*: на б'ар'агу (ср. непослѣдовательно проведенный здѣсь типъ яканья).

Въ слогахъ заударныхъ гласные *e*, *'а* также подверглись измѣненію. Результатъ измѣненія этихъ гласныхъ неодинаковъ во всѣхъ случаяхъ. Онъ различенъ въ зависимости отъ закрытости слога (т. е. отъ обстоятельствъ утраты въ слѣдующемъ слогѣ нѣкогда бывшаго редуцированнаго гласнаго) или открытости его (т. е. передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія). Результатъ фонетическаго измѣненія гласныхъ *'e*, *'а* въ заударныхъ суффиксальныхъ слогахъ весьма значительно видоизмѣненъ факторомъ морфическимъ,—вліяніемъ родственныхъ формъ. Въ заударныхъ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ, кромѣ конечнаго слога, замѣна проведена послѣдовательно: это гласные *и* или закрытое *e*¹. Неполнога образованія за-

¹⁾ Укажу на одну такую область, хорошо извѣстную мнѣ по непосредственнымъ наблюденіямъ,—на южную часть Ливенскаго у. Орлов. г. Слыша тамъ икающаго мужичка или парня, безошибочно можете утверждать, что онъ потерялся среди лицъ городского, мѣщанскаго класса.

ударныхъ гласныхъ отражается и на этихъ гласныхъ, хотя и не проведена послѣдовательно.—леде'никъ, леде'нику, восе'ни, восин'у, жэриба (но — жэр'ап), вымирина, малин киј заўтришниму, радитил'ов, па нашыму, з нашыва сила, зимнија дарога (ъ — редуциров. и или е') Въ закрытомъ конечномъ слогѣ гласный неодинаковъ во всѣхъ образованіяхъ: въ однихъ случаяхъ представленъ узкій гласный, и или е', въ другихъ — широкий, 'а. Неполнота образования изрѣдка отражается и на этомъ слогѣ, съ гласнымъ 'а.—десит', восим и восе'м или восен'м (съ болѣе или менѣе закрытымъ е), лене'х, шворе'н' внучик (въ послѣднемъ, м. б., — чк отъ образованій съ давнимъ суф.—чик'). Въ глагольныхъ фф. проведено послѣдовательно и, м. б не безъ участія фактора морфического,—вліянія формъ съ основою наст. вр. и инф. на—и.—будиш, будим, знаит', зайумис'а, купл'аим, сеит', пасеил... 'а въ закрытомъ конечномъ слогѣ: пар'ан' с'аст'ин'ац, жэр'ап (но—жэриба), брат'т'аw (братъевъ). Послѣ и (ж) въ конечномъ слогѣ то же, что и вм. о, а: варабишак (воробышекъ). Въ окончаніи формы им. ед. муж. прилагат. и мѣстномъ передъ j представленъ результатъ фонетического измѣненія великорусскаго гласнаго е въ этомъ слогѣ: произносится или гласный е', и^е или и иногда съ редукціей.—середни' j, малодин ке' j, трет'т'и j, вон киј (· е' j), шырандајскы j, велики j, кујтунски j, харауски j.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ замѣна неудар. е (е, ѣ) представлена очень непослѣдовательно, вслѣдствіе значительнаго взаимодействія различныхъ родственныхъ формъ и формальныхъ категорій. Въ этого въздѣйствія осягались 2 ряда формъ: форма именит. сред. ед. на 'е→'а и формы наст. вр. и повелит. накл. на —те→т'а: адно пол'а, другоја пол'а, пол'ца, плат'т'а, васкрисен'н'а (-н'а) вазнисен'н'а, уснен'а, купан'н'а; въ Мухорш въ этой категоріи сочетаній отмѣчено и я: васкрисен'я, с'ви дан'я. —т'а: просит'а, носит'а, пашыт'а даједит'а заприт'а, пужајт'а, пасидит'а; въ Мухорш. у икавшихъ субъектовъ ф. 2 л. мн. оканчивалась на —ти или —те', —ти': водити', дадити', просити'. У тѣхъ же лицъ замѣтно и другое отклоненіе: склонность произносить форму 3 ед. и мн. съ твердымъ т (хотя и не исключительно) при своемъ традиціонномъ семейскомъ т'. Въ прежней глагольной формѣ може|т| а вм. е ѣ въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ ж: може—можетъ быть.

Въ конечномъ открытомъ слогѣ другихъ формъ вм. е (изъ ѣ) находится гласный 'а ('я) е' и. Появленіе гласнаго и въ падежныхъ формахъ именъ существ. обязано формамъ съ давнимъ оконч. і (послѣ мягкихъ согл.). Форма род. ед. основъ на—а имѣеть оконч. 'а или 'я: с-субот'а (-'я), ад дарог'а (-'я), з'-зим'а, с Паск'я но и —с листвини, ад-дароги и др. Форма дат. и мѣстн. п. тѣхъ же основъ оканчивается на: 'а ('я), е, е', и. на н'адел'а (-'я), на жоп'я, w бутылк'я, на паск'я, на литовке, w д'аревнеі; но часто и и: на т'алеги, на печ'ки, на служби на заимки, на Б'ар'азовки на паски, па улицы, к мел'ници То же колебаніе въ окончаніи ф. мѣстн. пад. ед. именъ м. ср: часто слышалъ окончаніе я или е и окончаніе и. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, что въ передачѣ географическихъ названій обычно употребляются формы съ оконч. 'я, е (е'). у Заган'я на Гашэя (j—въ знач. неслогового і), у Чикоје, у Шырандаје (или—je'), у Ханхалоје; б'арезник'я, на -встрицкам хфронти', и—на хронт'я, у мир'я, w агароди, у погриби, на пакоси, w каким мести, но нарѣчіе—вмест'а (въ Кун.). Въ нарѣчіяхъ на -е и -ь такое же разнообразіе въ окончаніи: 'а ('я), е, и. 'а ('я) можетъ не только представлять фонетическую замѣну неудар. е (ъ), но и быть вызваннымъ вліяніемъ нарѣчій на -а. Окончаніе 'а ('я) распространилось весьма значительно, перейдя и на нѣкоторыя сочетанія, не имѣвшія раньше е или ѣ —wows'а (-'я) или uwows'а (-'я), заўтр'а (-'я) обла, дал'а—бол'а, но и—боле, акром'я, вмest'а, -'а и въ -асоб'а при асоп' и въ союзѣ ал'а (вм. али).

скол'ка (тол'ка) при—скол'к'а (тол'к'а), но и—скол'ке¹, скол'ки (тол'ки). најпаче¹, послѣ при—псл'а, бол'шы, паўужы,—но—нижа, пушша.

Въ старообрядческомъ сборникѣ б-ки Ирк. Д. Сем. (XLV. 1797, см. выше), написанномъ старцемъ Давыдомъ въ к. XVIII го в., по всей вѣроятности, въ Забайкальѣ, почти на каждой строчкѣ отражается результатъ измѣненія неудар. *о*, *а* и *е*, 'а, свойственный говору писавшаго. Вм. неудар. *о*, *а* онъ говорилъ въ предупредномъ слогѣ *а*: паповъ, оу арла, амега о аѣпадьшихъ людяхъ, предатечи; *а* и въ ча, *мѣ* вм. че ше: чатыри, шаптаниемъ, шастая, крепакъ, отъ Никана ни стала (не стало), испавидь, лѣнасть. Въ заударномъ слогѣ иногда произносился гласный, напоминавшій *ы* (т. е. *а*² или *э*): бритвыми, правильными и др.—Употребленіе на письмѣ *о* или *а* въ передачѣ неудар. слоговъ сильно затрудняло писавшаго: часто вм. этимологическаго *а* онъ писалъ *о*.—обычное явленіе въ письмѣ акающихъ лицъ, не окрѣпшихъ въ орфографіи: «ложное еретическая вѣра повсюду распространилося и власть еретическая всѣхъ обладила (28) и др. Вм. неудар *е*, 'а въ предупредномъ слогѣ встрѣчается *я* и чаще *и*. побядит, посляди; рибяты, ниправда, мижа, ршотки, во своимъ бизуміи, мичу, на мижи, отминилъ, лижитъ, отъ пити (отъ пяти); жинѣ, ничистаты. Въ заударныхъ слогахъ также двойственность, но съ перевѣсомъ иканья:—силинъ, Павиль, обычаимъ, обычаивъ, гонитиливъ, предатечивъ, мѣсиць, вышил; но и—предатечавъ. Форма глагола 2 л. мн. произносилась съ конечнымъ гласнымъ *а*: даваитя, продаетя и купуетя, подаваитя.. Съ конечнымъ *а* и фсрмы им. ед. ср.: ничестія, бритобритія и др.

Слово «ведро» известно говору семейскихъ въ двухъ вариантахъ относительно *е*: фонетическомъ (*ведры*) и нефонетическомъ (*е'одры*). Съ *е* (не съ *о*) произносится заимствованное слово—казеннѣ; казенны анбары, казеннаѣа зимл'а (повсюду); но—каз'онка—(кладовая). Представлено *е* въ словѣ—смернѣ—(Ник.); въ другихъ случаяхъ слышалъ—смирнѣ.

Гласные въ сочетаніи съ согласными. Фонетическаго процесса измѣненія *а* въ *я*, *е* въ зависимости отъ предшествующаго, а также и отъ слѣдующаго мягкаго согласнаго не было пережито семейщиной. Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ встрѣчаются сочетанія съ *е* вм. *а*, но эти сочетанія не свои, а перенятія отъ «сибиряковъ». Такъ, очень часто, почти обычно, *е* въ нарѣчій *анет'*. Въ такомъ только видѣ я слышалъ это нарѣчіе въ Тарбагатаѣ, гдѣ сибирскій налетъ значительнѣе, чѣмъ въ другихъ селахъ, легъ на языкъ семейскихъ. Въ Куналеѣ при частомъ *анет'* проскальзывало и свое старое *ан'ат'*. *ан'ат'* у стариковъ, а иногда и у прочихъ лицъ въ Хонхолоѣ и Хараузѣ.—Ср. сохраненіе *а*, напр., въ—ярица, јајцы, јамина, жар'ут' јашип'у и др. Измѣненія *је*—(съ неслог. *і*) передъ мягкимъ согласнымъ не отмѣчено. Повсюду *јес'т'* или *јес'—est*. Но въ разговорѣ съ бабой въ Мухорш., произносившей *а* взрывное и твердое *т* въ 3 л. наст. вр., слышалъ *јес'с'*.

Съ гласнымъ *и* по всей семейщинѣ передается глаголь «ѣсть» (инф. и 3 ед. на *т'*): *јис'т'* или *јис'с'* (*і*-*і* неслог.), *сјис* [*т'*]. Возможно полагать, что *и* въ этомъ образованіи опять не свое, а взято отъ своихъ сибирскихъ сосѣдей, у которыхъ непременно *и* въ этомъ случаѣ (такъ на востокѣ и на западѣ Сибири). *и* или *и'* отмѣчено и въ сочетаніи *с'лис'!* *с'ли'с'*—слѣзь (Н. Заг.), *и* вм. *е* (*ѣ*) въ семейщинѣ, какъ и во многихъ другихъ южно великорусскихъ говорахъ (при *јес'т'*), находится въ замѣнѣ «вѣдь»: *вит'*, *ит'*; у семейскихъ—*ит'*. На измѣненіе *ѣ* въ *и* въ этомъ сочетаніи оказывала вліяніе не только мягкость слѣдовавшаго согласнаго, но и неударенность этого сочетанія въ предложени.

Лабіализація. Гласный *о* (*о* и *о'* вм. *е* передъ твердымъ согл.) семейскими произносится подъ удареніемъ съ значительной лабіализаціей: въ первой части

образования гласнаго ясно выступает образование для *y*, затѣмъ переходящее къ *o*: *ю*.—паск^отина, дар^ога, хар^ош, хараш^о. т^отка, гушн^о, синак^ос, мужук^оw, заводу, мн^ога, «безъ прогуномъ» безъ прогоновъ,—записаль хозяинъ земской квартиры въ Хараузѣ (ср. здѣсь же *om* для *ow* или *a^ow* говора). Такое образование удареннаго *o* я наблюдалъ въ с. с. Хонх, Ник., Хараузѣ. Въ Ник. ребяташки, играя въ бабки, покрикиваютъ: «ко^орул^о, ко^орул^оа б^от^о (бьетъ). Но это, повидимому, передача польскаго слова *król*).

Въ неудар. положеніи въ семейщинѣ отражается на гласномъ лабиализующее дѣйствіе губныхъ неслоговыхъ звуковъ. Но лабиализація въ этомъ положеніи проведена въ семейщинѣ непоследовательно: произносятся гласные и безъ слѣдовъ лабиализаціи. Въ предупарномъ положеніи отмѣтимъ: Бугародица въ обычной рѣчи и въ пѣніи: прис^ьвитаја Бугародица спаси нас! (Ник.). абмувајут^ь (Заг.). Значительное дѣйствіе лабиализаціи я наблюдалъ въ говорѣ никольской пожилой женщины Анны Микитишны (см. ея портретъ съ мальчикомъ): пуноч^ь, бугул^ьник (въ говорѣ другихъ—багул^ьник, багул), папов ни ^ьбажаит^ь. Вубор (р. Обор). «ивана богуслова»—въ сборникѣ старца Давыда. Въ этомъ словѣ богу-, вѣроятно, не представляетъ фанетическаго измѣненія бого-. Въ заударномъ положеніи: три ^ьупуда—3 уповода. Въ формѣ род. мн.—*ow* или *o^ow*, *ow* или *ow* (-*o*—близко къ переднему ряду) или *uw* или даже съ утратой конечнаго *w* послѣ *y*.—намешшыко^ow, радитил^ow, 5 кон *ow*, кон^ow, кон^oу (послѣднее въ Тарб.). Но въ тѣхъ же селахъ говорятъ и—5 телав (отмѣчено въ Кун). брат^ьт^ьaw (Заг.), свидетилев (Шеролдай). Кромѣ того,—мал^ьч^ьшка^ьм (Тарб), алба^o (Ник.)

Вм. « въ неудар. слогѣ послѣ *ж*, « произносятся *y*: мужуки, ч^ьужало, ч^ьужоль^ь (и—ч^ьужало, чижоль^ь; то и другое отмѣчено въ Н. Заг.).—ч^ьужало жыт^ь смирнаму ч^ьлавеку (Н. Заг.). Сочетанія—ч^ьуловек—я ни разу не слыхаль. Какъ видно, для *и*—*чу* благопріятствующее обстоятельство представлялъ слѣдовавшій за этимъ сочетаніемъ *ж*.

Спорадически *и*—*у* (передняго ряда) присутствуетъ послѣ губнаго согл. въ неудар. слогѣ: уп^ьувајут^ь (выпиваютъ).

Гласный *и* при сильной эмфазѣ или при цѣнии имѣетъ широкое образование, подходя къ гласному *e*, а въ пѣніи почти совпадаетъ съ нимъ.—иди^ь! (Мухорш.). Госпде помелуј. ал^ьлеллуи-ја.

По всей семейщинѣ последовательно употребляется предлогъ и приставка *з* (*e*) вм. *ил*. *з* гораду, *з* дому, *з* Масквы, *з* Ыркуцка, *з* јашшыка *w^zac^ь*, *з* банку *w^zal*, *з* лесу, *з* квас с муки, *з* муха стар^ьошки, *з* нашива сукна, *з* ыхнѣва, *з* зим^ьа (переспрашиваю: съ какихъ поръ?)—из зимы, с карману, с плену, с Урлука (у?), здох, штоп ты здох! зламап саху, стоп^ьут^ь (истопятъ), стругатца (изругаться).

Измѣненіе *и* въ неслоговое *и*: н^ьабразованныи (Кун.).

Нач. *a* (вм. неудар. *o*) въ словѣ «городъ» иногда отсутств.: гарот (напр., въ рѣчи старухи въ Н. Заг.). На-городи была (Хар.). Но обычно—агарот, *w* (или *uw*) агароди. Отсутствіе *a* вызвано вліяніемъ сочетаній съ *на*: на-городи—на-агароди, на-гарот—на-агарот. Отсутствуетъ *a* въ сочетаніи—ни-днэј (ни одной). Иногда отсутствуетъ или произносится съ неполнымъ образованиемъ заудар *a* въ предлогѣ *к^ьа*: кол—Ыстоки (около Истоки; Истока—ручей образующійся изъ ключей, около Н. Загана). кол^ь избы (Н. Заг.).

Изъ замѣнъ давнихъ сочетаній редуцированныхъ *ъ*, *ь* съ плавными отмѣтимъ слѣдующее. Въ замѣнахъ сочетаній *ыт^ь* сохраняется прежняя общерусская мягкость плавнаго передъ задненеб. (*x*), губнымъ (*г*): вер^ьх, на-вер^ьх, свер^ьху, на в^ьар^ьху (по-

всюду¹⁾, читвер'х, спер'ва. Но—вервы=веряки. Въ глагольныхъ формахъ и именныхъ образованияхъ отъ нихъ *-держ-и-дорж*. Данныя семейшины свидѣтельствуютъ, что второй звуковой вариантъ проникъ къ семейскимъ отъ «сибиряковъ»: у послѣднихъ, какъ и на стѣ.-востокѣ Европейской Россіи, этотъ глаголь имѣеть сочетание *-ор-*. Обычнымъ сочетаніемъ у семейскихъ является *держ:*—диржат' (д'аржат'—Тарб.), держыш и др. Въ такомъ видѣ эти сочетанія употребляются въ рѣчи стариковъ и старухъ. *дорж*—я наблюдалъ въ говорѣ нестарыхъ мужиковъ; при этомъ въ говорѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ были и другія наносныя «сибирскія» черты, не свойственныя говору старшаго поколѣнія (напр., *а* вм. *ав* въ глаг. фор., твердое *т* въ 3 ед. и мн. наст.: задоржывалас' вада (Хар.), доржыт и—пад'оршка (Н. Заг.); даржы (Тарб.), доржыт при—держат' (Хонх.). Въ замѣнѣ *гы передъ гласнымъ полного образования отмѣтимъ сочетание съ утратой плавнаго; кстит' (крестить. Н. Заг.). Изъ замѣнъ сочетаній *гъ, *лъ въ начальномъ слогѣ передъ гласнымъ полного образования: ирват', ирваныи, ирв'ом, ирва (рва), аржаной. Изъ рѣчи н.-заганскаго парня Арлама, отличнаго объекта: произнеся форму род. ед. «рожы», онъ замаялся и поправился: «иржы», ржана жнив'а (Тарб.). ил'ну, ил'л'ут' (льютъ; Н. Заг.). Въ тотъ же рядъ сочетаній перешло и—л' д:—ил'дом, ат-ыл'да.

*Неслоговое у и билабіальное ш*¹⁾. Въ семейшинѣ въ широкомъ употребленіи неслоговое *у* или губно-губное *ш*. Условія нахождения неслогов. *у* или *ш* таковы. 1) Въ предлогѣ, гдѣ онъ чередуется съ гласнымъ *у* или съ *уш*. 2) Въ тѣхъ формахъ мѣстоименія **шъс'ъ* («весь») и глаг. *шъзѣт, въ которыхъ по утратѣ *ь*, *ъ* въ первомъ слогѣ неслоговое *у* оказалось передъ—*с з*. 3) Въ началѣ слова: а) передъ согласнымъ б) передъ гласнымъ задняго ряда. 4) Въ срединѣ слова: а) передъ гласнымъ задняго ряда; б) передъ соглас. 5) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ; въ этомъ положеніи отмѣчено и безголосое *ш*. 6) Вмѣсто начальнаго *у* въ первомъ неудар. слогѣ. Примѣры 1) *у с'але* или *ш сале*, *у (ш) тым л'асу*, *у гости пришла*, *ш аднем*, *ш читвер'х ш палавина-ден'*, *ш цѣрки*, *шмест'а*. *уша с'не*, *уш-агароди...* 2) Въ этихъ случаяхъ неслоговое *у* чередуется, независимо отъ какихъ-либо условій, со слоговымъ *у*: *шс'о* или *ус'о*, *усе*, *шшс'а* (*ш*), *у шсем* Хараузи. Какъ во многихъ другихъ южно-великор. говорахъ развилась манера употреблять *уш* (*ув*) передъ начальнымъ удареннымъ гласнымъ: *увес'* (весь), *ушшс'а*; ср. *уш* въ предлогѣ. *шз'ас'т'*, *уз'ат'*, *уз'ас'т'*, *уз'амшы*, *шз'ал*, *уз'ал*. *ашс*—въ заимствованномъ словѣ—*ашсенъшн'я*.— Въ формахъ съ прежнимъ *ъ* сильнымъ: *шз'ми*. По аналогіи съ *а* (изъ *о*←*ъ* сильного) проносится *вашеј* (вшей. Хонх.). 3) Въ начальномъ слогѣ передъ согл. вм. нѣкогда бывшаго сочетанія *шъ-* или *шь-* (съ утраченными *ъ*, *ь*): *улес*, *шлес* (влѣзъ), *унук*, *шнук*, *учара*, *штароја*. Но *аш-* въ словѣ: *ашторник* (ср. и *ашсенъшн'я*). Передъ *р*, *л*: *шрем'а* (въ одномъ письмѣ заганца: *урема*), *шлас* (Власъ). Передъ гласн.: *шда*, *шос*, *шот*, *шоску*, *шон'ка*, *шот'чка*, *шарабишки*; въ Н. Заг. и—*шарабеј* (*г*—длительное) 4) *два*, *дават'*, *трава*, *шадвода*, *шаводу*, *шворен'*, *швос'*, *нашој рас*, *кашо*, *шаво*, *шаво*, *шаво*, въ неуд.: *кашоша*, *три постава*, *маркоша*, *шожал'*, *аташа*, *браша*, *шраш'я*, *шдароша*, *атгыдыша*; оконч. род.-вин. ед.—*ша*: *шдобр'ша*, *шашыша*, *ш'атрошк'ша*. Въ заударномъ положеніи *ш* передъ *а* иногда имѣеть неполное образование и близко къ утратѣ; а передъ *у* и послѣ гласнаго *ш* утрачено: *деушки*, *кароушка*; но послѣ согл.: *у цѣркуш*. Передъ согл.: *шешка*, *шшжна*, *шашка*, *штрашка*, *шашшцы*, *шешашка*, *шашшшк*, *шаштр'а* *Кис'ал'ошшка*, *шашно*, *шашно*, *шашро*, *у д'арешни*, *шаргошл'а*. 5) *шамов*, *шадов*, *ш'ашков* *шдураков*, *шз'орав*, *шров*, *шарков*. Въ Тарбаг. отъ нѣкоторыхъ лицъ слышалъ *ш* въ концѣ слова: *шлиф*, *шароф*, *шалоф*. Также отъ од-

¹⁾ Неслоговое *у* и билабіальное *ш* передаются посредствомъ *ш* или *ш*.

ного парня въ Мухоршибири: лупкоф. Припомнимъ и другія отклоненія въ говорѣ семейскихъ этихъ селъ отъ обычныхъ чертъ семейщины. Для объясненія появленія губно-зубн. согл. въ концѣ слова укажемъ, что въ говорѣ «сибиряковъ», живущихъ въ этихъ селахъ, представлено именно *ф* (*в*). б) Вм. нач. неудар. *у* семейщина имѣетъ неслог. *у* или билабиальное *w*: *w*же *w* нас, *w* mine, *w*дарит', *w*гадали, *w*крал, кони *w*гнали, ни *w*знали *w*б'ют' (*w*б'ут') *w*ражај (послѣднее сочетаніе отмѣчено въ Хонхолоѣ; въ Мухорш. и Тарб. это слово передается со вторичнымъ гласнымъ *a*: *w*аражај) Съ *у* произносится новое, заимствованное слово—управа: *у* шуправы (Хар.). Если за начальнымъ неудар. *у* находилось *w*, старое или новаго происхожденія, то въ такомъ сочетаніи *у* представлено слоговымъ: *у*шал, *у*шадји, *у*шашол (уйди, ушелъ): ср. съ этимъ *у*шо—*вм* *шо*—*ша*-) въ предлогѣ, а также *у*шо— въ начальномъ слогѣ *вм*. *шо*-. Представлено *у* въ *ф*. - *шузда*—по аналогіи съ *фф*. съ удар. на первомъ слогѣ.

Начальное *w*- подъ удареніемъ сохраняется въ семейщинѣ: *w*мирина, *вм* *a* (въ Ник. *ы* въ этомъ сочетаніи съ значительной подвижкой впередъ), выпуск. Но въ неудар. нач. слогѣ *w*- измѣнилось: *ы* подъ вліяніемъ предшествовавшаго *w* (неслог. *у* или билаб. *w*) лабиализовался; въ Н. Заганѣ я отмѣтилъ—*w*ыделъват'—съ лабиализованнымъ *ы*, близкимъ къ *у*. Но обычно представленъ результатъ пережитой полной *у*-вой лабиализаціи: *w*ы—*у*. Такъ и въ Н. Заганѣ, такъ и въ другихъ селахъ.—*удајут'* (выдаютъ), *ухадит'* (выходить), *уган ал* (выгоняль'), *упригат'* (выпрягать), *упивајут'* (выпиваютъ). Послѣ гласнаго возможно *w*: *ни-w*дајут' (не выдаютъ). Такой же процессъ лабиализаціи неудареннаго гласнаго въ начальномъ слогѣ отразился и въ совѣмъ позднее время,—во время жизни въ Сибири: онъ отразился на заимствованномъ отъ «сибиряковъ» словѣ «варнакъ»: *урнак* (каторжанинъ, вообще бранное слово о нехорошемъ человѣкѣ).

Утрачено *в* (*w*) въ слабоударенномъ сочетаніи «вѣдь»: *ит'*.

Передъ нач. удар. лабиализован. глас. находится вторичное *w*: *w*улица, *w*ум, *w*утрам, *w*угал', *w*уха, *w*ужынат', *w*окны, *w*оспа, *w*осе'ни, *w*осим, *w*ос'ка (Оська), *w*ос'. Рѣка Оборъ передается, какъ—*w*убор—(отмѣчено въ Ник.). Но, какъ передача чужого названія, этотъ примѣръ не доказателенъ. По аналогіи съ формами, имѣющими *w*у-, *w*о-, могутъ произноситься съ *w* и родственныя формы съ неударенными *у*, *о*: *w*узда, *w*ана, *w*аны (рѣдко въ Н. Заг.; въ Тарб.). обычно же—*ана*, *аны* или *ане*, какъ *и*—*атец*, *ав'ос*, *атворка* (форточка), *аснатцят'* («18») Въ этомъ положеніи даже старое *w* *вм*. *в* отсутствуетъ: *Арлам* (Варлаамъ). Вторичное *w* находится передъ лабиализованнымъ гласнымъ и въ срединѣ слова послѣ гласнаго: *на-w*улицы, *праву-лак*, *па-w*ужы, *па-w*ут.

мн. Сочетаніе *мн* въ семейщинѣ замѣнилось посредствомъ *вн*: *вн*ога, *гуv*но, *гуv*на, *тиv*ната. Въ Мухорш. отмѣтилъ *мн* съ не полнымъ губнымъ затворомъ: *гумно*. Тамъ же *мн* *вм*. *вн*: *дамно*.

Заднебные согласные. Семейщинѣ тѣхъ селъ, гдѣ предударное иканье не распространяется на счетъ яканья, гдѣ нѣтъ *a* *вм*. *ae* въ глаг. *фф* наст. вр., гдѣ нѣтъ *t* *вм*. *t'* въ *фф*. 3 ед и *мн*. наст. вр., —тамъ извѣстенъ ей заднебный длительный *z*, а не взрывной. —*гара*, *многа*, *карагот* и др. Такъ въ Н. Заганѣ, въ Хонх., Ник., Хараузѣ, Куналѣ. Въ Ник. наблюдалъ длительный *z*, близкій къ *h*, *а* *ho*, близкое къ *wo*: *дараhoј* и *дараwoј* (старикъ не шепелявитъ, говоритъ ч' не ч'': ср. ниже). Въ Хар. также слышалъ *z*, близкое къ *h*. Въ концѣ слова *x*—*рох*, *сапох*, *де нех*. *стах*, *астрох*, *плух*, *снех*. Иначе обстоитъ дѣло въ Тарбагатаѣ (и Десятниковѣ) и въ Мухоршибири. Въ концѣ слова и здѣсь говорятъ послѣдовательно *x*. Въ прочихъ же положеніяхъ извѣстенъ и *z* взрывной. Но такого образованія заднебный

согл. имѣютъ не всѣ представители этихъ сель. Наибольше распространено употребление взрывного *г* въ Тарб. (и Десятниковѣ : здѣсь много и другихъ несемейскихъ чертъ говора). Не такъ значительно употребление взрывного *г* въ Мухорш.: здѣсь нерѣдки лица, говору которыхъ извѣстенъ *г* длительный. Вотъ мужикъ 43 лѣтъ. Онъ икаетъ, шепелявить въ произношеніи мягкихъ *с, з* (см. ниже). доржит и будит' даржат, *т* твердое въ окончаніи формы 3 ед и мн. наст. вр. Въ его говорѣ *г*—взрывной. А вотъ и молодая баба, она доржит, шепелявить, знает, бегат, у ней мягкое *ч* имѣетъ значительный свистящій элементъ (см. ниже). Она тоже произноситъ *г* взрывной. Рядомъ съ ней двѣ бабы молодая и старая: каждая изъ нихъ знает, багит', у нихъ *г* длительный. Для объясненія появленія взрывного *г* въ говорѣ семейскихъ отмѣтимъ, что у тамошнихъ «сибиряковъ», какъ и у прочаго старожилага населенія Сибири, *г*—взрывной.

Съ длительнымъ *г* въ Н. Заганѣ слышалъ гарабей- но и—варабишки.

Въ различномъ видѣ представлена замѣна *г* въ нарѣчіяхъ «тогда», «когда». Передъ *о* въ одномъ и томъ же селѣ произносятся *г* (отмѣченъ и взрывной *г*, *w*) (неслоговое *i*): кагды, тагды, а, кауды, а кажда тажда. Ср. и нар.—нагды. Въ такомъ же звуковомъ видѣ эти нарѣчія свойственны и говорамъ Сибири (еще варианты: съ *л*: колды). М. б., своимъ, а не перенятымъ со стороны сочетаніемъ для этихъ нарѣчій является *тада када* отъ старухи въ Н. Заг.). Различ. звуковой видъ имѣетъ передача нарѣчій «гда». 1) Представленъ вариантъ безъ заднеязычнаго согл.: *дэ?* (Мухорш.), *де-нибуйт'* (Кун.). 2) Варианты съ начальнымъ гласнымъ *и* (редуцированнымъ). *г'*, *й*, *а*: иде, (съ редуц. *и*; Н. Заг.), *эде* или *аде* (Мухорш.), *аде* (въ разныхъ селахъ). Въ Н. Заг. и такой вариантъ: *аде*. Начальные гласные въ передачѣ этого нарѣчія не представляютъ фонетической замѣны *г* въ начальномъ слогѣ передъ *д* а восходятъ къ гласнымъ, входившимъ издавна въ составъ мѣстоименныхъ формъ: *i*, а (*o) *a* могло перейти къ этому нарѣчію поздне, отъ союза *a*. Относительно редуциров *и* можно полагать и то, что онъ представляетъ собою фонетическую замѣну мягкаго длительного *г'* передъ *д'*.

к → *х* въ предлогѣ. Фонетически этотъ переходъ совершился передъ *ш, ж*, въ связи съ общимъ измѣненіемъ этихъ соглас. въ указан. положеніи: хто, кохти м'ахка... а также—*х* тому, а затѣмъ и—*х* Мирону, *х* нам, *х* в'асне (Н. Заг., Мухорш., Хар). *кр*—по всей семейщинѣ въ образованіи—хрес'яны, хрис'яны (крестьяне). Въ Н. Заганѣ у одного лица отмѣтилъ *кр*:—крес'яны: съ *кр*—то же лицо произносило и Креста (Христа) съ *кр*—отъ—*крест*.

к *г, ж* передъ *е, и, ж* въ этомъ положеніи пережили значительную подвижку впередъ, къ области мягкаго *т'*. По всей семейщинѣ *к'* произносится, какъ заднепалатальный *т'* (*т''*), или имѣетъ образованіе ближе къ переднепалатальному *т'*. рук'ти и рут'и, рек'ти и рет'и, к'ич'ка, с Паст'я (с'а), ск'ин' или ст'ин, т'фирпичи, капејк'ти, Т'фируха, т'ита, (кета) Т'итај, Марк'челка, «Мартель»—на одной домовой дощечкѣ въ Н. Заганѣ; *w* нас па аднэј пайт'и (пайкъ). Въ оконч. мн. съ суф. *ск*: ст'иш. Такъ, кажется, послѣдовательно въ Н. Заг.: заганс'тии, шырандајс'тии шыбирс'тии; въ ед.—ск'иј—ск'іј ъ—редуц. *i*).

Сочетаніе длительного *г* съ *и* (*е*) представляетъ собою сочетаніе средненебнаго длит. *г'и* (*е*; или же вм. такого *г* находится близкое къ нему образованіе *ј*: ма гиль, сапаги, на талеги, мајил'ки (*ј* близко къ неслогов. *i*; Ник., Хар). Въ говорѣ тѣхъ же лицъ, которые говорятъ *г* взрывнымъ, *г'* представляетъ звонкую параллель къ *к'* (*кт'*): денг'ичи, сажг'от, сапаг'чи, Маг'чил'омъ (Мухорш., Тарб.). Образованіе *к'* отмѣчено въ Ник. ст. легкимъ длительнымъ шипящимъ палат. элементомъ: сч'итит'

Мягкое *m'* по мѣсту образованія совпадаетъ съ *k'* (*k'*): *k'*ина (тина), *k'ес'* (тесть), *k'еста*, *k'т'есна* (примѣры изъ Н. Заг. и Хонх.). Въ Хараузѣ стмѣтилъ *θ' → z'*: *t'ен'* (день), гевент'. Въ говорѣ семейскихъ переселившихся далеко на сѣверъ, въ с. Мохоркала, представлена та же подвижка въ судьбѣ *m'*.

Подвижка впередъ въ образованіи *ж*, *з*, *х* въ зависимости отъ предшествующихъ *j*, *к*, *л*, *р*, *с*, *з*, *м*, *н* семейщинѣ неизвѣстна.—хаз'ајка, Ван'ка, у, Сен'ка, нан'ка, пун'ка, насул'ка, Лазар'ка, суч'ка, на в'ар'ху. Только въ Мухорш. отъ дѣвочки, бѣжавшей съ ведеркой, услыхалъ «на реч'к'у». Въ томъ же селѣ одно и то же лицо говорило:—мален'ка и мален'ка. Здѣсь *ж'* вм. *ж* не фонетическое явленіе, а по сходству съ нарѣчіями на *а*. Такого же происхожденія и—скол'ка, -я — (см. выше).

с, *ш*. Въ передачѣ прѣжнихъ сочет. съ *хв*, а также *ш* въ заимствованныхъ словахъ семейщина представляетъ *хш*—съ *ш*, близкимъ къ безголосому неслоговому *у* (билабиальное глухое *ш*), и *х*: хфос, хфароба, захфарала, прихват'у, пахфалка, сарахфан, хфарт, хфурманка и хурман (название повозки), Грахфина, гармахфончик, Нихф'от; *хш* и въ—хвatera: хунт, хорма, Хама, Уха (въ Тарб. отъ старика съ нечистымъ семейскимъ говоромъ), хлот, хронт; въ Мухорш. и—на хфронт'и". Семейскіе говорятъ—трапит' натрапит'—(случаться, выпасть), т. е. говорятъ, какъ на западѣ и юго-западѣ русской языковой области въ Европѣ; но въ Н. Заганѣ отмѣтилъ и съ *ш*—билабиальнымъ: трафилос'.

Согласные *ш*, *ж* въ говорѣ семейскихъ тверды.

с', *з'*. Мягкіе согл. *с*, *з* относятся къ ряду *палатальныхъ* согласныхъ. Дорсально-образованные они представляютъ въ акустическомъ отношеніи шипящій элементъ и совпадаютъ съ польскими палатальными *ś*, *ź*. Эти шепелявые *с'*, *з'* распространены по всей извѣстной мнѣ семейщинѣ; они произносятся и стариками и молодежью. Но къ этому необходимо добавить слѣдующее. Въ каждомъ селѣ по произношенію шепелявыхъ *с'*, *з'* есть различіе между молодымъ поколѣніемъ и старшими. Молодежь будто съ какимъ-то особеннымъ вкусомъ употребляетъ шепелявые *с'*, *з'*. Я не встрѣтилъ ни одного парня и молодого мужика, ни одной дѣвушки и молодухи, которые не шепелявили бы. Иное представляетъ говоръ стариковъ и старухъ. Шепелявятъ и они. Вотъ дядя Иванъ въ Тарбагатаѣ, мощный старикъ лѣтъ 75; вотъ дѣдушка Хфилипъ лѣтъ 80 въ Н. Заганѣ; вотъ древній старикъ (забылъ его имя) и его старуха въ Никольскомъ; вотъ старушка въ Хараузѣ нянчится съ внукомъ Микулкой и многіе другіе мои почтен. собесѣдники въ этихъ и проч. селахъ;—всѣ они шепелявятъ; но шипящій элементъ у нихъ слабѣе чѣмъ въ произношеніи молодежи, иногда совсѣмъ слабый. Почти не шепелявить,—нерѣдко заносилъ я въ этихъ случаяхъ въ свои записки. Имѣя въ виду данныя говоромъ Сибири, полагаемъ, что шепелявость въ произношеніи *с'*, *з'* семейскіе развили только здѣсь, въ Забайкальѣ, а не принесли съ собой изъ Европы,—развили постепенно, въ средѣ поколѣній 3 хъ. Молодежь кажется, поголовно овладѣла палатально-дорсальными *с'*, *з'*. Къ настоящему времени во всѣхъ областяхъ востока и сѣвера Сибири въ говорахъ «старожилго» населенія распространены шепелявые *с'*, *з'*. Они произносятся на низовьяхъ Оби, въ Туруханскомъ краѣ, въ приангарскихъ селеніяхъ, по Илиму, Ленѣ, Киренгѣ, въ Забайкальѣ, на Колымѣ, на Анадыри, в Охотскаго моря. Разумѣется, шепелявятъ и ближайшіе сосѣди семейскихъ,—«сибиряки», живущіе съ ними въ сосѣднихъ или въ однихъ и тѣхъ же селахъ. (Обозрѣніе говоромъ Сибири по доступнымъ мнѣ матеріаламъ сдѣлано мною въ отдѣльной работѣ, остающейся пока въ рукописи). Широкой волной процесса шепелявеня была охвачена и семейщина.—*с'ила*, *с'алу*, *с'ем*,

пис'мо, с'і'апој, с'нех. калас'ница, пус'тит', дас'видан'а, с'ера с лис'вини, ус'пен'я, јес [т'] жыс' [т'] шэс' [т'], зима, замли, куз ма', сказ'н'у. .

Волна шепелявеныя отражается кое-гдѣ по семейщинѣ и на твердыхъ *с, з*. Въ Н. Заганѣ я вель длинныя бесѣды съ однимъ старообрядцемъ лѣтъ 37-и. Въ его говоренѣ послѣдовательно были представлены шепелявые мягкіе *с', з'*, но также и твердые *с, з* имѣли шипящій элементъ. Не могу точно описать ихъ физиологіи; но въ акустическомъ отношеніи это были согласные твердые *с, з* съ шипящимъ элементомъ во второй части: *с^ш, з^ш*: *с^шам, с^шол', с^шгал, з^шнаиш, рас^ш* и т. д. Другихъ субъектовъ съ такимъ произношеніемъ я не встрѣтилъ. Только въ Никольскомъ у одного старика замѣтилъ нѣкоторую шепелявость въ произношеніи твердаго *с*. Отмѣчу еще въ отдѣльномъ случаѣ *ш* твердое вм. *с* въ словѣ «свѣтскій»: швецкѣй закон держут', а ни духошнѣй. Такъ жаловался мнѣ одинъ старикъ въ Н. Заганѣ. Его говоръ знаетъ очень слабыя шепелявые *с', з'*.—шпекул'ант—съ обычной русской передачей *ст*—въ заимствованныхъ словахъ (шпирт..). Возможно, что со временемъ въ семейщинѣ привьется и эта манера,—шепелявое произношеніе твердыхъ *с, з* и смѣшеніе ихъ съ *ш, ж*. Этотъ процессъ широко охватилъ русскіе говоры восточной Сибири и нѣкоторыхъ мѣстностей западной. Онъ отражается въ Туринской волости Тобольск., въ Обдорскѣ въ Туруханскѣ по Ангарѣ, Ленѣ, Киренгѣ, въ Баргузинскомъ округѣ, отчасти на Индигиркѣ на Колымѣ въ Охотскѣ по Онону. Напр.: насн'а, наси, сл'ачча (шляться) зер'ло, зарко, жаливат, жалог, шазгли, нижавој; посол шам по шта нам, а шобаку оштавил, вош караулит' (такъ дразнятъ баргузинцевъ ихъ сосѣди, не имѣющіе въ своемъ говорѣ мѣны *ж-з, ш-с*). Въ говорѣ анадырскаго села Маркова (версть 1000 съ лишнимъ къ востоку отъ Н.-Колымска) совсѣмъ отсутствуютъ *ш, ж*: сыпко, сыски, кол'ос (колешь), саман, зар. коза (кожа),...

ц цв' ч. Прежній согласный *ц* семейскіе произносятъ твердо. Обнаруживается тенденція къ ослабленію затворнаго элемента: *ц* → *тс*. Въ сочетаніи *цв'* взрывной элементъ (въ *ц*) ослабленъ или совсѣмъ утраченъ, а длительный, подъ вліяніемъ слѣдующаго *в'*, является мягкимъ *цв' → т'с'в'* или *с'в'*; при этомъ *с'* произносится такимъ же образомъ, какъ всякое другое мягкое *с* (шепеляво). 'с'в'аточ'ки (Кун), с'в'аточ'ки, с'в'атки (Тарб. Ник.), чир'омуха 'с'вит'от, ш'виточ'ки (парень въ Мухорш.).

Согласный *ч* по всей семейщинѣ является мягкимъ согласнымъ. Но образованіе его неодинаково у всѣхъ говорящихъ. И въ этомъ отношеніи расколъ у семейскихъ: старики, дѣды—отцы и молодежь. Нерѣдко и пожилые отцы раздѣляютъ манеру молодежи. При этомъ манера молодого поколѣнія значительнѣе тамъ, гдѣ и въ другихъ отношеніяхъ произошло уклоненіе отъ говора дѣдовъ. Сравнительно съ шепелявениемъ мягкихъ *с, з'* манера молодого поколѣнія въ произношеніи *ч* слабѣе по своему распространенію среди говорящихъ. Въ произношеніи лицъ старшаго поколѣнія (хотя и не всѣхъ) *ч* представляетъ аффрикату съ мягкимъ взрывнымъ *т*, и мягкимъ длительнымъ *ш*: *т'ш'*. Мягкость образованія нерѣдко очень значительна; но все же длительный элементъ относится къ ряду мягкихъ *ш'*. Такое образованіе *ч'* я наблюдалъ въ Никольскомъ, у стариковъ старухъ, не старыхъ мужиковъ, шепелявившихъ и нешепелявившихъ, и чаще въ Хараузѣ. Въ Хонхолоѣ встрѣтилъ старушку живущую здѣсь послѣ замужства лѣтъ 40; родомъ она изъ Харауза; сохраняетъ *ч'* и не шепелявитъ. Но и въ этихъ селахъ, какъ и въ прочихъ, многіе произносятъ иначе *ч'*: въ ихъ произношеніи это мягкой слитный согласный, длительный элементъ котораго подходитъ ближе къ ряду мягкихъ *с'* (обозначаемъ условно *ч^ш*), иногда 'совсѣмъ совпадаетъ съ *с'* (обозначаемъ условно *ц'*).

Въ говорѣ лицъ, произносящихъ ч^л, непременно представлены шепелявые с', з'. Такое ч^л известно по всѣмъ селамъ семейскихъ. Въ Мухорш., въ Куналеѣ, Тарбаг. при ч^л произносятся и ц'—ч^л $\overline{oo}$ гавориш, вот ц' $\overline{oo}$. ц' $\overline{oo}$? ч^лич^ласнаја время, ноч^лу крич^лит дау ч^лонка.. (Мухорш.). ч^латэри карова прац^лнит (ц' или ц') ч^лич^лас, ц'орт (Кун.). Въ Тарбаг. въ говорѣ однихъ и тѣхъ же лицъ ч' и ч^л. Въ нижней части села ц' (въ этой части а вм. ае въ глаг. фф. т твердый въ оконч. ф. 3 ед. и мн наст.). Женщина изъ Десятникова говоритъ ц': дац'ка цао, луц'ци поц'та прибажала. Говоры тамошняго «сибирскаго», старообрядческаго населенія имѣютъ ч^л или ц' (напр. въ с. Саянтуй). По отношенію къ прочимъ русскимъ говорамъ Сибири отмѣтимъ, что ц' вм. ч' говорятъ во многихъ областяхъ ея,—именно тамъ, гдѣ произошло смѣшеніе ш, ж съ с з и гдѣ находятся шепелявые с', з'. Имѣя въ виду эту связь языковыхъ явленій, слѣдуетъ полагать что и передвижка въ рядѣ согласныхъ с, з, с', з', ш, ж и въ ч (ц') произошла здѣсь, въ Сибири, подъ воздействием иноязычнаго элемента. Но, конечно среди великорусскихъ говоровъ Сибири съ ш вм. ч', есть и такіе, которые принесли изъ европейской Россіи эту черту (ц' вм. ч'). И для говора семейскихъ полагаемъ, что ч^л, ц' также развилось здѣсь въ Забайкальѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ факты современнаго языковаго состоянія семейскихъ и «сибиряковъ». Не лишне замѣтить и слѣдующее. Забайкальскіе старообрядцы находились раньше въ ближайшемъ отношеніи со старообрядцами румынской Добруджи,—съ липованами округа Тульчи. тѣ и другіе жили раньше въ одномъ мѣстѣ, въ Стародубѣ и на Вѣткѣ. И до сихъ поръ какъ живущіе за Байкаломъ-моремъ такъ и живущіе у Чернаго моря сохраняютъ еще много общихъ чертъ въ своихъ говорахъ. Говору добруджанскихъ старообрядцевъ ч^л не известно. ч у нихъ также претерпѣлъ измѣненіе, но измѣненіе въ другомъ направленіи,—къ отверднѣнію: значыт'.

чж ич, чж. Въ сочетаніи чж взрывной элементъ въ ч ослабленъ: чж → 'ш'к, или даже совсѣмъ утраченъ: ш'к. Также ич → н'ш'. или иш'. в'аровашку. т'св'ато'ш'ки, рет'ш'ка (Кун.), заимъ'ш'ки, ш'вито'ш'ки (Мухорш.), лант'ш'ак (Мухорш., Н. Заг.). Вм. чж представлено обычное русское иш: рушник, падрушник, мошна, памесишна жив'от'. Сочетаній съ см вм. шм, какія представлены въ отдѣльныхъ словахъ по всей Сибири (молосной, пшенисной гасник), у семейскихъ не отмѣчено.

л р. Семейщинѣ известно w вм. л въ концѣ слова и въ срединѣ слова передъ согл. Но w такого происхожденія употребляется совсѣмъ непослѣдовательно: въ говорѣ одного и того же лица можно слышать л и w. Чаше л → w при благоприятныхъ условіяхъ: послѣ лабиализованнаго гласнаго. На вопросъ о томъ, здѣсь ли въ Сибири развивается въ семейщинѣ этотъ процессъ или уже съ w вм. л ихъ предки пришли сюда, мы не можемъ дать опредѣленнаго отвѣта. Замѣтимъ лишь, что въ говорѣ лицъ глубокой старости я не могъ замѣтить употребленіе w ← л. И любопытно что въ говорѣ н-заганскаго мужика употреблявшаго послѣдовательно не только шепелявые с' з', но и шепелявые см, з* вм. твердыхъ с, з (см. выше), также послѣдовательно проведено w вм. л. Вполнѣ возможно, что и эта манера—сибирскаго происхожденія. (Въ отдѣльныхъ в-русскихъ говорахъ Сибири она отражается). Н. Заг. дошгаја, дошх, дашбит', тошк, стукатошк пашгода пришоу, ходиш, сказау. Иногда произнос. л съ широко-опущенными боками языка,—переходъ къ w. Ник.: дошга, дошжан раздуу дау. Хар.: ушоу, минуу при—ходил просил и др. Въ одномъ словѣ представлено л вм. в, w): трелога треложыт' (Н. Заг.). Такъ и въ говорѣ «сибиряковъ».

Въ отдѣльныхъ случаяхъ вм. мягкаго р семейскіе произносятъ р, близкое къ твердому или совсѣмъ совпадающее съ твердымъ р. Примѣры такого произношенія

наблюдалъ во всѣхъ селахъ Здѣсь и твердое *p* имѣетъ особое образование: оно болѣе раскатисто и болѣе задне, чѣмъ обычное великорусское *p*. Н. Заг: гавару гаварат, сматру, тры, грэх, брэшыт' на румки, брычка (въ Ник.: бричка), у перот, прама, пры-(приставка), серотка. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ отмѣченъ необыкновенный твердый *p*, а близкій къ нему, съ нѣкоторой долей мягкости:—пирамена, трапар, трапару (*p*—твердый). М. б., иного значенія отвердѣннѣ *p* въ вервы.. Въ Кун. и—в'ароваш'ку. *j* // въ—крилцо. Ник.: паперок, w перот, читэрох благадару гавориш, Варка (*p*, близкое къ тверд.). ррепа--значительно выраженное раскатистый *p*. Сюда, м б., относится *p*—у т'урме (въ Мухорш.—у т'ур'ме). Хонх.: сибиряки (съ средней твердостью *p*). «Какъ?»—сибир'яки, берош (тоже средней тверд. *p*), у си ротку (твердый *p*). Тарб: атапрош, трох, Пис'тарова (*p*—средней тверд.). Хар.: ре па, w перот (средней тверд. *p*). гавару,—ат' (твердый *p*). М. б. иного происхожденія *pu* въ—бруква. Мухоршиб.: курин'ча с'липата (*p* средней твердости). Если принять во вниманіе что семейскіе переселились въ Сибирь изъ «Польши», какъ еще до сихъ поръ они сообщаютъ, то можетъ казаться, что твердое *p*—это результатъ вліянія говоровъ бѣлоруссовъ, съ которыми предки семейскихъ астрѣчались до отхода въ Сибирь. Но такое объясненіе не пріемлемо по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ фонетикѣ семейскихъ нѣтъ ничего такого, которое ихъ предки усвоили бы отъ бѣлоруссовъ. Юго-западное вліяніе было, но оно отразилось на нѣкоторыхъ явленіяхъ морфологии и въ лексикѣ. Манера особаго произношенія *p* и отвердѣннѣ *p'* развивается здѣсь, въ восточной Сибири — развивается въ связи съ такимъ же явленіемъ, переживаемымъ прочими русскими говорами. Отмѣтимъ слѣдующій фактъ фонетики русскихъ говоровъ восточной Сибири: особо-раскатистое *p* и отвердѣннѣ *p'* наблюдаю и въ самомъ Иркутскѣ, не только въ мѣщанскомъ говорѣ, но и среди интеллигенціи (наперот, парытца, тры, гавару, берош, славар...—средней твердости *p* или совсѣмъ твердое *p*), и въ окрестностяхъ Ирк., и въ Забайк. (въ Селенгинск, Верхнеуд, въ Акинскомъ у.у.). Далекое на сѣверо-востокѣ отражается та же черта,—и отражается тамъ послѣдовательно. Въ 80 верстахъ отъ Ледовитаго океана пріютилось по *p*. Индигиркѣ Русское Устье: здѣсь послѣдовательно *p' → p*: до мора, моро, мору, сар (царь), сара, сарыца, запратала, тапер, говорат... То же и дальше къ востоку, на Колымѣ: подрад, рэзко, врэш, говору, врэма, не додружка--до своего бруска, издрэжет... И еще дальше на востокъ, на Анадырѣ, въ с. Марковѣ: цар, зора, горацка, дрыссот, товарысса, сарат.

— *tje*.—По утратѣ редуцированнаго гласнаго, бывшаго послѣ согласнаго и передъ *j* (или неслоговымъ *i*) оказавшееся сочетаніе —согл.—*j* (или неслог *i*) гласн.—подверглось по говорамъ русскаго языка дальнѣйшему измѣненію. Это измѣненіе состояло въ тѣсной ассимиляціи согласнаго и *j*: вм. сочетанія—согл.—*j*—развивался мягкій согласный съ болѣе длительной артикуляціей, чѣмъ соотвѣтствующій мягкій согласный въ обычномъ образованіи. Этотъ процессъ былъ шире и переживался послѣдовательнѣе сочетаніями—*n, m, d, l* | *j* | гл.—Не чужды этому процессу были сочетанія и съ другими согласными. Всѣ славянскіе языки пережили стадію ассимиляціи согл. съ *j* передъ глас. Южная и западная славянщина пережила и дальнѣйшую стадію: упрощеніе артикуляціи этого мягкаго (палат.) согласнаго: онъ становился обычнымъ для даннаго языка мягкимъ согласнымъ, безъ особаго, болѣе длительного образованія. На востокѣ славянщины, въ русскомъ языкѣ, также были пережиты разныя стадіи этого процесса въ судьбѣ сочетаній—согл. *j* гл. Процессъ развитія «двойнаго» мягкаго соглас. былъ общераспространеннымъ на югѣ и на западѣ: въ малор. и бѣлор. нарѣчіяхъ. По областямъ этихъ нарѣчій «двойной» мягкій согласный

замѣнялся обычнымъ мягкимъ согласнымъ. Но невозможно въ этомъ процессѣ измѣненія сочетаній—согл. + j + гл.—видѣть черту, свойственную только этимъ русскимъ говорамъ. Тотъ же процессъ дѣйствовалъ (конечно, независимо отъ малор. и бѣлор.) и въ другихъ русскихъ діалектическихъ областяхъ,—въ отдѣльныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. И въ говорахъ Сибири (онъ въ большомъ распространеніи. Напр., въ Енисейскомъ у. (названнѣ, у застоля. съ похмелля селеницо.), въ Нижнеудинскомъ у Иркут. г. (виселле, божжа мать..) по Ангарѣ въ Иркутскѣ (трет.т'а и по аналогіи—треттій, Усол'л'е, плат'т'е, ноч'чу) въ Селенгинскомъ у. (свин'н'а весел'л'е, ноч'чу). На Колымѣ и дальнѣйшая стадія: н'←—нн': терп'ня нѣту!—Пережить онъ и говоромъ семейскихъ. Въ настоящее время дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ такимъ образомъ. «Двойные» мягкіе согласные представлены вм. *н, т, д, л, ч, ж* передъ гл. Мягкій «двойной» *н* замѣняется иногда обычнымъ мягкимъ *н*. Эта замѣна непослѣдовательно проведена. Она чаще обнаруживается въ небрежномъ говореніи.—свин'н'а и свин'а дран'н'о, купан'на, курин'на, баран'на, баран'и сукны, батвин'на, вазкрисен'на, вазнисен'на,—на, успен'на,—на, рачен'я, шс'о жард'о,—мн. жард'а палавод'да пит'т'о трет'т'ак трет'т'а, а по аналогіи и—трет'т'и, брат'т'а, прут'т'а, плат'т'а, сват'т'а Сочетаніе—*ж* + j + гл.—также замѣняется посредствомъ болѣе длительного мягкаго *ж*,—обычно внѣ ударенія; подъ удареніемъ же представленъ и *ж* (неслог. *і*), хотя и здѣсь *ж* имѣетъ болѣе длительное образованіе, чѣмъ обычное *ж*: руж'ж'о, руж'ж'а (Ник) а также и съ обычнымъ *ж*: бож'а. Въ сочетаніяхъ губныхъ согл. съ *ж* + гл. нѣтъ однообразія у говорящихъ. 1) Представлено сочетаніе—губ. + j; губной чаще является мягкимъ но отмѣчалъ и твердость его: п'ју, п'јут', сим'ја, с'ам'јо, с'ам'је, зимав'јо; симја, убју, пјут'. 2) Въ тѣхъ же говорахъ наблюдается и слѣдующая стадія: ассимиляція *ж* съ предшествующимъ согласнымъ; произносится мягкій губной съ болѣе длительной артикуляціей (чезъ *ж*); но эта длительность не производитъ акустическаго впечатлѣнія «двойной» мягкой согласной: п'я (п'я'у). Вм. такого согласнаго произносится и обычный мягкій губ. согл.: п'у, вб'ут', б'от' пан'я жнив'а, варабишки *лж* + гл.: ил'л'ут' (льютъ), сол'л'у, у патпол'л'а с пахмел'л'а. *чж* + гл.: кр'уч'ч'а ноч'чу.

Изъ явленій ассимиляціи и диссимиляціи. *ж*—*з*: зоскаја (жесткая. Хонх.), залеза залезнѣ (повсюду. *ш*—*е*: шашник (сошникъ Ник) и сашник (Хар.; повсюду—шашнатцат' (шышнатцат'—Тарб. Кун.) шаштој. *н*—*м*: нима. Но возможно, что въ такомъ видѣ это нарѣчіе приобрѣтено отъ «сибиряковъ»: по всей Сибири старожилое населеніе имѣетъ это нарѣчіе съ *н* нимо). *дд*—*мд*: андај (Ник) при обычномъ—аддат'.—*б*—*г*: гумага (повсюду въ Сибири). *г* смѣнилъ добою *б* подъ вліяніемъ *г* въ—грамота тка.

Взаимная перемѣна послѣдовательности артикуляцій *р, л*: л'аршгија. То же и въ рѣчи Ивана Легостаева изъ Тюмени: лериги (въ его рукоп «Бесѣдословіе», см. выше).

т между *с*—*р*: строк, стразу, стругатца (изругаться).

Начало слова. Передъ гласными *о, у* представленъ *w* (см. выше). Образованія съ мѣстоименной основой *е* рѣдко не представлены съ *ж* (или съ неслог. *і*): ева (эва) евана, за јетэм, за этэм (Н. Заг.); обычно же съ *ж*: јетат, јета, јетых, јета вот барскии пашни пашли Кун). јели, јез'ли, језли јесли

Конецъ слова. Губные согласные въ концѣ слова тверды: сем, восим, с'теп, цеп, жер'ап (съ твердымъ губ проникло и передъ глас.: жериба, (Тарб) руп (одинъ книжный хараузецъ, при стремленіи къ произношенію «рубл'», говоритъ «рубел'»), кровъ (кровь), глып (Ник.), астав! (Ник.). Но въ нарѣчій въ знач. «отдѣльно»—асоп'

при-асоб'а (Кун, Хонх.). Въ конечномъ сочетаніи *ст* утраченъ взрывной элементъ, а въ *с'т'* тоже утраченъ или еще присутствуетъ въ видѣ слабого образования для взрыва.—мос, рос, 25 в'орс, хфос, п'орс. гвос', кос' тес'—тес'т', жьс'—жьс'т', старас' абујала, шес', шерс', дас' дасть', впас', атвес', вэ'ас'—вэ'ас'т', јес'т'—јес' (est). Въ конечномъ сочетаніи *шт* также утрачена взрывная артикуляція: трах (но—на трахту) кантрах.

Въ образованіи формъ имени относительно основы отмѣтимъ слѣдующее: *мол:* съ гласнымъ *о* эта основа проведена и по другимъ падежнымъ формамъ: моху... Съ постоянными *-ен-их* является—леденик, леденику.. Съ суф. з'н'-[а] представлено образование дарагавиз'н'а, бал'шавиз'н'а. Передвижка основы съ глухимъ согласнымъ вм. звонкаго отъ образованій съ суффиксомъ, начинавшимся глухимъ согласнымъ, въ формы, не имѣвшія такого суффикса: *воточка*. Такъ у всѣхъ сибиряковъ, на востокъ и на западѣ. *т* подъ вліяніемъ формъ *вотика*. Такъ же появились *т* вм. *д* въ—лоточка, —ш вм. ж: въ лошечка.—*пріюмыш*, въ род.—*а*. Это формы для муж. р. Для жен: *пріюмыша*—ы... (Ник.).

Въ формахъ суц. муж. Форма род. ед. почти послѣдовательно оканчивается на *-у*; формы на *-а* встрѣчаются очень рѣдко. — *крла* дому, *з* дому, *кола* гораду, *кола* леденику, *кола* лесу, да *Бару*, да *ветру*, *з* банку, с карману, с плену, ил'ну, с П'атровскъва заводу, наз'му свер'ху Тугнују, ат-сујузу, с Урлука, з *Ыркуцка*, з *јашыка*, ат ыл'да.—От стараго риму—и въ сборн. Давыда старца (XLV. 1797). Форма род. ед. для *ден'* оканчивается на *-и*: с *јагор'јиwa-дни*; да *Питраwa--дни*. Дат. на *-у*: *дн'у*. Форма мѣстн. ед. м. и ср. оканчивается на *-у* подъ удареніемъ и на *-е* подъ удар. и внѣ ударенія (е, 'и, 'а и): *уw* адним даму, *w* каким гаду, *w* пл'ану, *у* пагр'абу, *у* погриби, *у* мир'а (—'а), на-стрицкам хронт'а *у* с'але, на тем конце, *w* Ханхалоје, *у* каким мести, *у* бр'ухи (см. выше). Въ названіяхъ географическихъ на—*ск*— форма мѣстн. имѣетъ не именное окончаніе, а окончаніе фф. прилагат. и мѣстоименій: *w* Ыркуцким, Микол'ским, П'атровским..

Форма имен. мн. муж. обычно на—*ы*: сыны, хрес'яны, бур'аты, хаз'авы; на *-а*: дама, ваза ..; на 'и изъ *е* или *а*: цыган'и (Н Заг.). Формами множ. для «канапел'а» служатъ «канапли» и «канап'о». Форма имен. мн. для сред. р. при неударенности послѣдняго слога оканчивается на—*ы* какъ въ муж. р.: *сукны*, *тил'аты* *вокны*, *дышлы*. Въ формѣ род. мн. широко распространено оконч. *оw* (*ow*): *дуракоw*, *дамоw*, *вазоw*, *брат'т'аw*, *радитил'ow*, *свидетилеw*, *кон'ow* *аз'орав* *с'анов*, *5* *телав*, *ср'ац* *твоw* *пал'ow* (полей) Но для именъ на—*ты* (*риб'аты*, *тил'аты*..) форма род. мн.: *риб'ат*, *тил'ат*.. На—*ов* (*ow*?) въ муж. и ср. оканчивалась ф. род. мн. и въ говорѣ старца Давыда: *друговъ*, от *предогечавъ*, *святителивъ*, *гонитиливъ*, *приданіивъ*, *слуговъ*, *мѣстовъ* (Сбор XLV. 1797). Род. мн.: *камареј*. Им и вин. *кони*, род. *кон'ow*, дат. *коним* *тв. коними*. [мѣстн. *коних*?]. Въ сочетаніи съ *•2•* форма муж. и ср. оканчивается на *-а*: *два* дома, *два* пал'ца (им ед.—пал'ца). Но при «разъ» окончанія *а* не имѣется; это слово стало неизмѣннымъ:—*рас*, а то и *два* *рас* То же и по говорамъ «сибиряковъ»: *два* *рас*, *три* *рас* (въ Тобольской губ.). Ср.—ни *рас* ни *была*. — Въ сборн старца Давыда: *рога* *два*; но—*два* *годы* споловиную (XLV. 1797).

Окончаніе формы род. ед. жен. р. различно. Къ распредѣленію окончаній по какимъ-нибудь категоріямъ семейщина еще не пришла. Употребляется прежнее окончаніе *ы* въ удар. и внѣудар. (*ы* послѣ *ж*, *з*, *х*): *са* *свад'бы*, *с* *палавины*, *гары*, *паскотины*, *новины*, *вады*, с *тој* стараны, *у* с'астры *сидели*, *у* св'акрухи, *квас* с *муки*, *кол* *ыстоки*, *сера* с *лствини*, *кола* *бани*, *у* т'ошшы, ат *з'амли*. Кромѣ этихъ окончаній въ тѣхъ же селахъ представлены и другія: *ь* (е подъ удар., и 'а внѣ удар.). Это

окончаніе въ большомъ употребленіи, но не въ формахъ съ прежнимъ мягкимъ согласнымъ въ основѣ, а съ твердымъ: ат тэј ст'ане, да самај гр'аде, 25 пудовъ муке (Ник.). кола Н'аве, ат с'астре, кола избе (Н. Заг.). нижа гаре (Кун.), са старане (Хар.), с р'аке (Тарб.). Ударенное *e* распространилось и на прежнія основы на -ъ (изъ *i*): с валасте, да валасте (Н. Заг., Хар.), с тэј паде (Хар.).—с Паск'а, с палавн'а, дарог'а (-'а), с субота (-'а), з'зим'а. «Съ какихъ поръ?—Из'зимы (Мухорш.). Въ сборн. старца Давыда: отъ злои жене. Форма дат.—мѣстн. ед. жен. р. имѣеть также разныя окончанія: *ы* (*и* послѣ *к, з, х*) подъ удар. и внѣ ударенія, *и* внѣ ударенія, не только въ прежнихъ основахъ съ мягкимъ согласнымъ, но и съ твердымъ; *ь* подъ удареніемъ (*e*) и внѣ ударенія ('а, 'а, е). Не можемъ сказать съ увѣренностью, то же ли окончаніе отражается въ неударномъ *и*. к с'астры, па какој-небут' цаны (Н. Заг.), дај сираты, говорит' старшыны (Хар., Шеролдай), на чужэј стараны, у нужды и гор'у (Хар.), у Бичуры, аб-малат'бы думал (Ник.), на службы (Ник.) на служби (Тарб.), дал Грахфшны Карпухинај, у шупраы (Хар.), к т'ошшы (Мухорш.), ш церкви, к мел'ницы, к жане, ш з'амле (Н. Заг., Ник.), на тэј старане (Хонх), на паск'а (-'а) и на паски, на н'адел'а (-'а) ш бутылк'а, на жоп'а, на литожке, ш д'аренне' (см. выше). Въ говорѣ старца Давыда также неодинаковое окончаніе имѣли формы дат.—мѣстн. ед. ж.: въ рѣки, земли, ко своей поганши вѣри, ко своей вѣры, въ молитви исусовыи, въ водѣ.

Рядъ формъ съ прежней основой на -ъ (изъ *i*) сталъ употребляться въ формѣ мѣстн. п. съ удареннымъ окончаніемъ *e*: на степе, у валасте, путе, на паде, ш грезе, ш груде на Бр'ане, у часте жив'от'; ср. и нарѣчіе—назаде. Не перевелись въ семейшинѣ и прежнія традиціонныя формы на —*и*: к волости у волости, на степи или—по степи. Возможно полагать что съ окончаніемъ *e* указанныя формы (на степе...) вошли въ семейщину подъ воздѣйствіемъ говоровъ «сибиряковъ»: въ великорусскихъ говорахъ Сибири во всѣхъ районахъ стараго заселенія. въ широкомъ употребленіи фф. на —*e* въ прежнихъ основахъ на-ъ (*i*). Ср. и звуковой видъ въ другихъ частяхъ этихъ формъ: грезе, съ *e* вм. 'а, какъ въ говорахъ Сибири. Впрочемъ, не лишено возможности и иное положеніе: формы съ окончаніемъ *e* при формахъ со старымъ окончаніемъ *и* появились въ рѣчи предковъ семейскихъ еще до поселенія ихъ въ Сибири. Въ языковомъ отношеніи забайкальскіе старообрядцы находятся въ ближайшемъ отношеніи къ старообрядцамъ Подонья и Добруджи; а въ рѣчи тѣхъ и другихъ имѣются формы на —*e*: на степе.

Въ семейщинѣ «полдень» передается сочетаніемъ —палавина-ден': пришол палавина-ден'.—Въ этомъ сочетаніи «половина» или сохраняетъ еще самостоятельное значеніе (напр.—у палавину-ден'—Ник.) или уже утратило его, тѣсно примкнувъ къ «ден'» (ш читвер'х ш палавина-ден. Н. Заг.).

Говоръ с. Десятникова и въ отношеніи фф. склоненія удалился отъ прочей семейщины: тамъ ф. дат. и тв. мн. одинакова, на '—*м*: рукам, нагам, дешки с р'аб'атам. Такъ передаются эти падежныя отношенія во многихъ говорахъ Сибири.

Мѣстоименія. Форма род.-вин. ед. личныхъ мѣстоименій на -*e*: мене, тебе, сибѣ. Только тарбагатайцы въ числѣ прочихъ заимствованій отъ своихъ сосѣдей «сибиряковъ» взяли и формы этого мѣстоименія на -'а: мин'а, тиб'а, сиб'а. Въ Харауѣ бесѣдовалъ съ однимъ грамотеемъ, который путался въ употребленіи—сибѣ—и—сиб'а—: не только—дли сиб'а— но и—при сиб'а—. Формы на —*e* отражаются и въ сборн. старца Давыда: называли себѣ, оу себѣ... Форма дат.: мене, тебе, сибѣ. Такъ и въ Тарб. То же и въ—галасит' аб минѣ (Мухорш.) и др. Смѣшеніе формъ дат. и

тв. во множ. отсутствуетъ. Только одинъ разъ обратились ко мнѣ мужики въ Н. Заганѣ:—с нам пасидит'а!

Форма имен. муж. въ двойкомъ видѣ: жон и јон. Болѣе частое жон смѣняетъ собою, по всей вѣроятности јон: послѣднее слышалъ отъ бабъ и стариковъ. Жен. р. ана. Род.—вин. јаѡо, јајо (и—ијо); въ Куналеѣ отмѣтилъ и—ије: ије нинајд'ош. Дат. јаму, јеј. Тв. и мѣстн. јом. за јом. с јом у јом; только въ Ник. при—за јом и др. отмѣтилъ и—с јим. Ж. р. јеј. Именит. множ. аны и ане.—аны—въ говорѣ лицъ, менѣе подвергшихся влѣянiю со стороны. Одна пожилая женщина въ Ник., которая обычно говорила *аны*, разъ сказала съ *е*, но по тѣсной связи съ *аны* и остался твердымъ: анэ. За то, что семейщинѣ раньше было свойственно *аны*, могутъ сказать и ихъ близкіе сородичи въ румынской Добруджѣ, въ Тульч. окр., гдѣ также эта форма имѣетъ видъ *аны*. Различіе категории рода не отражается въ формѣ *аны*. *аны* говорилъ и старецъ Давидъ (сборн. XLV. 1797) Форма дат. одинакова съ твор.: им'а за им'а с им а. На -м'а оканчивается форма дат.—твор. для этого и другихъ мѣстоим. въ великоруск. говорахъ сибиряковъ. Какъ видно, въ сочетанiяхъ формъ этого мѣстоименiя съ предлогами и отсутствуетъ. Такъ и въ сборн. XLV. 1797: изъ ихъ, на ихъ...

тој (тотъ)—повсюду. Такъ и въ сборн. XLV. 1797: той кто.. Такъ и въ говорѣ тульчинскихъ старообрядцевъ: той судъ, на той берегъ. той лежитъ, а етой бежить... Твор. и мѣстн. ед. имѣютъ одну форму: *тым*, с тым, у тым канцу; при такой формѣ существуетъ для мѣстн. и форма съ *е* съ твердымъ или мягкимъ *т*: у тэм писме (Н. Заг.), у тем мести (Тарб.), на тем канце (Мухорш.). Жен. ед. *таја*. Ср. ед. *тоја* (тоја места ..). Такъ и у липованъ Добруджи. Винит. ед. жен. *тују*: на тују улицу, тују цену; и—на *туја* сторону (Н. Заг.), и—на *туј* (Хонх.). У липованъ Добруджи: на тую же площадь, тую пограбилъ. Родит.—дат.—мѣстн. ж. тэј: ат-тэј, па тэј, на тэј, у тэј улицы у бал'шэј—Ср. тотъ же гласный подъ ударенiемъ въ соответствующихъ формахъ прилагат. Въ Хонхолоѣ и Мухоришибири при указанныхъ формахъ отмѣчено и съ гласнымъ *о*: стој стараны, на тој улицы. Имен. множ. *тыш*. Въ Нов. Заганѣ при—тыи—употребляется и форма съ гласнымъ *е*; предшествующій *т* является твердымъ или мягкимъ: тэи, теи (одни и тѣ же лица). Род.-мѣстн. *тыл*. Въ Н. Заганѣ и—*тыл*. Тамъ же и—до сех пор. Дат. *тым*. Тв. *тыми*. Такое же образование въ рядѣ формъ представляетъ и форма для мѣстоименiя «этотъ». Имен. ед. јетат, этъј (Н. Заг.) этой (?Ник.), јета. Тв. за этэм (Н. Заг.) вот тетым камн'ам чикну! (Хар.). Форма мѣстн. въ Тарбаг., какъ у сибиряковъ: и етим. Въ Хонх.—и јетам даму (старуха). Множ. *јеты*, *јетми*. Такъ и у липованъ Добруджи. Род.-мѣстн. *јетыл*.

чаѡо, ч'ао, ч'оо, ч'о для род. и вин. Ср. и въ Добруджѣ: чаво пытаешь?

чија, чију (Ник., Тарб.).

мајеј. Употребляются и формы съ *о*: мајој, свајој, брата мајова (Н. Заг.), маѡо братана (Ник.), сваѡо (Н. Заг.) брату сваму, па тваму (по твоему Н. Заг.) и свайм агороди (Н. Заг.).—*им* оканчиваетъ форму мѣстн. ед. для этого и для другихъ мѣстоименiй въ говорахъ «сибиряковъ». у всем Хараузи (Хар.), ис'ој (Мухорш.), Н. Заг.).

ихнѣј, -аја (Н. Заг., Ник.). ихъј, -аја (Хар.). Въ жен. р. и -иха: иха жыс', иха мижа. Также же образ. представляютъ и великор. говоры Сиб. (ихој, ихној иха, ихна). на какэј жулицы (Хар.), какэј, такэј (Кун.). и каким мести (Хар., Кун., Хонх.) такихъ—ыми. адно пол'а, другоја пол'а (Мухорш.). аднэј—род.—дат.—мѣстн. (Н. Заг., Кун., Хар.)

ни-днэј кражы (Н. Заг.), ш аднем (Н. Заг., Ханх., Кун., Тарб., Мухорш.), ш адним (Мухорш., Н. Заг.), адны (Ник.), адне Мухорш.), адных Ник.).

обе (Кун., Хар., Н. Заг.), аби (Ник., Хар.). Различія категорій рода не отражается.

другэј (Ник., Ханх.), ш другим (Н. Заг.)

н'ахто=никто (Тарб., па какој-небут' цаны (Н. Заг.).

двуми. Въ сборн. старца Давыда: двумя главами; трема перстами.

Прилагательныя. Въ отношеніи основъ: зараз'-он: зараз'онэј (Ник.). просо:—просываја крупа (пшено. Ханх.). кур-ин-ја: курин'ча слипата Мухорш.). брет- (вм. брит-: сын забретьі Н. Заг.; твердый согл. въ основахъ: позној -аја, здешнэј, асеннэј, переднаја, прежнаја. Въ такомъ же образованіи съ твердымъ согл. эти прилагательныя представляютъ великор. говоры Сибири (отмѣчено -поздој)).

Окончанія. Семейщинѣ свойственны нестяженныя сочетанія: краснај пагода, пнахоја лета, краснаја лета.. Но въ Тарб. часто, въ Куналеѣ и Мухорш. рѣже употребляются и формы со стяженными окончаніями, несомнѣнно перенятыми отъ «сибиряковъ». Только -в'ошна, в'ошны, -у: в'ошну пахали — не только въ Мухоршиб., но и въ Н. Заганѣ; въ Хараузіѣ и Никольскомъ—в'ошнују пахат'. Окончаніе род. — дат.—мѣстн ед. ж. подъ удареніемъ—еј съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ—у бал'шэј цэркви, на чужэј стараны, худэј.. Окончаніе мѣстн. ед. муж. и ср.—им, —ым, какъ и въ великор. говорахъ Сибири: у земским, Игнатывым, на прастым, у конишним. То же окончаніе было и въ говорѣ старца Давыда:—вовторымъ мѣсте, на кислымъ хлѣбб на которымъ, во отпаденіи своимъ (сборн XLV. 1797) Окончаніе имен. множ. обычно *ми, ни*: худыи, сл'апыи, чижолыи, дарагии; жета шот барский пашни пашли. Въ Ник. отмѣчены окончанія *ми, ѳја*. Въ сборн. старца Давыда: малыи ребята.

Родъ. јетат пис'мо, один пис'мо, другој пис'мо (въ рѣчи бабъ. Н. Заг.) один сушыла продали (Хар.) залеза какаја па не—какоја-) јес'т? (Ханх.).

Изрѣдка встрѣчаются членныя формы именъ существ. на -т, -та, -ти.

Глаголь. Основы. Съ основами инфинитивовъ на *е*: гаварет' (гаварели...), кричет' кричала.), растет', стучет'. Такъ и въ великор. говорахъ Сибири. Основа на -и:—гонит': гонит' кони, стрелит' (=выстрѣлить). Основа на -ја: куплат' Основа наст. вр. перенесена въ основу инфинитива: забрет (забрели. забрет..), бл'уват' (бл'увал..), с'ас[т']', с'ал... (Ханх., Тарб.). Это заимствованіе общераспространеннаго въ Сибири образованія; держится и свое: *сел*. Обобщеніе соглас. *к, г* въ основахъ наст. вр. на *е-о*: т'ак'от', тк'от', жг'от'. Но—могут' Обобщеніе вида основы съ гласнымъ тематическимъ *и* въ језди: јездит', јездијут'. Въ основу наст. вр. перенесена основа инф.: пајут'. Въ употребленіи образованія съ основой *и*че: имет (береть; ср. и основы въ зајмуим'са — и др. Въ основахъ наст. вр. на -и форма 1 ед. имѣетъ основу съ тѣмъ же согласнымъ передъ окончаніемъ, какой является въ прочихъ формахъ: малат'у плат'у шкипат'у, прихфат'у суд'у, пасад'у, кас'у и кос'у и кашу (отъ лица, говорившаго—малат'у-), карм'у, куп'у, сп'у.

Окончаніе 3 ед. и мн. наст. вр.—т'. Такое же окончаніе имѣли эти формы и въ говорѣ старца Давыда (сборн. XLV. 1797). Но въ с. с. Тарбагатаѣ и Мухоршибири среди прочихъ наносныхъ явленій отражается и черта сибирско-великорусскихъ говоровъ—твердое *т*, хотя и эта черта свойственна рѣчи не всѣхъ старообрядцевъ указанныхъ селъ. Въ говорѣ лицъ употребляющихъ формы на *-т*, представлены и другія сѣв-великорусскія особенности: въ соотвѣтствіи *-ает'*, *-ет'* непременно бу-

детъ сказано — *ат*, *-ет*: знат, дават, умет. При этомъ въ говорѣ одного и того же лица встрѣчаются иногда подъярядъ формы съ *и* и *т*: *зат* и *знаит* и т. п. Изрѣдка попадаютъ формы на *-т* въ говорѣ отдѣльныхъ лицъ и въ другихъ селахъ. Форма безъ *т*: *мажа* («можетъ быть»). Гласный передъ *-т*, какъ и въ другихъ формахъ, проведенъ *о* вм. *е*: — жив'от, нас'от'. Но въ Н. Заганѣ отъ одной бабы слышалъ: живетъ, въ Куналеѣ: сабиресси. Имѣя въ виду послѣдніе при мѣры и общій характеръ семейщины, до ея пропитыванія чертами сибирско-великорусскихъ говоровъ, — семейщины, какъ говора южно-великорусскаго, съ вѣроятностью можно полагать, что *о* вм. *е* получилось въ связи съ такимъ же гласнымъ въ великорусскихъ говорахъ Сибири. Гласный въ ф. 3 мн. въ неударенномъ конечномъ слогѣ — *у*: гавор'ут', воз'ут', сход'утца, вид'ут... Такъ и въ сборн. старца Давыда.

Въ Тарбаг. въ употребленіи инфинитива на *-и* съ предшествующимъ согласнымъ основы перенесеннымъ отъ основы наст. вр. (*ж*, *г*): берекчи стерекчи памакчи. Такое образ. инфинитива широко распространено по великорусскимъ говорамъ Сибири, — съ запада до далекихъ окраинъ сѣв.-востока: текчи, лекчи, берекчи, запрекчи, бѣкчи, жекчи, стрикчи помокчи, волокчи, пекчи и др. Ср. также согласный *ж*, а не *г*, въ этихъ сочетаніяхъ, употребляемыхъ тарбагатайскими старообрядцами. Ясно, что и въ этой чертѣ тарбагатайскіе семейскіе пошли за «сибиряками». Въ Куналеѣ также отмѣчено такое образование инфинитива, но со своимъ согласнымъ передъ *-и*: памахчи. Въ Тарбагатаѣ представлены инфинитивы на *-ти*, которымъ распространено прежнее сочетание инфинитивной формы на *и*: памачти, слечти. Встрѣчаются инфинитивы на *-сти*: припасти, запасты Мухорш). Но обычно *с'т' → с'*: атвес' *шпас'* Н. Заг. Кун). Несомнѣнно, отъ «сибиряковъ» позаимствовали семейскіе инфинитивы *шэ'ас'[т']*, отмѣченный во всѣхъ селахъ. Но въ Ник. и Тарб. отмѣтилъ и прежній: *шэ'ат'*. Для объясненія *шэ'ас'[т']* укажемъ что по всѣмъ великорусскимъ говорамъ Сибири сохранено въ формѣ инфинитива сочетание *-с'ти* или *с'[г']*: састи, класти, жис', по пасти, кл'асти... Въ великорусскихъ говорахъ Сибири это *-сти* или *с'[т']*, какъ инфинитивное окончаніе, выгнѣсило собою старое окончаніе *-ти* послѣ гласнаго корня: вз'асти или *вз'ас'[т']*, достасти, добысти, убисти, дасти, брасти и др. Во всѣхъ селахъ семейскихъ говорятъ *жис'[т']* (бѣсть). Какъ гласный *и* свидѣтельствуетъ, этотъ инфинитивъ взятъ отъ «сибиряковъ».

По всей семейщинѣ употребляются неизмѣняемая формы причастій (дѣепричастій), въ значеніи сказуемаго: она была устамшы, јон испужамшы. јета ус'о было закипемшы (покрыто льдомъ). Н'авеска албимшы (отбилась. Хонх.). атец ум'оршы. нашата канава засрамшы (засорилась. Тарбагатай). хлѣб шэ'амшы. кон' атцѣда уз'амшы. пришотчи с' плену (пришелъ изъ плѣна). брат уехатчи. Эти причастныя формы употребляются и какъ нарѣчія: кур'ут' кратчи. воспу приввала кратчи. што натселис' р'авемшы? Въ семейщинѣ встрѣчается нерѣдко въ качествѣ нарѣчія и такое образование: патхад'ава или — патхад'ашша въ знач. «хорошо», «какъ слѣдуетъ». Послѣднее образование употребляется въ разныхъ мѣстныхяхъ и у «сибиряковъ»: потход'ашшо или — потход'а. «Какъ у васъ? — Потход'ашшо (или — потход'а-). Также повсемѣстно, отъ Западной Сибири до Анадыри, въ ходу и нарѣчіе «кратчи». Впрочемъ, у семейскихъ это образование могло быть принесено ихъ дѣдами изъ Европы: у ихъ сородичей на Вѣткѣ и въ Добруджѣ также извѣстно оно. И причастіе, въ значеніи сказуемаго, употребительное и въ говорахъ нестарообрядцевъ, представляетъ собою европейское наслѣдство. Какъ нарѣчіе, употребляется «згад'а»: н'амнога згад'а.

Въ глаголахъ на *-ся* представлено въ концѣ *с'а* и *си*. Въ сборникѣ старца Да-

выда встрѣчается и съ: здѣлалсы, осталсы, наоучалсыбы, оужаснулсы.

Нарѣчія, союзы, частицы. кагда, -ы, тагда, -ы, кажда, тажда, кавда, тавда, када, тада (см. выше). тажно (тогда, потомъ). ап'ат' и апет', лани, ланис', утре, заштр'а, шчара, шчарас'ка, седни, нон'ча и нын'ча. напрок (на тотъ годъ). позада. тапер', тапер'а, таперича; рѣже т'пер', тилерича (между прочимъ отъ древняго старика). де, але, иде, де-нибут' (см. выше), назаде, позаде (позади). назат' (назадъ), тутака, тамака, нима (см. выше. кола. аткэл' или аткел' и аткыл', аткул', аткэдыва, аттэл', аттэл'ва, аттыл', аттэда, аттыдыва, атцел', атцеда. пакэл'. куды. суды. скрос'. асон' и асоб'а. акром'а. скол' -л'ка, -л'ки, -л'ка или скока. стол. тол'ки, -'а. тока. ишо. паншо и пошта (почему). такм'а. вгун'. пачес' (почти). дишна. шыпка (очень). браша (агурцы растут' браша и т. п.) пушша. најпаче. зашс'а-ка-проста. нахратам (нахрапомъ), на-хфарт (на-хфарт итиг'—наудачу итти). аднака (вѣроятно. бытта (безъ особаго значенія; напр.: -јета бытта бат'ка мой—и т. п.). ал'а и ал' (или), ал'ба (или). хуш (хотя), жежели, жежли, јесли, јели језели, јез'ли. къли (къли ш гости—пагасты ш нас). эва и—эвана (указат.: вонъ, вонъ тамъ) ну! (въ знач. утвердительномъ: «да!»). Баба на улицѣ колотить дѣвчонку. Дѣвчонка вопіеть:.. Ај -шай, н'абуду! (Хонх.) Частица ка: тама-ка, тута-ка, нету-ка, пајду-ка... На многихъ изъ этихъ нарѣчій, союзовъ и частицъ также отражается вліяніе сибирско великорусскихъ говоровъ: апет', напрок тажно, назаде, назат', нима, пачес, за-вс ака проста на хфарт, аднака бытта, ну! (да!) частица—ка.

Изъ семейскаго синтаксиса можемъ отмѣтить только немногое. Форма вин. мн. *коми* употребляется въ значеніи дополненія: наши кони шгнат'. кони шгна. ли. пасти кони. пускат' кони. ни видал маих кони? па кони в'алит' итит. При сочетаніи съ «2» обычная великорусская форма на—а: два кон'а. Но -п'ат' кони, многа кони. Ср. и въ говорахъ Сибири: у ково *коми* нѣтъ (Нижнеудинск. уѣздъ).

Форма -ската- употребляется въ значеніи прямого дополненія: -кармит' ската, шз'ат' [шз'ас'г'] ската —Такъ и въ говорахъ Сибири (на востокъ).

Мѣстоименіе -кашо- имѣеть значеніе «кого» и «чего» («что»). кашо зделаиш? д'адин'ка, кашо н'ас ош? кашо работат'? кашо ш mine јес' (что у меня есть?). шон н'а знаит' кашо мы јадим. -каво ты дѣлаш -и въ говорахъ Сибири.

Въ сборникѣ старца Давыда (XLV. 1797), при передачѣ дополненія съ предлогомъ, предлогъ употребляется передъ именемъ и передъ относящимся къ существительному прилагательнымъ и мѣстоименіемъ. «къ рымскому къ заблуждѣнію, къ проклятымъ ихъ къ ересямъ и къ поганымъ ихъ обычаемъ. отидеть со всеми со своими со служащими со слугами и придотечими. прибылъ во благочестіи, во христовои въ вѣри, выстиннымъ въ пути и др.

Удареніе. Существ. туча, чишша (чаша), дачка (дочка), пара, 2 пары (пара лошадей, 2 пары; такъ и у сибиряковъ), дума (дума, мысль), ван'ка (вонъ), сан:и (—и у сибиряковъ), пакасники, на гару, платину прудит'. Въ сборникѣ старца Давыда: слуги, три перста.

Прилагат. дишавој (—на этомъ слогѣ удареніе и у сибиряковъ), атец роднај, мат' раднаја, нашој, нашој рас (—о- въ этомъ словѣ и у сибиряковъ).

Мѣстоим. тому.

Глаголь. гавориш, -т', гавор'ут', гаворили; прудит', работат', робит, паложыт' (на -ло- удареніе и у сибиряковъ), пакастит' (на -ти- и у сибиряковъ) павернит', пасли, припасла, -ли, шз'али, прадали, жили, было, были. Въ трехъ послѣднихъ случаяхъ удареніе на послѣднемъ слогѣ отмѣчено и въ великорусскихъ говорахъ Сибири. Но удареніе въ указанныхъ формахъ (въ частности въ -было-, -были-)

представлено было и въ говорѣ старца Давыда. Съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ эти формы употребляются и старообрядцами Добруджи. Въ говорѣ старца Давыда удареніе на послѣднемъ слогѣ имѣла и форма 2 л. наст. для нѣкоторыхъ глаголовъ: творите (2 раза на одной стран., 3 ей).

Лексика. а: ал'ба (или). аламус (высохшія мѣста въ полѣ). аргал'ник (растеніе вродѣ «шипишки»,—что растеть по «аргалу», т. е. по сухому навозу, кизяку). бич (кнутъ). бол'ки (нарывы). батвин'на (квасъ изъ поджаренныхъ отрубей). брав'я (хорошій),—брав'я сарахфан; брана (хорошо). братка! (обращеніе къ брату). брехат' (врать). брихн а. бричка. бруква (брюква). бул ба (картофель). бурун (теле-нокъ на 2 ой годъ). бутун (озимый лукъ). в: вервы (веревки) вершина (верховой, ѣдущій верхомъ). винник (виновный). ванка (вонь), вон'киј (вонючій). г: гл'анитпа (нравится). гнат' злобу (злобствовать). гној (навозъ). гнус (насъкомья). ганошит', -с'а (готовить, ся). гарабей (воробей). итит' на горло (итти на-проломъ). на грутки лес'т' (силою итти). галупки гуркужут'. гухај (свинья). д: дастат' начал'ника. диваха (дѣвушка). дума (мысль, дума). ж: жопа (кромѣ обычнаго значенія имѣеть значеніе вообще за да ч.-н.; старушка указывая мнѣ на обгорѣлую заднюю часть избы, говоритъ: «эвона, жопа абгарела»). журавец (журавль у колодца). л: забит', забит' да смерти, забил бы и о и бросил. загадат' (позвать, оповѣстить, заказать, —зага-дат' на схот загадат падводу. закипит' илдом (затянется льдомъ), жета ус'о было закйпемши (покрыто льдомъ). запан (фартукъ). заплот (заборъ). зарит' (разорягъ). застин' сел у застин' (въ тѣнь). з'ал'онка или атава зимав'ю. и: истав'я (настоя-щій). ичиги (видъ сапоговъ) ј: јавку дават' (показаніе давать). јаловка (яловая земля), јеман (козель). к: каз'онка (кладовая). казнит' съ преф е: казнит', тибе казн'у. калтус (уваль съ болотомъ). канејки (вообще деньги, такъ и у алтайскихъ «поляковъ»—старообрядцевъ). кардон или јетап (арестантская). карандус (тарантасъ). клат' (скирдъ). карагот вод'ут', ковал'. каласник, каласница (сарай для колоса, со-ломы). кургашки (ягнята, вино кур'ут'. курма (одежа, см выше). кучери (см. выше). л: лебеда—либида. леденик (ледникъ, куда кладуть покойниковъ, подлежащихъ осмотру вскрытію). лемех литовка. (коса). ладон (токъ). ланчак (годовалый жере-бенокъ). м: мат'угом стругатца (по-матерному изругаться). мачатила (дѣль). морак, марака ход'ут' (дождевыя облака ходять). мят—по-нашнему дрисн'а, мутырна (за труднительно). н: наз'ом. хлеп стаит' у народах. итит' натурај (силой). навој (иной). насул'ка (деревянный четырехольникъ на мордѣ у теленка, чтобы не сосаль коро-вы). халат на растапашку. настругат' (подговорить, натравить). на шшэт (на-счетъ). о: обжа или аглобл'а (по мѣстностямъ; первое напр. въ Куналеѣ, а второе въ Тар-багатаѣ). абиждат' (обижать). абр'ат (нарядъ). дочка даг'ми ансанилас'. арала (соха съ однимъ сошникомъ). атворка (форточка). в-аткрытку кур'ут' (открыто курять). н: падушка (падина). на маих пам'ат'ах. паут. перс[т], персты. пил'насти (заботы). пихтар' (пихтовья деревья). пл'атен'. песни п'ајут',—р'авут'. подморнаја зимл'а (чер-ная, сильно высыхающая почва). пабирушка (нищій). павеки (подволока). памачка (дождемъ). пасел' (выселокъ), паскотина. пасекли паскотину (подрубили паскотину). 25 пасудин хлеба. патужнаја вада (сильная вода), патуга ат'ыл'да. пахфалка пр'асла. пригон (скотный дворъ). прималотн'яј хлеп. л'от преит' (таеть). правалаводит' (про-возиться). карова прапала (издохла) просываја крупа (пшено). простој (пустой не-занятой). прахалодн'яј (прохладный) карова прачин'аит' (починаеть). р: рачен'е. р'а-вут' песни. ритават', р'атујт'а, атец думал сына атритават у бур'ата, паритават' (помочь). рагалы—долгаја т'алега. халат на-расташку. рыпат' (куражиться). с: с'астринец. сејанки (ночвы). сес[т] на-жопу (приподняться изъ лежащаго поло-

женія'. сидет' самагонку (гнать самогонку). итит' на-силок (силою). син авицы (синяки). слых (слухъ). см'аротнаја яму приготовили. сопка (оголенный крутой холмъ). ст'ах (шестъ). карова стел'на. стин' (тѣнь). стукатолк (стукъ). суслон (куча въ 10 сноповъ). да сутерпу (пока можно терпѣть). т: тавро (печать со знакомъ, которой мѣтятъ лошады). талина (тальникъ). тварит' (дѣлать). талмачит' (о ребенкѣ, начинающемъ говорить). т'анигус (подъемъ въ гору). трет'т'ак (жеребенокъ на 3-й годъ). трапит', трафит', трафилас'. наша сила у тук нейд'от'. турит' (гнаться). д'авч'онка захфарала, турусит', кричит'. туесок. тын. у: шупуут (уповодъ). урнак (варнакъ). усвидат', ус'яал (увядать, увяль). ф,х: хфурманка, хурман (видъ повозки). хмарит',— а дажда нету. шутрам хмарна было. на-хратам брат' (нахрапомъ брать). хфарт (удача), на-хфарт итит'. хрушкѣ (крупный). ц: цапн'ак (ведро у колодца для черпанья). ч: чай чајлонскѣ. чичаснаја врем'а (настоящее время). ц: шшып'аткој (красивый).

И въ словарномъ составѣ отражаются два діалектическихъ пласта: 1) южно-великорусскій, съ нѣкоторой примѣсью заимствованій, сдѣланныхъ на юго-западѣ ¹⁾, и 2) сибирскій, сѣверно-великорусскій. 1) Напр.: брехат', бул'ба, гарабей, забит', кучери, гној (навозъ), плетен', патужнѣ, ритават', трапит', хмарна, нахратам и нѣкоторыя другія. (Объ ал'ба, пил'насти... см. ниже). 2) Въ словарномъ отношеніи говоры Сибири обобщаются съ говорами сѣв.-востока европейской Россіи: Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Пермской, Вятской г.г. Кромѣ того, въ теченіе жизни въ Сибири они развили нѣсколько своихъ образованій и заимствовали рядъ словъ отъ другихъ языковъ Сибири. Семейскіе позаимствовали отъ «сибиряковъ» и многое въ отношеніи словаря. Напр.: бутун, ганошут', -с'а, гнус, диваха, заплот, ичиги, калтус, карандус, литовка, паут, падморнаја зимл'а, сопка, стин, т'анигус, туесок, упуут (уповодъ), шпышка, хфарт и др. Въ Забайкальѣ же позаимствовали семейскіе рядъ бурятскихъ или монголо-бурятскихъ словъ. Это позаимствование сдѣлано было непосредственно отъ бурятъ, вслѣдствіе своихъ связей съ ними съ первыхъ же лѣтъ поселенія въ Забайкальѣ. Но нѣкоторыя изъ этихъ словъ могли перейти къ семейскимъ и при посредствѣ «сибиряковъ». аргал, аргал'ник (бур. аргһал), бурун (бур. буру; халхасско-монг. біру), гухај (бур. гахај, гаха—съ долгимъ а), јеман (бур. јаман, халх.-монг. іман), кургашки (хори-бур. хур'игһан, халх.-монг. и селенг. хуриг или хуригһа), курма (халх.-монг. и южно.-монг. курме, курем хурме хурем, хори-бур. хурмо, -е—съ у ближе къ среднему или переднему ряду). Одинаково съ «сибиряками» семейскіе зовутъ бурята «брацкимъ», а бурятку «брачохой» (брачоха), въ почтительно-дружественномъ обращеніи къ буряту они называютъ его «тала», «талаша» (бур. тһала—пріятель).

¹⁾ Такого же происхожденія словарныя заимствования находятся и въ языкѣ старообрядцевъ—«поляковъ» на Алтаѣ, въ Владимирской и Риддерской волостяхъ Змѣиногорскаго округа: треба, хйба, подивит'ся (посмотрѣть) и др. Также одна заимствованная пѣсенка съ чертами языка тѣхъ, отъ кого она была перенята, указываетъ на юго-западѣ европейской Россіи:

Сидѣлъ москаль на прилавочкѣ
Призащуривъ очи—
Такъ и видно, что онъ, бѣдный,
Варениковъ хоче.
Хотѣлъ бѣдный москалекъ,
Сталь женку пытати:
Хозяюшка, голубушка,
Свари мнѣ инъ-то, чу...
—Что, чего тебѣ зварити?..

Пошелъ москаль зъ хаты,
Съ голоду сердитый
Подбѣгаетъ ко ученью,
Сталъ почитати.
Біють, біють москалюку
Вину вспоминають...
(«Записки Зап.-Сиб. Отд.
Р. Г. Об-ва», кн. XXVI, 28, 56-57).

Займствованія изъ языка о б щ е р у с с к а г о, «образованныхъ» классовъ: астрицкѣ —братъ убит на стрицкам хронт'ѣ. згарнизавалис' (сорганизовались). л'армиѣ (редигія), лебизацѣя и билизацѣя (мобилизація). жѣнскѣ полк. распублика, — пар'атку нету. адна распублика; ш нас пашла такаѣ распублика! (у липованъ Добруджи болѣе подходящее турецкое слово—калабалык). сур'юс, стали сур'юзничат' (ссориться). начал'ства шшадит' (читать, уважать).

Отвѣтитъ на вопросъ, съ какими русскими говорами семейщина издавна составляла одно языковое цѣлое, затруднительно, вслѣдствіе многихъ діалектическихъ наслоеній, отразившихся на семейщинѣ не только здѣсь, въ Сибири, но и тамъ, въ Европѣ. Легче опредѣлить ту область, гдѣ нѣкоторое время жили предки семейскихъ до переселенія въ Сибирь. Эта область—сѣверная часть Черниговской губ.—Стародубье, или сосѣдній край Могилевской губ.—Вѣтка. Тѣ старообрядцы, которые живутъ и по сіе время тамъ, представляютъ въ своемъ говорѣ всѣ главныя черты, одинаковыя съ говоромъ забайкальскихъ старообрядцевъ, если отвлечь отъ говора послѣднихъ сибирскія наслоенія. Вотъ нѣсколько чертъ говора старообрядцевъ, живущихъ на Вѣткѣ¹⁾. 1) Аканье и яканье такое же, какъ у забайкальцевъ. 2) Длительный согласный *і* или *іі*; съ такимъ же *і* «карагод». 3) Употребленіе совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ у забайкальцевъ, неслогового *у*, чередующагося иногда со слоговымъ *у*. 4) *хв* (*хѣ*?). хвороба... 5) *ом*→*у*: богуродица, гусподь, виновата. 6) Въ формахъ именъ: дат. ед. жен. на *-ы* съ удареніемъ (kozy); родит. муж. на *-у* (съ дому, удоль карагodu, хмелю). 7) Въ формахъ мѣстоименій и прилагат.: для мѣстнаго муж. ед. окончаніе *ым*, *им* (въ високомъ терему); оконч. *-во* (*-ва*) для род.-вин. ед. м. и ср. (ево, тваво, сваво...); мине, тибе, сибе; сложныя формы «этый» (этѣ), [тѣ]; съ гласнымъ *и* мѣстоим. «чія». 8) Въ глагольныхъ основахъ: *плювать*, *пѣдиють*, *кричать*: «Въ Маши сердце не стерпѣло, громкимъ голосомъ кричала» (ср. риему въ произношеніи: *ела*: стерпела—кричала). 9) Окончаніе *т'* въ 3 ед. и мн. наст. вр. 10) Причастныя формы въ значеніи сказуемаго («самоваръ закипѣвши»). 11) Предлогъ *с* (*э*) вм. *из* («съ дому»). 12) Удареніе: *работать*. 13) Изъ словаря: *матка*, *батька*, *бравѣ* («дѣвчоночку бравую, бѣлую румяную»).

Какъ на семейщинѣ отразилось вліяніе Сибири, такъ и на говоры оставшихся ихъ собратіи на Вѣткѣ и въ Стародубѣ продолжали воздѣйствовать говоры тамошнихъ давнихъ поселенцевъ—носителей бѣлорусскаго нарѣчія, смѣшаннаго съ малорусскимъ и слабѣе съ южно-великорусскимъ²⁾. Ср. изъ словаря вѣтковскихъ старообрядцевъ: *жинка*, *коханочка*, *личши лучше*, *було, чи (чи жива твая семья?)*, *попытайте* (спросите). Лексическія данныя семейскихъ свидѣтельствуютъ также, что предки этихъ старообрядцевъ жили въ Западномъ краѣ, гдѣ былъ силенъ культурный элементъ польскій, отразившійся на лексикѣ тамошнихъ русскихъ (бѣлоруссовъ). Кое-что изъ этихъ займствованій переняли и предки семейскихъ. Словарь семейскихъ сохраняетъ воспоминаніе объ этомъ. Ср. такія слова, употребляемая и въ настоящее время семейскими: *ал'ба* (или), *пил'насти*, — передачу польскаго *król* въ игрѣ: *козул'*, *козул'а*; *забит'*, *загадат'* (заказывать, созывать), *э* вм. *из*. Можетъ быть, по западному семейскіе называютъ кузнеца «ковал'». Впрочемъ то же слово

¹⁾ Пользуемся замѣчаніями и записями, сообщенными И. С. Абрамовымъ въ «Живой Старинѣ» 1907 г., в. III. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія очень скудны а записи малоудовлетворительны.

²⁾ Объ этихъ говорахъ см. въ «Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ», 1910 г., т. XV. кн. 1 и матеріалы въ «Жив. Старинѣ», 1901 г., XI, вв. II—IV («Литвино-Бѣлоруссы Черниг. г.» М. Н. Косичъ), а также записи въ «Варшав. Университетскихъ Извѣстіяхъ» 1914 г., IX.

и съ удареніемъ на первомъ слогѣ) употребляется и на сѣверѣ Россіи, напр., въ Кадниковскомъ у. Вологод. г. 1). Съ запада, вѣроятно, вынесли семейскіе «брычку» («брычку»), «хфурманку» и тамъ же научились называть сумрачную погоду «хмарной», дождевня облака — «хмарой» (имѣется и сѣв.-великорусское названіе—«марака»).

По вопросу о томъ, изъ какой области предки семейскихъ переселились въ область Польши или къ рубежу ея, укажемъ прежде всего на ближайшее отношеніе говора семейскихъ къ говору старообрядцевъ—липованъ, живущихъ въ румынской Добруджѣ въ округѣ Тульчи. О выходѣ своихъ предковъ изъ «Польшы» и эти старообрядцы какъ и забайкальцы, еще помнятъ 2). Предки и семейскихъ и липованъ принадлежали къ одной діалектической группѣ—*южно-великорусской*. Въ мѣстахъ новаго жительствова въ послѣдующее время они восприняли рядъ чертъ другихъ русскихъ діалектовъ: семейскіе отъ сибиряковъ—сѣв.-великоруссовъ или средне-великоруссовъ, а липоване отъ малоруссовъ (напр.: твердое *ч*, *вр* въ «кырчма», какъ на южной окраинѣ Галиціи; шукаемъ чуετε, гарманъ-токъ). Кромѣ указаннаго наслоенія, въ говорахъ этихъ разобщенныхъ старообрядцевъ отразилось вліяніе иноязычное, не славянское: въ Забайкальѣ монголо-бурятское (ср. вышеуказанныя слова), въ Добруджѣ 1) румынское и 2) турецкое; ср., напр., слова, вошедшія въ рѣчь липованъ: 1) амендъ (штрафъ), амендуить (3 ед.), либеръ (свободный), перчепторъ (сборщикъ податей), прехфектъ; 2) бакшишъ (взятка), дескире—пашпортъ по ихнему [по турецкому], ехвендій (господинъ), каймаканъ (см. «каймакамъ»—уѣздный начальникъ), калабалыкъ (безпорядокъ): «у насъ такой калабалыкъ поидеть—не дай Богъ» (—у семейскихъ, какъ и у «сибиряковъ», для этого служитъ «распублика»); марафеть (милость).—Рядъ общихъ чертъ въ говорахъ семейскихъ и липованъ въ звукахъ и формахъ отмѣченъ выше, при описаніи говора семейскихъ. Ср. слѣдующія явленія: 1) Одинаковыя замѣны неударенныхъ *а, о, е*. 2) Неслоговое *у*, чередующееся съ слоговымъ *у*, употребляется въ тѣхъ же условіяхъ, какъ у семейскихъ; неслоговое *у* и см. начальнаго неудареннаго *у* 3) *кв* см. *ф* ехвендій, прехфектъ). 4) *у* въ окончаніи родит. ед. (пелену, Дунаю, аменду; *ов* въ оконч. формы родит. мн. (дѣловъ). 5) Въ формахъ мѣстоименій: *мине*, *тибе*, *себе* (род. вин.), *той*, *тую*, *етой* (тотъ, ту, тототъ, етые (им. мн.), етыми; оны. 6) Въ глаголахъ *стрѣлиль*; *займутся*; *т* въ ф. 3 ед. и мн. «волокетъ, спить, хотять, сманють, пытають»; *-'ум'* въ удар. слогѣ формы 3 мн. (сманють). 7) Нарѣчія: *идѣ*, *игдѣ*; *умирали цюже*, *шубко*; *скачуть(ь)* по степѣ двоѣ *вершино*; *откуль*, *откеда*, *скольки*, *стольки*; *коло* (коло Ка-лаорману). 8) Лексика и удареніе: *батька*, *брешите* (врете), *хмара*, *астрицкіе*, *было* и др.

Липоване Добруджи помнятъ и о томъ, что предки нѣкоторыхъ изъ нихъ переселились въ Добруджу съ Дона. До сихъ поръ еще держится тамъ, хотя и не сильный, «некрасовскій корень». Мѣры Петра Великаго по отношенію къ старообрядцамъ взволновали и донскихъ казаковъ. Къ тому же экономическія тяготы этого времени также беспокоили донцовъ 3). И «тихий» Донъ возмутился. Подъ предводительствомъ

1) «Живая Старина» XIII, в. 1—2, стр. 199.

2) «Мы давно изъ Расаи выбѣжали, изъ Стародубья. Дѣдушка мой, покойникъ, еще живъ былъ». В. Г. Короленко. IV, 258.

3) Настроеніе донского казачества такимъ образомъ выражено было въ посланіи Кондратія Булавина къ старшинамъ кубанскихъ казаковъ: «А если царь нашъ не станетъ жаловать, какъ жаловалъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ и прадѣдовъ, или станетъ намъ на рѣкѣ какое угтѣсненіе чинить и мы войскомъ отъ него отложимся.. и потому мы отъ своего Государя отложимся, что нашу вѣру христіанскую въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ нынѣ отнимаетъ бороды и усы, также и тайные уды у женъ и дѣтей насильно брѣютъ» («Рус. Старина», 1870 г., июль, 7).

Некрасова часть возставших казаков ушла въ 1708 г. на Кубань и отдалась въ крымское подданство. Позднѣе, по взятіи русскими Анапы, некрасовцы переселились въ Турцію, къ устью Дуная.

Съ Дономъ были связи и у семейскихъ до переселенія въ Сибирь и послѣ водворенія въ Забайкальѣ. Въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Стародубьѣ и около Вѣтки, откуда вышли «дѣды» семейскихъ, жило много старообрядцевъ,—выходцевъ съ Дона. Имѣется, напр., указаніе, что въ началѣ XVIII-го в. около Вѣтки находилась слобода изъ 65 старообрядческихъ дворовъ донскихъ казаковъ¹⁾. Когда старообрядцы поселились въ Забайкальѣ, среди нихъ дѣйствовалъ книжный чело­вѣкъ Петръ Буровъ, «бывшій казакъ Пятиизбянской станицы» (II-го Донского округа, на правомъ берегу Дона): см. вышестр. 22 Эти связи не ограничивались только общностью «древляго православія»: онѣ простирались и на общность діалектическую. Въ говорахъ старообрядцевъ Забайкалья и Добруджи представлены тѣ же южно-великорусскія черты, что и въ говорахъ населенія вдоль тихаго Дона, въ его верхнемъ и среднемъ бассейнахъ (—въ нижнемъ уже значительно отражается элементъ малорусскій, а отчасти и иноязычный,—греческій). 1) Длительный согласный *з* или *л* вм. взрывного *з*; длительный задне­небный согл. и въ словѣ—горобецъ. 2) То же аканье и яканье. 3) Употребленіе въ одинаковыхъ условіяхъ неслогового *у* въ томъ числѣ и вм. неудареннаго начальнаго *у*. 4) *-ка, -ку* послѣ мягкаго согласнаго, при рѣдкомъ *-ка, -ку*. 5) *хв* (*хф?*), *х*. 6) Обобщеніе основъ съ *о* вм. *э* (роту.). 7) Окончаніе *е* въ ф. род. ед. ж. р. (при *ы?*; у сестрѣ у Аннѣ. *е* въ формахъ: на степѣ, по грязѣ, въ грязѣ. У низовыхъ казаковъ *степ* и *дроб* (*н*) въ мѣстн. пад. передаются и съ оконч. *у*: на степу, на дробу. Такъ и въ Добруджѣ: на степу, на степѣ. Съ такимъ же гласнымъ (*е*) и нарѣчія: *сзадѣ, позадѣ*. Окончаніе *-ав, -ев* въ ф. род. мн. не только мужск. и ср., но и женск. (кошковъ, игрушковъ, бутылковъ). 8) Окончаніе мѣстоим. и прилагат. въ ф. род. п. м. и ср. р.—*во* (*ва*). Формы мѣстоименій: мене тебе, себе—род. и вин. (но въ дат.: тебе, сабе). яво, яѣ или еѣ; въ винит. и ею. маво, тваво, сваво. оны. 9) *-ми, -ми* оканчиваютъ форму им. мн. прилагательныхъ. 10) Глагольныя основы и окончанія: *вздѣютъ, нежѣшь, хожу, крутѣю, прося, чистѣю; -ютъ* въ неуд. окончаніи: *ходятъ*; неуд. окончаніе 2 л. мн. *-тя* (пуститя), *ся* и *си* въ глаголахъ на «ся». 11) Причастныя формы на *-миши*. въ знач. сказуемыхъ (наѣмшишь, напимшишь). 12) Въ нарѣчіяхъ: *ишо* (съ однимъ *ш*, при *ишишо*), *не-* въ—гдѣ-нибудь, куда-нибудь; *-идѣ, сколькои, столькои*. 13) Въ удареніи: *говоришь*. 14) Тѣ же словарныя заимствованія: *хмара, хмарить, коваль*. Къ сожалѣнію, скудные матеріалы по говорамъ Донской области (въ «Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ», т. 68) лишаютъ возможности отмѣтить рядъ другихъ важныхъ параллелей.

Представители «древляго православія» въ Забайкальѣ, на Дону, въ Добруджѣ жили раньше, до «никоніанскихъ нововводствъ», въ мѣстностяхъ, близкихъ одна къ другой, входили въ составъ одной этнической и діалектической группы,—южно-великорусской,—въ области къ югу отъ Москвы, въ предѣлахъ нынѣшнихъ Тульской, Орловской, Калужской, южной части Рязанской губерній. Сравните діалектологическій матеріалъ изъ этихъ мѣстностей съ данными говоровъ семейскихъ и донскихъ старообрядцевъ въ отношеніи звукового и формальнаго состава, а также лексики. Въ теченіе времени часть этого населенія передвинулась на свободныя земли въ Подоньѣ.

¹⁾ М. И. Лилеевъ. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Кіевъ. 1895. 266.

Если названіе забайкальскихъ старообрядцевъ: «с е м е й с к і е» принесли дѣды ихъ изъ Европы и не представляетъ измѣненія другого названія, то оно можетъ указывать на мѣстопроисхожденіе носителей этого имени: изъ мѣстности, имѣвшей отношеніе къ Семи (Сейму; ср. напр., курскія названія Сейма: Семъ, на Сямя, за Семью..). Географическія названія отъ «Семи» находятся не только въ областяхъ по близости къ Семи (напр., с. Засемье Тимск. у., Курской г.), но и въ сторонѣ отъ Посемья. Такова слоб. Семейка на правомъ берегу Дона (въ Острогожскомъ у., Воронеж. г.). Но такое происхожденіе своего названія семейскіе забыли и толкуютъ его происходящимъ отъ слова «семья»: «сибиряки» жили въ-одиночку, а ихъ дѣды пришли съ семьями, а потому и прозвались семейскими. Такъ объясняютъ теперь забайкальскіе старообрядцы свое названіе. Такое же толкованіе предлагалъ въ свое время П. А. Ровинскій ¹⁾. Затруднительно согласиться съ такимъ толкованіемъ: ожидалось бы прилагат. «семейные»; суффиксъ же *ск* опредѣляетъ въ данномъ случаѣ отношеніе къ мѣстности, выраженной посредствомъ основы. Но если дѣйствительно отъ «семьи» повелось названіе старообрядцевъ, пришедшихъ въ Забайкалье, то полагаемъ слѣдующее. Сначала они прозваны были здѣсь «с е м е й н ы м и». Могу сослаться на указаніе отъ 20-хъ г. г. прошлаго столѣтія, принадлежащее А. Мартосу, если онъ только вѣрно передалъ названіе старообрядцевъ. «Старообрядцы пришли сюда семьями, водворены семьями и потому сохранили доселѣ имя «*семейныхъ*» ²⁾. Въ теченіе времени названіе «семейные» замѣнилось названіемъ «семейскіе», съ суф. *ск*, чтобы выразить не семейность ихъ (—ею и «сибиряки» обзавелись), а географическое опредѣленіе, по аналогіи съ другими географическими названіями съ *-ск-*. Такъ можно объяснить возникновеніе названія «семейскіе» вм. «семейные». И такая замѣна, если она дѣйствительно имѣла мѣсто, произошла уже до 1830 года. Декабристъ бар. А. Е. Розень, побывавшій вмѣстѣ съ другими декабристами въ этомъ году въ старообрядческихъ селахъ, сообщаетъ между прочимъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «Здѣсь [въ с. Тарбагатаѣ] и на протяженіи пятидесяти верстъ кругомъ живутъ все *семейскіе*» ³⁾. Нѣсколько ниже Розень объясняетъ происхожденіе этого названія: «Имъ позволено было... переселиться въ Сибирь съ женами и дѣтьми, отчего и получили наименованіе Семейныхъ или Семейскихъ». Изъ сообщенія Розена не явствуетъ, чтобы старообрядцевъ тамъ называли «семейными»: это слово употреблено въ запискахъ въ качествѣ поясненія къ слову мѣстному: «семейскіе». А это обстоятельство вызываетъ сомнѣніе въ достовѣрности указанія Мартоса: по всей вѣроятности, онъ употребилъ общерусское прилагательное (семейные) вм. мѣстнаго названія: «семейскіе» — употребилъ въ силу указанной этимологіи ⁴⁾.

IV.

Въ предшествующемъ очеркѣ было указано на связь забайкальскихъ старообрядцевъ съ вѣтковскими и стародубскими. Объ этой связи свидѣлствуютъ и данныя языка, и традиція, и черты быта, и письменность забайкальскихъ старообрядцевъ. О языкѣ говорилось выше. О своемъ переселеніи изъ «Польши» до сихъ

¹⁾ Изв. В. С. О. Р. Г. О. 1872. т. III, № 3, 125.

²⁾ Письма о восточной Сибири, Алексѣя Мартоса. М. 1827. 115.

³⁾ Курсивъ записокъ. «Отечеств. Записки». 1876 г., № 4, 410—411.

⁴⁾ Впрочемъ, и въ европейской Россіи встрѣчается прилагат. «семейскій» вм. «семейный». Такъ въ с. Радомиль Московскаго у. («Сборн. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н.» т. 68, стр. 151).

поръ помнятъ семейскіе; только забыли, изъ какихъ именно областей ея. По мѣсту выселенія они назывались раньше «поляками». Такъ называлъ ихъ Палласъ (см. ниже). Подъ этимъ же именемъ они были извѣстны и позднѣе. «Туземцы называютъ ихъ «поляками»,—писалъ декабристъ Якушкинъ¹⁾. Ихъ сородичи на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ окр., подъ именемъ «поляковъ» извѣстны до сихъ поръ²⁾. Полнѣе память о мѣстѣ своего исхода сохранялась въ началѣ прошлаго столѣтія. С. Мартосъ, побывавшій въ Тарбагатаѣ, сообщалъ со словъ старообрядцевъ, что они—«жители Стародуба, Добрянки Гомеля»³⁾. Декабристамъ тоже указывали эти старообрядцы на Гомель, а также на Дорогобужъ (Смолен. г.), какъ на области откуда шло переселеніе въ Сибирь⁴⁾. Бытовыми явленіями, своимъ костюмомъ, своими постройками чертами своего характера семейскіе также ближайшіе сородичи стародубскихъ и вѣтковскихъ старообрядцевъ⁵⁾. Въ сохраненіи традиціоннаго костюма забайкальцы оказались тверже своихъ сородичей на западѣ,—въ Черниговской и Могилевской губ. Въ послѣднихъ мѣстностяхъ въ большомъ ходу мѣщанскій; городской костюмъ: см. замѣчанія и снимокъ въ IX-мъ т. «Россіи» (стр. 203—205). На этомъ снимкѣ женщины въ такомъ костюмѣ, который въ Забайкальѣ еще не осмѣливаются надѣть; у мужчинъ такой же костюмъ какъ и въ Забайкальѣ. Парчевые кокошники, богатые сарафаны бархатные съ золотымъ шитьемъ повойники, мѣховыя накидки («жерелки») и другія старинныя одѣянія нашли себѣ пріютъ въ сундукахъ.

Своимъ трудолюбіемъ, рачительностью вѣтковецъ (стародубецъ) и семейскій—родные братья. Не лишне отмѣтить и такую деталь въ характерѣ старообрядцевъ на западѣ, на Вѣткѣ. «Среди населенія Черниговской губ. сложилось мнѣніе о старообрядцахъ (можетъ быть, на основаніи прошлаго), какъ объ опасныхъ, не знающихъ пощады, сосѣдяхъ»⁶⁾. То же самое говорили и говорятъ о семейскихъ. Признаюсь—меня прямо-таки терроризовали передъ отъѣздомъ къ семейскимъ неблагоприятными отзывами о нихъ, сообщавшимися мнѣ разными лицами, имѣвшими отношеніе къ этимъ старообрядцамъ. А заботливые чины милиціи въ одномъ селѣ не совѣтовали мнѣ входить въ избы другого села, куда я направлялся; даже днемъ по улицѣ этого села будто бы боятся посторонніе проѣзжать. а берутъ направленіе въ сторону отъ этого опаснаго мѣста. Несомнѣнно, поводы для такой аттестаціи имѣлись. Но по-вторюю, я находилъ самый радушный пріемъ у семейскихъ. Подозрительность, замкнутость семейскихъ замѣнялась откровенной бесѣдой, какъ скоро они узнавали, что никакой цѣли, направленной къ угнетенію ихъ, у меня не было. И еще, хотя и незначительная, параллель: вопреки писанію, сильная склонность къ удручаю-

¹⁾ Рус. Архивъ. 1870, № 8—9, 1614.

²⁾ Объ этихъ старообрядцахъ см въ статьяхъ: М Швецово: «Поляки» Змѣиногорскаго округа (Зап. Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, кн. XXVI Омскъ 1899); Г. Д. Гребенщикова: «Рѣка Уба и Убинскіе люди» (Алтайскій сборникъ, т XI, Барнаулъ. 1912); А. Новоселова: «Отчетъ о поѣздкѣ на Алтай» (Изв. Зап. Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва 1913 г., в 2); его же: «Умирающая старина» (Зап. Семипалат. Подъотд. Зап. Сиб. Отд. Р. Г. Об-ва, в X); С. Чудновскаго: «Раскольники на Алтаѣ» (Сѣв. Вѣстникъ, 1890 г., 71—72)

³⁾ Письма 114.

⁴⁾ Записки бар. Розена, 411.

⁵⁾ О Вѣткѣ см. сообщенія И. С. Абрамова: «Старообрядцы на Вѣткѣ». (Живая Старина, 1907, в III). О другихъ старообрядцахъ на западѣ см. нѣкоторыя свѣдѣнія въ IX-мъ т. «Россіи», подъ ред. Семенова, стр. 208—207.

⁶⁾ Абрамовъ. Ibid. 134.

шей ругани. «Необычайно свирѣлую ругань, не употребляемую въ печати», слышалъ И. С. Абрамовъ на Вѣткѣ. Не менѣе свирѣпо сквернословятъ и въ Забайкальѣ.

Рукописныя и печатныя книги забайкальскихъ старообрядцевъ также указываютъ на связь послѣднихъ съ западомъ. Нѣкоторыя забайкальскія рукописи обнаруживаютъ, что ихъ составители пользовались текстами западно-русскихъ писателей, — текстами съ значительными чертами польскаго языка. Изъ печатныхъ книгъ въ Забайкальѣ имѣлись такія, какія были напечатаны, «друкованы» въ области Польши и юго-западной Россіи. Вотъ, напр., старообрядческой забайкальской рукописный сборникъ (Ирк. Д. Сем. XLV 1806) со статьями о послѣднихъ дняхъ міра, о пришествіи антихриста о страшномъ судѣ. «Выписано изъ многихъ разныхъ книгъ». Тутъ между прочимъ сообщено: «поваленныя ризы никому же на пол'зу будутъ. на цестахъ плачь и в домѣхъ плачь... цеста бо путь нарицается» (л. 9). Изъ сборника старца Давыда (Ирк. Д. Сем. XLV 1797): «платю антихристово по полской речи пятно, а по рускому печать, которое слуги его на руцѣ правой и на челѣ своемъ будутъ имѣти». Вотъ еще старообрядческой сборникъ (Ирк. Д. Сем. XLV. 1798). Составитель включилъ въ свою рукопись прямо безъ измѣненія большой важности и глубины отрывокъ от книги Стефана Зизанія, друкованой в' Вильнѣ в' четверть листа, на осмый артикуулъ бызнанъ вѣры, и о антихристѣ. Сумма всѣхъ знаковъ антихристовыхъ тотъ есть розум, хто маеть, нехай зрахоуе личбоу звѣря, а бо вѣмъ личба челоуѣка и личба его есть ббб... еще и третяго смока оуказоует, мовячи, и видѣлемы изъ оустъ смоковых. изъ устъ «звѣря» и т. д. Въ той же рукописи обличаются «банкеты». — Въ рѣчи старика-татарина въ Н. Заганѣ, родившагося и выросшаго въ этомъ селѣ среди семейскихъ, я отмѣтилъ глаголь «банкетовать». — Ссылки на книги юго-западныхъ писателей встрѣчаются во многихъ сборникахъ забайкальскихъ старообрядцевъ: на требникъ Петра Могилы, на книги Лазаря Барановича, на «апокалиписисъ польскаго нарѣчія», на Кіевскій «диалогизмъ» и др. Въ числѣ книгъ принесенныхъ съ запада, были и западно-русскія рукописи. Таковъ большой сборникъ (безъ заглав. листа и начала) XVIII в. о крестѣ (изъ рукоп. Троицкаго монастыря). Этотъ экземпляръ кончается XI ой главой 3-ей книги (л. 176-й). Передъ каждой главой имѣется по нѣскольку риемованныхъ стиховъ. Стихи имѣются и въ срединѣ главъ. Вся книга содержитъ бесѣду, которой Христось поучаетъ Ставрофѣлю о крестѣ, его видахъ и крестоношеніяхъ, о значеніи ихъ и размышленія. Языкъ сборника представляетъ въ себѣ отраженія говора малорусскаго, имѣющаго і вм. ѣ и вм. ѣ и: ср. слѣдующія риемы съ ѣ и и, съ ѣ и и.

Да здравствуеши тѣломъ вся хоцешъ Аще кто хоцет истый оученикъ мой быти.
носити. Отвергся себе, кре[с]т свой да изволить
Но ч[ес]ть, часть д[у]ши болшу, разсуждай носити (л. 52 об.).
имѣти (л. 32 об.).

Книги виленской печати не только читаются, но и переписываются въ Забайкальѣ. Ср. цвѣтникъ, переписанный П. Овчинниковымъ (см. выше).

Когда поселились старообрядцы въ Забайкальѣ? По сообщенію иркутскаго лѣтописца въ декабрѣ 1756 г. они добрались до Иркутска. «Сего[1756] года пришли въ Иркутскъ польскіе старообрядцы для поселенія за Байкаломъ. Ихъ сопровождалъ подполковникъ Ивановъ» ¹⁾. «Въ декабрѣ мѣсяцъ, — записано въ другой лѣтописи — въ разныя числа приведены въ Иркутскъ переведенцы [польскіе?] и за ними подполков

¹⁾ «Иркутская лѣтопись», съ предисловіемъ, добавленіями и примѣч. И. И. Серебренникова Ирк. 1911, 75.

никъ Иванъ Ивановъ, кои изъ Иркутска и-отправлены въ Нерчинскъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1757 года, подполковникъ отбылъ въ Тобольскъ¹⁾. Инымъ годомъ, болѣе раннимъ опредѣляетъ приходъ семейскихъ въ Забайкалье декабристъ Розенъ Въ с. Десятниковъ, по пути изъ Читы въ Петровскій заводъ, 1830 г. декабристы встрѣтили «110 ти лѣтняго бодраго старца, который прибылъ сюда въ числѣ первыхъ Семейскихъ изгнанниковъ въ царствованіе имп. Анны Ивановны въ 1733 г. [?]; ему было тогда 30 лѣтъ отроду; онъ хорошо помнилъ обстоятельства дальняго переселенія и первоначальнаго устройства» (Зап. бар. Розена. 413). Но въ этихъ цифрахъ есть противорѣчіе: если переселеніе было въ 1733 г., то сообщавшему было тогда лѣтъ 12; а если ему было тогда около 30 лѣтъ, то переселеніе происходило позднѣе. Вѣрнѣе, что старикъ припо забылъ годъ переселенія (если это не добавленіе Розена), а не свой возрастъ, и слѣдовательно, это переселеніе относилось къ 50-мъ г.г. XVIII в. Съ этой датой согласуется и Иркутская лѣтопись. Были переселенія старообрядцевъ и въ послѣдующіе годы: въ 1768 и въ 1780²⁾. Въ 1765 году было издано распоряженіе объ отсылкѣ въ Сибирь недобровольно возвращающихся изъ Польши и Литвы бѣглецовъ³⁾. Часть высланныхъ старообрядцевъ была поселена на Алтаѣ. О пути, пройденномъ «польскими» старообрядцами до Забайкалья, Мартосъ, со словъ, вѣроятно старообрядцевъ, сообщилъ, что «они слѣдовали водою изъ Калуги до Верхотурья и продолжали итти далѣе сухимъ путемъ. Въ Тобольскѣ сформировали изъ нихъ два пѣхотныхъ полка: Томской и Селенгинской; остальныхъ затѣмъ раздѣлили надвое: одна часть поселена по Иртышу, другая за Байкаломъ»⁴⁾. Объ этомъ пути помнили забайкальцы еще въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія. Съ ихъ словъ С. В. Максимовъ записалъ слѣдующій рассказъ. «Народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (бараки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ пришли уже малыми частями». Перечислено нѣсколько фамилій первыхъ поселенцевъ существующихъ и понынѣ, но съ увеличившимся разъ въ 25 количествомъ членовъ ихъ⁵⁾. О водвореніи семейскихъ, въ частности тарбагатайцевъ, въ Забайкальѣ декабристы узнали слѣдующее: «Прибывъ за Байкалъ въ Верхнеудинскъ, явились тамъ комиссару, который отъ начальства своего имѣлъ повелѣніе поселить ихъ отдѣльно въ пусто-порожней мѣстности. Комиссаръ повелѣ ихъ, въ концѣ великаго поста, въ дремучій лѣсъ по теченію рѣчки Тарбагатай, позволилъ имъ самимъ выбрать мѣсто и обстроиться, какъ угодно, давъ имъ четыре года льготы отъ платежа подушныхъ податей. Каково было удивленіе этого чиновника, когда посѣтилъ ихъ чрезъ два года и увидѣлъ красиво выстроенную деревню, огороды и пашни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ за два года былъ непроходимый лѣсъ»⁶⁾. С. В. Максимоу семейскіе такъ рассказывали о поселеніи въ Забайкальѣ. «Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ. Стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ... Стали

¹⁾ Тамъ же 396.

²⁾ С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Ч. II, 263.

³⁾ И. В. Щегловъ. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ жизни Сибири Ирк. 1883.

⁴⁾ С. Мартосъ. Письма о вост. Сибири. М. 1827, 115.

⁵⁾ С. В. Максимовъ. Сибирь и каторга. Ч. I, 353—354.

⁶⁾ Записки бар. Розена. 411.

пытать: Чѣмъ жить? Чиновникъ сказалъ: «А вотъ станете лѣсъ рубить, полетятъ щепки, щепы эти и ѣшьте!» Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ исподволь другъ около друга начинали кое-чѣмъ займаться, запасаться нужнымъ. На все семь дворовъ одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселѣли. Приѣхалъ знакомый чиновникъ и руками развелъ: «Вы-де еще не подошли? Жаль, очень жаль, а васъ-чу! затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ переколѣли» ¹⁾). Нѣкоторыя свѣдѣнія о поселеніи старообрядцевъ въ Забайкальѣ «по памяти населенія» собраны «Коммиссіей для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайк. области» (Матеріалы, вып. 6, Слб. 1898, стр. 18—21).

Выселеніе старообрядцевъ изъ Вѣтки и изъ близкихъ къ ней мѣстностей было добровольное. Ср. только-что приведенный разсказъ, изъ котораго видно, что народная традиція виновниковъ переселенія указываетъ въ начальствѣ: оно гнало старообрядцевъ на морь въ Забайкалье. (Не вѣрно только опредѣленіе цѣли изгнанія: уморить оно могло бы и въ другомъ мѣстѣ, не столь отдаленномъ!) Для добровольнаго исхода изъ Вѣтки, славной и богатой въ то время, не было никакихъ основаній. Въ к. XVII-го и въ первой половинѣ XVIII-го в. Стародубье, а затѣмъ Вѣтка представляли духовный центр старообрядства, метрополию его. «Тоненію въ Великоросіи на старовѣрцы належашу, мнози оставляюще своя отечества течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста» ²⁾). Сюда же и позднѣе стекались для поученія и молитвы старообрядцы со всѣхъ сторонъ Россіи. Экономическое состояніе Стародубья и Вѣтки было на очень высокой ступени ³⁾). Но съ 30-хъ г.г. XVIII-го в. Вѣтка подвергается разгрому со стороны русскихъ властей, желавшихъ задушить цвѣтущее сосредоточіе старообрядства и выгнать ревнителей «древляго благочестія» въ Россію. Извѣстны выгонки 1735 и 1764 г. г.

Дождалися мы жестокой зимы:

Выслали всѣхъ безъ всякой вины,—

вспоминаетъ духовный стихъ о разореніи старообрядческаго Лаврентьева монастыря близъ Гомеля ⁴⁾). Въ одну изъ такихъ выгонокъ попали и предки алтайскихъ и забайкальскихъ старообрядцевъ.

О первыхъ годахъ жизни старообрядцевъ въ Забайкальѣ мы располагаемъ нѣкоторыми свѣдѣніями, сообщенными П. С. Палласомъ ⁵⁾). Съ апрѣля до юня 1772 г. онъ объѣзжалъ съ натуралистической цѣлью Забайкалье. Въ своей поѣздкѣ онъ бывалъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ водворились старообрядцы. Онъ называетъ ихъ «поляками», «польскими колонистами». Такъ называетъ онъ и ихъ собратій на Алтаѣ. Конечно, и самъ Палласъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что они русскіе. Названіе же «поляки» употреблялось по прежнему мѣсту ихъ жительства. Такъ, о «полякахъ» деревни Шеманаиха на р. Убѣ онъ замѣчаетъ:

¹⁾ Сибирь и каторга Ч I. 353

²⁾ А. Шаповъ. Россійскій расколъ старообрядства. Каз. 1859. 324.

³⁾ См. въ изслѣдованіи М. И. Лилеева «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.» К. 1895, а также въ замѣчаніяхъ В. С. Иконникова въ Киевскихъ «Университ. Извѣстіяхъ», 1897 г. № 4

⁴⁾ Жив. Стар. 1907, в. II. 119.

⁵⁾ P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Dritter Theil, Vom Jahr 1772 und 1773. St. Petb. 1776.—На разныхъ страницахъ съ 164 до 276. Русскимъ переводомъ (С. Пб. 1788) пользоваться невозможно, вслѣдствіе крайне неудовлетворительнаго качества его. Въ особенности безобразно искажены географич. названія.

«Теперешніе жители—это изъ Польши присланные колонисты которые русскаго происхожденія, языка и старогреческой религіи [altgriechischer Religion] и отцы которыхъ жили въ Подоліи и въ другихъ пограничныхъ польскихъ провинціяхъ». Онъ даетъ чрезвычайно лестный отзывъ объ этихъ колонистахъ ¹⁾. У Палласа мы находимъ очень важныя свѣдѣнія о мѣстахъ, заселенныхъ «поляками» въ Забайкальѣ, о численности дворовъ ихъ въ томъ или иномъ поселкѣ, о хозяйствѣ и ревностномъ трудолюбіи ихъ. Мѣстности, гдѣ находились тогда старообрядцы, тѣ же, гдѣ они, весьма размножившись, трудятся и въ наши дни. Въ деревнѣ Хилоцкой или Харитоновѣ (Chilotskaja oder Charitonowa derewna) у Хилка было ок 30 дворовъ, изъ которыхъ двѣ трети принадлежали старообрядцамъ. Вверхъ по Хилку и по впадающимъ въ него небольшимъ рѣчкамъ были деревни Паркина, Баленгинская, Катангарская, Диптуйская, Кукунская, Кайдабаевская, Нарын-Шибирь или Катаевская, Бѣлопотовская, Малстинская, Сохотоевская, Сардалмская, Песчанская, Уксулуцкая, Котюрская, Хоплорская, Буйская, Красноярская слобода, Бичурская, Еланская, Мангиртуйская, Сибилдуйская и Хабаровская. По Тугную (Tungnu) и по другимъ рѣчкамъ новая слобода Мухоршибирь и деревни Кокуйская, Шаралдаевская (Scharaldaefskaja), Занганская, Харашибирская, Бурдюковская и Никольское село. Во всѣхъ этихъ поселеніяхъ считалось 450 человѣкъ тамошнихъ мужиковъ и 350 человѣкъ новопоселенныхъ колонистовъ. Въ Тарбагатаѣ имѣлось ок. 40 дворовъ, изъ которыхъ 10 принадлежали польскимъ колонистамъ. Къ Тарбагатаю причислялись деревни Бурнашевка и Михайлевка по Тарбагатаю (Тарбагантею), Пестерева, Султуринская и Куйтунская по Куйтуну, Гайтуринская, Кабалина, Зуевска[я], Красноярова, Захарова, Каленова, Решикова, Сотникова,—всѣ по Селенгѣ, Рупшевка и Иволгинская на Иволгѣ, Барская, Куналейская, Бренская, Хободольская, три деревни Убукунскія и Енгашинская на рѣчкахъ съ такими же названіями. Число жителей во всей этой округѣ состояло изъ 309 мужиковъ и 466 новопоселенныхъ колонистовъ. Въ Куйтунѣ было дворовъ 30 старожиловъ и 44 польскихъ колонистовъ. Никольское было заселено по большей части польскими колонистами. Недалеко отъ Никольскаго расположилась дер. Бурдюковская, «которой нынѣ при новомъ населеніи даютъ названіе Хонхолой по ручью, надъ которымъ она находится. Она нынѣ состоитъ за исключеніемъ четырехъ старыхъ семей, называемыхъ Бурдюковскими (Burdjukofskoi) и задолго здѣсь поселившихся, изъ 28, по большей части трудолюбивыхъ и свѣдущихъ въ хлѣбопашествѣ польскихъ выселенцевъ». Въ дер. Харашибирь, кромѣ старожиловъ, было ок. 50 душъ «новыхъ колонистовъ» («польскихъ?»); «изъ нихъ нѣкоторые еще не построились». Въ Мухоршибири—10 дворовъ старожиловъ. Тутъ же имѣлось и 15 дворовъ присланныхъ «русскихъ колонистовъ», по 3 человѣка въ каждомъ («поляки?»). Въ Шарандаѣ (Scharandaj)—7 старыхъ дворовъ и 12 «сюда пришедшихъ польскихъ эмигрантовъ». Въ слободѣ по р. Чикою—Урлукской съ принадлежащими къ ней деревнями состояло 244 человѣка старожиловъ и 493 колониста. Въ Байхарской слободѣ и въ ея деревняхъ—226 старожиловъ и 123 новыхъ поселянъ. Какое количество изъ этихъ «колонистовъ» приходилось на долю «поляковъ», неизвѣстно. Также неизвѣстно количество «поляковъ» и въ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ относительно всего населенія въ 8 слободахъ «Селенгинской страны»: 2520 старожиловъ и 1534 колониста.

Въ с. Никольскомъ старообрядцы успѣли построить къ этому времени церкви

¹⁾ П., II (1771 г., июль), 516—517

Была и въ Тарбагатаѣ церковь, но неизвѣстно чья,— старожиловъ или «поляковъ»¹⁾. Во главѣ волости стоялъ «выборный» или старшина (ein Wybornoi oder Aelteste), котораго выбираютъ всѣ деревни срокомъ на одинъ годъ. Говоря о «польскихъ колонистахъ», Палласъ подчеркиваетъ ихъ необыкновенное трудолюбіе и неутомимую борьбу съ природой въ обработкѣ земли и приспособленіи ея для посѣва. Сѣмена для посѣва нѣкоторые изъ нихъ (въ дер. Хилоцкой прибывшіе сюда лѣтъ 6) получаютъ отъ «старыхъ жителей Иркутской губ. по 2 пуда на каждую десятину ежегодно». Сѣютъ здѣсь ярицу, разводятъ по мѣстамъ и арбузы (Хилоцкая). Эти колонисты успѣли обзавестись уже изряднымъ количествомъ скота. Жалуются только, что сѣна недостаетъ, вслѣдствіе плохого роста травы (Куйтунъ). Холодный климатъ въ сѣверной части Селенгинской области, какъ напр., въ Куйтунѣ, лишаетъ возможности сѣять коноплю, гречиху, горохъ, просо, хотя «трудолюбивые поляки все это сначала сѣяли и къ новому посѣву каждый разъ вновь закупали. Теперь имъ розданы гречишныя сѣмена, на разведеніе которыхъ они всѣ силы употребляютъ». Поляки расчищаютъ лѣса подъ пашню. Пашутъ они плугомъ, а не русскою сохою. Нѣкоторыя части этого плуга стоячій или наклонный сошникъ, служащій для подрѣзыванія кореньевъ) «введенъ еще прежними русскими мужиками, въ польскихъ лѣсистыхъ мѣстахъ поселившимися». Поляки пытались удобрять навозомъ здѣшнія гористыя мѣста для посѣва; но ничего не вышло: весь посѣвъ сгорѣлъ «Поляки», по прежнему своему обычаю, молодыхъ ягнятъ обертываютъ холстомъ и зашиваютъ; по утрамъ смачиваютъ ягненка теплою водой и постепенно отпускаютъ холстъ. Такъ продолжается въ теченіе 2—4 недѣль. Когда шерсть довольно подросла и завилась, обертку снимаютъ, а ягненка убиваютъ.

Въ отношеніи условій земледѣльческой жизни въ Забайкальѣ уже Палласъ указывалъ на то, что площадь, благопріятная для хлѣбопашества, здѣсь незначительна. Лѣса, бесплодныя горы, сырыя долины, осенью застланныя туманомъ, а весною долго покрытыя льдомъ, песчаныя мѣстности занимаютъ большую часть территоріи Селенгинской (Верхнеудинской) области. Къ тому же рано наступающіе холода и часто бывающія засухи губятъ урожай и на плодородныхъ мѣстностяхъ. «Такъ что, кромѣ кочующихъ народовъ, каковы бурята и тунгусы, никакому другому тутъ жить нельзя». Но и этимъ кочующимъ народамъ, занимавшимъ лучшія плодородныя мѣста вдоль рѣки, стало тѣсно, вслѣдствіе ихъ размноженія. А потому, совѣтовалъ Палласъ «надобно бы, по приведеніи здѣшняго хлѣбспашества въ совершенство, нѣкоторую часть здѣшнихъ народовъ перевести въ другія къ хлѣбопашеству неподходящія мѣстности, какъ-то на песчаныя и солончакковыя степи Иртышскія, и въ особенности по Барабѣ».

Прошло 50 лѣтъ послѣ путешествія Палласа. Въ теченіе этого времени семейскіе, благодаря своей энергіи и неутомимому труду, обзавелись хорошими, богатыми домами и отлично обработанными пашнями. Торговля дѣла съ Верхнеудинскомъ, Петровскимъ заводомъ, Кяхтой также значительно способствовали экономическому благосостоянію семейскихъ. Патріархальность уклада семейной жизни, нѣкоторая самостоятельность въ административномъ и церковномъ отношеніяхъ — все это придавало особый, привлекательный оттѣнокъ ихъ жизни, и далеко за предѣлы ихъ мѣстности распространилась молва о «шастливомъ состояніи сихъ переселенцевъ» (Мартосъ). Въ 20 хъ г.г. Мартосъ, въ 1827 и въ 1830 г.г. декабристы, въ 1861 г. С. В.

¹⁾ Если это была церковь во имя Зосимы и Савватія, то она принадлежала не старообрядцамъ, православнымъ. Она была построена въ 1744 г.; см. въ статьѣ «Историческія замѣтки о забайкальскихъ церквахъ». Иркутск. Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 37, стр. 410.

Максимовъ, въ 1871 г. П. А. Ровинскій съ чрезвычайной похвалой отзывались о семейскихъ, о ихъ трудолюбіи, энергіи, здоровомъ укладѣ жизни (—кромѣ безплодныхъ разглагольствованій и лицемѣрія ихъ книжниковъ), о превосходствѣ надъ болѣе давними русскими поселенцами—«сибиряками».

Сообщенія Мартоса о Тарбагатаѣ очень панегиричны и возбуждаютъ сомнѣніе въ ихъ соотвѣстствіи дѣйствительности. Вотъ описаніе внутренности дома: изящная мебель краснаго дерева; полы покрыты коврами; большія зеркала въ нарядныхъ рамахъ; часы съ музыкой. Всѣ политическіе и литературные журналы и газеты хозяинъ квартиры—старообрядецъ Федотъ Ивановъ Заиграевъ «исправно» получалъ. Онъ располагалъ «собраніемъ географическихъ картъ, недавно изданныхъ въ С. Петербургѣ, говорилъ», что любитъ Литературу и сельскія работы» (110—116). Заиграевъ не представлялъ собою обычнаго старообрядца. Это торговый человѣкъ, выдвинувшійся среди своихъ собратій, обставившій себя по-городскому, имѣвшій не только отеческія писанія, но и столичныя «свѣтскія» изданія. Обрисовка обстановки дома Заиграева, данная Мартосомъ, согласуется съ сообщеніемъ и декабристовъ Якушкина и Розена. «Ночью въ Тарбагатаѣ офицеръ разбудилъ меня, снялъ съ меня цѣпи и вывелъ изъ комнаты тайкомъ; потомъ сказалъ, что я увижусь съ Муравьевымъ, и повелъ меня къ Заиграеву, о которомъ упоминаютъ многіе изъ путешественниковъ, описывавшихъ Забайкальскій край. Заиграевъ былъ не глупый и очень зажиточный крестьянинъ. У него въ гостиной была мебель краснаго дерева, въ углу стояли англійскіе столовые часы, и на столѣ, когда мы вошли, лежали Московскія газеты»¹. Это было въ концѣ 1827 года. «Европейскій» приемъ, оказанный Заиграевымъ декабристамъ въ 1830 г., отмѣчаетъ и бар. Розень. Въ это время Заиграевъ жилъ уже не въ Тарбагатаѣ, а въ сосѣднемъ селѣ. «Хозяинъ нашъ, Федотъ Ивановичъ Заиграевъ, принялъ насъ по европейски. Онъ нажилъ себѣ большое состояніе подрядами въ Тарбагатаѣ, но непріятности съ начальствомъ заставили его переселиться въ сосѣдную деревню, гдѣ онъ отказался отъ торговыхъ оборотовъ».²

Въ 20-хъ г. г. въ Тарбагатаѣ было уже 2 церкви: свв. Зосимы и Савватія,³) и Николая чудотворца. Эта послѣдняя названа Мартосомъ старообрядческой. (—Позднѣе она была отчислена властями къ единовѣрцамъ. Богатая была церковь, какъ передавали мнѣ. Она находится на верхней, старой улицѣ села).

Изъ декабристовъ бар. А. Е. Розень оставилъ въ своихъ запискахъ весьма интересный сообщенія о семейскихъ. При переходѣ изъ Читы въ Петровскій заводъ (въ концѣ августа—въ сентябрѣ 1830 г.) декабристы останавливались въ 3 селахъ старообрядцевъ. (Названы Тарбагатай и Десятниково). Тарбагатай—большое богатое село, съ просторными домами; дома въ нѣсколько горницъ, съ большими окнами, съ тесовыми крышами, съ крытыми крыльцами. «Во дворѣ, подъ навѣсомъ стояли все кованныя телѣги, сбруя была сыромятная, кони были дюжіе и сытые, а люди, люди! ну, право, все молодецъ къ молодцу; красавицы не хуже донскихъ—рослая бѣлолицыя, румяныя. День былъ воскресный; мужчины расхаживали въ синихъ суконныхъ кафтанахъ, женщины—въ душегрѣйкахъ шелковыхъ съ собольими воротниками, въ кокошникахъ, изъ коихъ одинъ лучше другого. Короче сказать, все у нихъ соот-

¹) «Взъ записокъ декабриста Якушкина». «Рус. Архивъ». 1870, № 8—9, 1587—83.

²) «Записки бар. Розена» Отеч. Зап 1876, № 4 413.

³) Нестарообрядческая («сибирская»), построена въ 1744 г. см. «Историческія замѣтки о забайкальскихъ церквяхъ». Иркут. Епарх. Вѣдом. 1878 г. № 37,410

вѣтствовало одно другому: отъ дома до плуга, отъ шапки до сапога, отъ коня до овцы— все показывало довольство, порядокъ, трудолюбіе». «Они не употребляютъ ни табаку, ни чаю, ни вина, ни лекарствъ, все это почитаютъ за грѣхъ; они не прививаютъ оспы, но видно вѣра ихъ крѣпка—ни одного не встрѣтилъ между ними рябого ¹⁾; они—богомольны, прилежно читаютъ священное писаніе и строго соблюдаютъ обряды свои ²⁾. Семейскіе «народъ сильный и здоровый. Они поддерживаютъ «свою крѣпость, свое здоровье постояннымъ трудомъ и здоровою пищею. Въ мясоѣдъ каждый день имѣютъ говядину или свинину, въ постъ—рыбу». Семейскіе не испытываютъ бѣдности; многіе изъ нихъ очень зажиточны. «Не только въ домѣ и въ амбарѣ видны довольство и обиліе, но и въ сундукахъ хранятся капиталы. Между поселянами нѣсколько хозяевъ нажили до ста тысячъ рублей подрядами и доставками хлѣба, зерномъ и мукою, торговлею съ китайцами; по высокой цѣнѣ продаютъ имъ отборную пшеницу, черныя мерлушки, шкурки черныхъ ягнятъ и овецъ». Въ обработкѣ полей семейскіе представляютъ образецъ для своихъ сосѣдей—сибиряковъ. «Поля и обработка полей представляютъ совершенство, между тѣмъ какъ въ недалекомъ отъ нихъ разстояніи, селенія и пашни старожиловъ обнаруживаютъ крайнюю бѣдность и разореніе». Семейскіе располагаютъ нѣкоторой свободой въ общественномъ отношеніи; особаго гнета правительственной администраціи они не испытываютъ. «Весь наружный видъ этихъ людей превосходный; они блаженствуютъ, имѣютъ свое общинное правленіе, выбираютъ своихъ старостъ; на мірской сходкѣ раскладываютъ всѣ подати и повинности земскія, никогда не остаются въ долгу, рекрутъ ставятъ исправно. Между ними нѣтъ сословія съ особенными преимуществами; они имѣютъ дѣло только съ исправникомъ и засѣдателемъ, съ которыми умѣютъ ладить». То же довольство семейскихъ наблюдали декабристы и въ Десятниковѣ. Тамъ они встрѣтили 110-лѣтнаго бодраго старца, помнившего обстоятельства переселенія въ Забайкалье. «Старецъ жилъ въ домѣ своего младшаго четвертаго сына, которому было уже за семьдесятъ лѣтъ. Прадѣдъ, хотя уже давно самъ не работалъ, но имѣлъ привычку носить всегда топоръ за поясомъ и рано утромъ самъ будилъ внуковъ на работу. Онъ повелъ меня къ тремъ старшимъ сыновьямъ своимъ, и съ простительнымъ тщеславіемъ показалъ мнѣ, гдѣ для каждого изъ нихъ онъ выстроилъ особенный большой домъ, съ дворами и амбарами, для каждого двора по водяной мельницѣ ³⁾... По богатству и довольству поселянъ мнѣ представлялось, что вижу трудолюбивыхъ русскихъ въ Америкѣ, а не въ Сибири; жители управляютъ сами собою; сами открыли сбытъ своимъ произведеніямъ и будутъ блаженствовать, пока люди безтолковые не станутъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, забывая, что устроенная община, сама управляющаяся въ продолженіи столѣтія, лучше всѣхъ постороннихъ понимаетъ дѣйствительную выгоду свою ⁴⁾. Въ такомъ же тонѣ отзывались о семейскихъ и другіе

1) Теперь иначе обстоитъ дѣло: ср. выше.

2) Записки бар Розена. Отеч. Зап. 1876 г., № 4. 411—412.

3) И до сихъ поръ держится эта традиція всюю семьей заблаговременно построить домъ или 2—3 дома и снабдить всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ для очередного выдѣленія; ср. выше.

4) Записки бар Розена, «Отеч. Зап.» 1876 г. № 4, 411—414. Раньше эти записки были напечатаны въ Лейпцигѣ въ 1869 году:—«Aus den Memorien eines Russischen Dekabristen». Выдержки появились на русскомъ языкѣ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1869 г., №№ 269 и 274. На этихъ запискахъ основаны IX, X, XI, главы поэмы Некрасова: «Дѣдушка», напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1870 г., № 9 (сент.). Та картина Тарбагатая, которую рисуетъ дѣдушка-декабристъ, та характеристика тарбагатайскихъ старообрядцевъ и даже сентенціи, которыя пред-

декабристы, Якушинъ, Бѣляевъ. «Когда мы приблизились къ Тарбагатаю, передъ нами развернулся чудесный видъ: всѣ покатоности горъ, лежація на югѣ, были обработаны съ такимъ тщаніемъ, что нельзя было довольно налюбоваться на нихъ... Жители старовѣческаго этого селенія вышли къ намъ на встрѣчу въ праздничныхъ своихъ нарядахъ. Мужики были въ синихъ кафтанахъ, и женщины въ шелковыхъ сарафанахъ и кокошникахъ, шитыхъ золотомъ. Это были уже не Сибиряки, а похожіе на подмосковныхъ и Ярославскихъ поселянъ. За Байкаломъ считаютъ около 20000 старо вѣровъ, и туземцы называютъ ихъ поляками.... Въ 1830 г., когда мы проходили Тарбагатай, тамъ считалось болѣе 270 ревизскихъ душъ. Вообще забайкальскіе, большею частью, народъ грамотный [!], трезвый, работающій и живущій въ большомъ довольствѣ»¹⁾. О богатствѣ семейскихъ и образцовой обработкѣ полей вспоминалъ и А. П. Бѣляевъ. «Тарбагатайскіе старовѣры были отличные пахари. Земледѣліе было у нихъ въ самомъ цвѣтушемъ состояніи, а какъ ихъ мѣстность вообще гористая, то всѣ склоны горъ были воздѣланы съ большимъ тщаніемъ, что намъ очень удивляло и радовало». Бѣляевъ сообщалъ также о томъ, «что многіе изъ людей богаты, выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили въ религиозные разговоры съ многими изъ нашихъ, которые хорошо знали церковную исторію»²⁾. Но сомнительно, чтобы «многіе» семейскіе выписывали газеты и журналы. Не явилось ли это сообщеніе въ результатѣ обобщенія Федота Заиграева съ прочими семейскими³⁾?

ставлены въ поэмѣ, совпадаютъ, иногда дословно съ записками Розена. Сравните, напр. слѣдующіе стихи:

Чудо я Саша, видаль:
Горсточку русскихъ сослала
Въ страшную глушь за расколъ,
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошель,
Ѣдутъ туда комиссары.
Глядь—ужъ деревня стоитъ,
Риги сараи, амбары!

Мельницу выстроить скоро;
Ужъ запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки
Вновь черезъ годъ побывали,—
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли (IX).

Въ кузницѣ молотъ стучитъ
Ср. сообщенный выше разказъ о поселеніи старообрядцевъ въ Тарбагатай и о посѣщеніи ихъ комиссаромъ.

Такъ постепенно въ полвѣка
Выросъ огромный посадъ—
Воля и трудъ челоувѣка
Дивныя дивы творять!
Все принялось, раздобрѣло!..
Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители бодры всегда,—
Видно—ведется копѣйка!
Бабу тамъ холить мужикъ:
Въ праздникъ на ней душегѣйка,
Изъ соболей воротникъ! (X).
Дѣти до возраста въ нѣтъ.
Конь—хоть сейчасъ на заводъ.—

Въ кованой прочной телѣгѣ
Сотню пудовъ увезеть...
Сыты тамъ кони-то, сыты,
Каждый тамъ сыто живеть,
Тесомъ тамъ избы-то крыты,
Ну, ужъ зато и народъ!
Взросшіе въ нравахъ суровыхъ,
Сами творять они судъ,
Рекрутовъ ставятъ здоровыхъ,
Трезво и честно живутъ
Подати платятъ до срока,—
Только ты имъ не мѣшай.
«Гдѣ жъ та деревня?»—Далеко,
Имя ей: *Тарбагатай*,
Страшная глушь за Байкаломъ.. (XI).

1) Изъ записокъ декабриста Якушкина. «Рус. Архивъ», 1870, № 8—9, 1613—1614.

2) Воспоминанія о пережитомъ и пережитомъ. «Рус. Старина», 1881 г., т. XXX 819—820.

3) Изъ другихъ описаній, касающихся семейскихъ, укажемъ слѣдующія. П. А. Ровинскій «Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области» Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О 1872 г., т. III № 3, т. IV, №№ 2-3 (подъ загл.: «Матеріалы для этнографіи Забайкалья»). Это лучшая статья, посвященная этнографіи семейскихъ. Н. П. Ушаровъ. «Замѣтки о забайкальскихъ»

Сравнивая состояніе семейскихъ до половины прошлаго столѣтія съ состояніемъ ихъ въ настоящее время, наблюдаемъ, что ихъ жизненный укладъ въ общемъ остался прежнимъ: они стараются блюсти преданія своихъ дѣдовъ во всѣхъ отношеніяхъ,— въ отношеніяхъ церкви, семьи, общества. Попрежнему семейскіе неумоимо трудятся въ обработываніи земли и въ веденіи хозяйства. Но на многихъ сторонахъ жизни забайкальскихъ старообрядцевъ отражаются и измѣненія. Нѣтъ того экономическаго благосостоянія, какое приводило въ восторгъ декабристовъ. Давно уже исчезла та самостоятельность въ общественномъ управленіи, какой располагали нѣкогда старообрядцы въ Забайкальѣ. Забыты или обойдены многія правила, чтò утверждались ихъ книгами старопечатными и старописьменными. Есть и хорошія и дурныя стороны въ удаленіи отъ преданій старообрядческаго «житія праведнаго». Хорошее—въ желаніи пріобщиться къ знанію «свѣцкому», такъ пугавшему ихъ отцовъ и книжниковъ. Дурное—въ пониженіи нравственнаго уровня, въ распущенности, какъ реакціи противъ той затхлой атмосферы, которая стала ужъ слишкомъ гнесты при вѣяніи новой жизни. «Зайдите, господинъ, къ намъ, поговорите съ нами,—вы видите, какая жизнь наша»,—задушевно просилъ меня одинъ парень въ Н. Заганѣ. Въ кровавомъ пламени, пылающемъ по великой отчизнѣ нашей, гинетъ и многое изъ роднаго наслѣдства старинны глубокой. И жутко и тяжело въ заревѣ этого пламени людямъ дрѣвяго благочестія.

—«Кому повѣзмъ печаль мою»?!....

КЪ СНИМКАМЪ.

За содѣйствіе въ изготовленіи клише и въ литографіи выражаю глубокую благодарность Діонисію Ив. Каленскому и Георгію А. Захарову.

№№ 1—5, 7—9 сняты въ с. Никольскомъ. № 6—снимокъ семейскаго съ Чикоя, взятъ изъ книги Г. М. Осокина: «На границѣ Монголіи». Къ сожалѣнію, не вышло клише со снимка двухъ молодыхъ женщинъ съ Чикоя, наряженныхъ въ свои высокія угловатая кички: выцвѣтшій отпечатокъ этого снимка я досталъ въ с. Никольскомъ у г. Бутыриной; негативъ же пропалъ у ней. № 10 представляетъ собою снимокъ изъ рукописнаго Апокалипсиса, принадлежащаго бібліотекарю Иркутской городской 6-ки Н. Ст. Романову; см. выше стр. 26. Апокалипсисъ съ многочисленными рисунками, хорошо исполненными различными красками. Образецъ письма этого Апокалипсиса см. на снимкѣ № 11. Снимокъ № 12 представляетъ предисловіе и заглавіе Олонецкихъ (Поморскихъ) отвѣтовъ по рукописному экземпляру Ирк. Дух. Семинаріи, XLV, 1784, см. выше стр. 23-24. №№ 13-й и 14-й—снимки изъ рукописнаго сборника старца Давыда, 6-ки Ирк. Д. Сем. XLV. 1797; см. выше стр. 22—23.

«старообрядцахъ». Сборникъ газеты «Сибирь» Т. I СПб 1876. Стр 313—333. Статья заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о церковно-религіозной жизни семейскихъ. Разказы Мишла. [М. И. Орфанова]. «Въ дали. (Изъ прошлаго)» М 1883. Очеркъ V-ый: У семейскихъ и на Кяхтѣ, незначителенъ по содержанію. Извлеченія были помѣщены въ «Рус Курьеръ» 1882 г., № 208, и въ «Сибири» 1882 г., № 37. Ю. Д. Талько-Грынцевичъ. 1) «Семейскіе въ Забайкальѣ», 2) «Къ антропологии великороссовъ» цитированы выше (см стр. 6, 7). 3) Къ вопросу объ изученіи фізіологическихъ явленій половой жизни женщинъ въ Забайкальи». Труды Троицко-Кяхтинскаго Отд. Приамур Отдѣла Р. Г. О. Т. VI, вып I, 1903. Сообщено нѣсколько цифровыхъ данныхъ, относящихся и къ женщинамъ семейскихъ. Г. М. Осокинъ. «На границѣ Монголіи». СПб. 1906. Въ V-ой главѣ имѣются свѣдѣнія о семейскихъ. «Азіатская Россія». Изд. Переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Т. I СПб 1914. Нѣсколько строчекъ о забайкальскихъ старообрядцахъ. На снимкѣ между стр. 180—181 можно видѣть кички семейскихъ женщинъ.

По поводу послѣднихъ снимковъ изъ рукописи старца Давыда и имъ подобныхъ замѣтимъ, что и противная сторона, казалось бы, болѣе просвѣщенная, также прибѣгала къ уродливымъ иллюстрированнымъ обличеніямъ старообрядцевъ. Сравните рисунокъ, гравированный на большомъ листѣ, приложенный къ книгѣ: «Обличеніе неправды раскольнической. Сочиненіе Теофилакта архіеп. Тверскаго». 1745. Въ Москвѣ. Пользуюсь экземпляромъ Иркутской Дух. семинаріи, XLV. 5^{1/15} 1840. Экземп. безъ заглав. листа.—Въ концѣ книги приложено изображеніе «Разныхъ толковъ раскольниковъ россійскихъ, обрѣтающихся по разнымъ мѣстамъ. А именно, отъ лѣта 1666-го». Внизу растянута змѣя двуглавая. Изъ одной пасти выросло древо. На крупныхъ листьяхъ древа прописаны «толки» раскольническіе. «Змій изблева свою горесть и испусти всезлое вѣтвие». За деревомъ видны домики; по другую сторону—человѣкъ съ длинной бородой, съ посохомъ, съ четками. Отъ этого древа вкусилъ Кайинъ, Озіа-царь, еретики Арій и Несторій, также и россійскіе раскольники. Въ стихотвореніи, которымъ снабжено это изображеніе, имѣется между прочимъ такой призывъ:

Жилища лживыхъ в сей лжи учителей,

Суемудренныхъ пребезумныхъ скотовъ,

Блустися требѣ всѣмъ црковнымъ чадомъ...

Съ трудомъ вѣрится, что это иллюстрированное стихотвореніе—плодъ представителя высшей іерархіи.

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Стран.	8	строка	19	сн.—резузътаты—надо—результаты.
»	13	»	18	св.—предметомъ—надо—предметамъ.
»	13	»	13	сн.—обсуженія—надо—обсужденія.
»	19	»	3	св.—вышить—надо—выпить.
»	21	»	23	сн.—дополнить:—Хранится въ Троицкомъ Селенгинскомъ монастырѣ.
»	22	»	14	св.—1882—надо—1822.
»	22	»	23	св.—Дополнить:—Принадлежитъ б-къ Ирк. Дух. Семинаріи. XLV. 1797.
»	22	»	3	сн.—мъ—надо—ш.
»	23	»	19	св.—(изъ Патерика),—надо (изъ Патерика,
»	36	»	22	св.—каѳлическій—надо каѳолическій
»	44	»	3	св.—съ—надо—съ—
»	45	»	23	сн.—стрѣлаг—надо—стрѣлат—
»	46	»	1	св.—васкрисен н'а, вазнисен н'а—надо—васкрисен'н'а, вазнисен'н'а.—Надо имѣть въ виду, что и въ рядѣ другихъ случаевъ не вышли значки для выраженія мягкости согласныхъ; это видно по разстоянію, большему, чѣмъ слѣдуетъ между знаками для мягкихъ согласныхъ.
»	47	»	2	сн.—обла—надо—бол'а—
»	48	»	7	сн.—сли'с!—надо—сли'с'!
»	50	»	17	св.—л'д—надо—л'од—
»	51	»	13	св.—вым'а—надо—вым'а—
»	51	»	19	св.—уган'ал—надо—уган'ал—
»	52	»	11	сн.—рут'и, рек'и—надо—рут'и, рек'и—
»	53	»	10	св.—на'а—надо—на'а—
»	53	»	22	сн.—с'з—надо—с'з—
»	54	»	2	св.—јес [т']—надо—јес' [т']—
»	55	»	4	сн.—д'ауч'онка—надо—д'ауч'онка—
»	57	»	6	сн.—за'етэм, за'этэм—надо—за'етэм, *Какъ?—за'этэм—
»	57	»	3	сн.—жер'ип—надо—жер'ип—
»	59	»	11	сн.—палавина-ден—надо—палавина-ден'—
»	61	»	14	св.—краснај—надо—краснаја—
»	61	»	13	сн.—т'ак'от—надо—т'ак'от—
»	62	»	15	сн.—ус'о—надо—ус'о—
»	63	»	9	св.—л'к'а—надо—л'к'а—
»	63	»	26	сн.—итит—надо—итит—
»	63	»	5	сн.—робит—надо—робит'—
»	64	»	9	св.—брихн'а—надо—брихн'а—
»	64	»	11	св.—ван'ка—надо—ван'ка—
»	64	»	13	св.—на'горло—надо—на'горло—
»	64	»	18	св.—и'о—надо—и'о—
»	64	»	19	св.—ил'дом (затянется—надо—ил'дом (затянется—
»	64	»	20	сн.—ладон—надо—ладон—
»	64	»	1	сн.—сес' [т]—надо—сес' [г]—

Во многихъ случаяхъ не вышли при печатаніи запятыя, точки, скобки, кавычки.

[Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy verification of the data.

In the second section, the author outlines the various methods used to collect and analyze the data. This includes both manual and automated processes. The goal is to ensure that the data is as accurate and reliable as possible.

The third section provides a detailed breakdown of the results. It shows that there is a significant correlation between the variables being studied. This finding is supported by statistical analysis and is consistent with previous research in the field.

Finally, the document concludes with a series of recommendations for future research. It suggests that further studies should be conducted to explore the underlying causes of the observed trends. This will help to develop more effective strategies for addressing the issues at hand.

СѢНРОДѢ БЕСЧИСЛЕНО И ЯКЕ ИМѢЮТЪ СОУХРО
ЦРКВОУЮ ШАЗЫКЪ . СХЦЕЕ . 43

ПОСНУХЪ ВІДѢХЪ ИСѢ НАРОДЪ МНОГЪ .. ЕГОМЕ
ИЗЧЕСПИ НИКІГОМЕ МОГЕ . ШВСАКАГО ІА
ЗЫКА И КОЛѢНА И ЛЮДІИ И ПЛЕМІЕНЪ СПО
АЦІЕ ПРЕ ИРГОЛОМЪ . И ПРЕАГНЦЕ ОБЛЕЧЕ
НЫ КРИЗЫ БІБЛІА . И ФІННИЦЫ ВРѢКАХЪ ИХЪ
И ВОЗОПІША ГІСО ВЕЛІИ . ГЛЮЩЕ СПІСЕНІЕ СЛ
ДАЩАГО НАПРѢОЛѢ БІА НАШЕГО ІАГНЦА .

СВЯТЫЙ

Воспѡднихъ прѣславноу оутѣпелю іеромонахъ несѡ
дѣтѣхъ . мѡра зарѣбѣа спасеніа . испрѣкѡмѣараго пра
ваго и мѡлосѣраго разѣхѣденіа . всеоуѣраго желденѣ
ипокорѣо кланемса .

СЯКЕ ОУГО ВСЕПРЕКЪПІЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ КЕ
АНТЕСТВО ЛОВЕЛѢ . СЯКЕ СПІЕНШІИ ПРАКТИТЕЛСТѢХЪ
ЮЩІИ СИСЛАДЪ ПРИБѢДАН . СЯКЕ СЪЗАКОНОВЪ ПОЛІА
НИНЫ ОУКАЗЪ ОБЯЗАН . ЯКШ ІАКІТИ ТЕБѢ СНА
МИ . ОПРОКЪШЕДШЕЛЪ НЕСОГЛАСІИ . ТИХОЕ ІСРОКОЕ
НЕЗЛѢОПАСНОЕ РАЗГЛАГОЛСТВО . ЯКШ ПРИБѢЖАЕ
НІА НЕПВОИТИ ПАСІАНА . БПРОКЪКОЛІЕНЪ ВЛѢРѢ . СІЕ БСЕ
БЛГОУДІТНОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ МЛОУЕРАДІЕ СІЕ ПРѢКРОПНОЕ

СВЯТЫЙ

ЖИВЪ БІДІА
КОПРОСЫ . ИЕРОМОНАХЪ .

НЕОФІИДЪ

Сѣмъ крыжъ и рещоуки шѣ держимы латынскихъ еретниковъ,

ОЦЕРКВИ
РЫМСКОЙ
ГЛАГОЛАЮЩЕ

молитвы
амовъ и пучивъ

Ересь. Британіа
Ересь. Власова на глаголю
непосотриженіа Ересь. Іисъ
Ересь. Опрадаже икопозаніи дара дѣа
спѣга Ересь. щѣпотію креслатса. сирѣчь. три
ма перстныиъ сложениемъ въ три беззаконію тройцо
Ересь. въ крещеніи шѣ блнцѣютъ Ересь. пѣбаікъ
Ересь. Амилдіа четверѣтъ Ересь. Калѣнонепоклонѣа
Ересь. Нипосламуиса въ срдѣхъ и патокъ покѣсь годъ
Ересь. Оадѣжадъ нирѣтїамьскихъ нопоганскихъ
Ересь. Сѣгаго дѣа провѣдѣю и ховѣи и шѣна
Ересь. жерѣдъ совершаю на шпреснока пожимовъскомъ
Обычаю. а не на кнслы хлѣбѣ Ересь. Кофін Ересь.
сѣгасѣми нъ ѣдиннаго сасѣда ѣдатъ, въ какомъ сасѣдѣ
самѣ ѣдатъ и того же сасѣда и пѣ совъсормѣа
и много оутѣкоуи еретниковъ Ересь и цѣсѣкон нитѣста
пѣи ирѣзрѣснїахъ. и сѣпта ниво зъможно побѣдина
мѣу сѣ жена сѣантѣ на шѣтрїо велнкѣ прелюбѣзѣннїа. сирѣчь ры
скаѣ церковь. всѣхъ царствѣхъ римскихъ. сирѣчь всѣхъ людемъ еретическихъ.
на держимъ въ рѣдѣ чѣшѣ златїю, полнѣ нечѣстїа всѣхъ Ересь и
напѣмнїи. мѣрѣзѣн
и запѣстїа:

Сѣ
рѣ. сѣ
ми гла
вѣи. сирѣчь
рыскаѣ
царствѣ
Сѣ сѣтрѣ нестрїи
сирѣчь въ ра римскѣ
царствѣ всѣхъ
людемъ.
и нестрѣка многимъ
различнымъ ересьми.
бодейнїица сирѣчь въ ер

Сѣ престолѣ црѣ славы
антїхрїсто иисъ хрѣсто на о
вѣхъ. прѣдѣ прѣсвока
пѣчава. хъ. пожи
пришоѣ да
нїе, при ско
насолѣ му
Обычаю
Сѣ же на сѣантѣ на шѣтрїо велнкѣ
прелюбѣзѣннїа. сирѣчь
велнкѣ
церковь
сирѣчь
всѣхъ царствѣхъ римскихъ.
всѣхъ людемъ еретическихъ.

Сѣрѣка дѣоанѣ сирѣчь свѣщенїе
рѣкоположенїа и слѣжа сирѣчь
примѣненїа жерѣва тѣла и крова
гѣа нашего іѣсо хрѣта поганїи
словаи когѣа вознѣстїа
сѣантѣ на шѣтрїо велнкѣ прелю
бѣзѣннїа челоуцѣи

Сіа стѣа соборная апостольскаа црковь, подобнаа сіиунае каа терсалинскаа . шсіиуна изыиде бжественнымъ закономъ слоуомъ гдннмъ штерсалина происшедшем . и цркви адоуыминкогда прешдольбемъи бываема ; Сіа црковь истиннаа ни поклѣбимое . и истиннаа црква похрстово егалию не измѣннаа и нерѣшима ни мало ни великаа поклѣткѣ шзауаптіа мѣра и докончаніа . црковь члкъ . еста црквины црветъ всемо прѣданію стѣиу оцъ всемо стѣомъ бжтвенномъ писанію и соблюдае . его никтоуа не вимомъ .

Сіа црковь шпадаша шнсплнныи цркви хрстіанскои и прѣвѣщае памію гдѣа црвесауа . и зыматъ швелнкаго града авгиліана . шжкены римскои любоубѣицы великіа . и колорое стѣи наводаа многіа и многога наседлаи главы шѣа . рю . шнебоже любоубааша царин зема . стѣи и оупишнса жнвѣици на земліи шжнма любоубааша еа . Сіи прѣта адоуы поѣта развращенныи еста ни кѣлогнѣта шчуню и колорю смѣра .

Сіа црковь никоніанзскаа оуи ницѣхъ , авъцѣрски цркви нѣ развращеннаа порытскамо егалию полжнскомо проповѣданію ; црковъ члкъ еста каковѣо црвѣ цозію битъ члкъ штомъ и прѣвѣщае та коваа шцѣрковъ выдѣта .

Бресь . уакии пабасъ
Бресь . колѣнои поклоницы
Убоудъ еста стѣиу хрстовыи црквины собрѣнскани собзценіа имѣютъ .
Сошбзшннски собрѣтнскани ни послатса среадъ ии доука до пѣса годъ ;
Шпадашии шстѣиу цркви которіи ни црвана прѣдннскіа
Бресь . шаджады ерѣиуескіа
Бресь . бласоваа на главе ни гострѣиуескаа
Бресь . богомерскаа брѣтѣиуескаа
Бресь . шпрѣперспноескаа шноженіа . шмръуъ шцѣпѣла
Бресь . шнса . ниан благословіаи шцѣлкомъ .
Бресь . шжыунаа .
Бресь . криковаа шжннко .

Сен агнець не страха анын . аще кто шсего агнецаа прѣимшѣта . тои шнса шхсѣа шнсплнныи црквины собрѣнскани собзценіа имѣютъ .
Сіа црковь шпадаша шнсплнныи цркви хрстіанскои и прѣвѣщае памію гдѣа црвесауа . и зыматъ швелнкаго града авгиліана . шжкены римскои любоубѣицы великіа . и колорое стѣи наводаа многіа и многога наседлаи главы шѣа . рю . шнебоже любоубааша царин зема . стѣи и оупишнса жнвѣици на земліи шжнма любоубааша еа . Сіи прѣта адоуы поѣта развращенныи еста ни кѣлогнѣта шчуню и колорю смѣра .
Сіа црковь никоніанзскаа оуи ницѣхъ , авъцѣрски цркви нѣ развращеннаа порытскамо егалию полжнскомо проповѣданію ; црковъ члкъ еста каковѣо црвѣ цозію битъ члкъ штомъ и прѣвѣщае та коваа шцѣрковъ выдѣта .

Сіа црковь шпадаша шнсплнныи цркви хрстіанскои и прѣвѣщае памію гдѣа црвесауа . и зыматъ швелнкаго града авгиліана . шжкены римскои любоубѣицы великіа . и колорое стѣи наводаа многіа и многога наседлаи главы шѣа . рю . шнебоже любоубааша царин зема . стѣи и оупишнса жнвѣици на земліи шжнма любоубааша еа . Сіи прѣта адоуы поѣта развращенныи еста ни кѣлогнѣта шчуню и колорю смѣра .

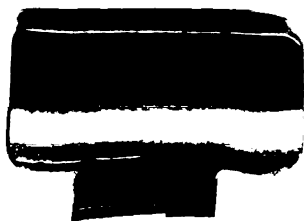

BOUND

JUN 15 1949

**UNIV. OF MICH.
LIBRARY**

Проф. А. М. Селищевъ.
Діалектологіческія замѣтки по изученію Сибири
(Предположены къ изданію).